

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 4 (40) | 2025

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (40)

Киров
2025

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (40)

Kirov
2025

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);
M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Попов Михаил Валерьевич, Фартеев Евгений Константинович.</i> Городские школы на Урале в начале XX в.....	9
<i>Белова Надежда Алексеевна.</i> Тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII–XIX вв.....	16
<i>Карандашев Глеб Владимирович.</i> Регламентация проституции в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.....	28
<i>Шадрина Анна Васильевна.</i> «Бриковский “Иван с нежностью” объясняется в любви»: об одном постановлении ЦК ВКП(б) 1943 г.....	35
<i>Лебедянцев Иван Михайлович.</i> «Цензурная» атака на М. П. Погодина и его журнал в 1842 г.: споры вокруг статьи А. С. Хомякова и «славянский вопрос».....	41

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Немчанинов Даниил Григорьевич.</i> Катынь в оценках и политике американского руководства (1940–1953 гг.).....	50
<i>Ходячих Сергей Сергеевич.</i> Холокост как метанарратив коллективной памяти: проблемы деконструкции.....	64
<i>Рахманова Александра Евгеньевна.</i> Фракция пилитов: социальный портрет.....	69

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Жаворонкова Екатерина Александровна.</i> Анализ внешней политики Турции в Восточном Средиземноморье в период правления Партии справедливости и развития.....	74
<i>Комелев Антон Игоревич.</i> Роль дипломатии на высшем уровне в отношениях РФ и КНДР (1991–2024 гг.).....	85

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Пелихов Александр Владимирович.</i> Зарубежные походы русской армии на втором и третьем этапах Северной войны в историографии.....	96
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ахметова Миляуша Ансаровна.</i> Гаяз Исхаки и его сокамерники в чистопольской тюрьме (по материалам повести «Зиндан»).....	106
<i>Болнова Екатерина Владимировна.</i> Принцип организации поэтического сборника В. Сосноры «Флейта и прозаизмы».....	113
<i>Красницкая Алена Евгеньевна.</i> Национальное своеобразие итальянского гиноцентрического романа второй половины XX века: тематика, поэтика, контекст.....	121

*Раков Андрей Алексеевич. Особенности хронотопа и маршрута
в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова128*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Бубенчиков Андрей Владимирович. Музеефикация театрального пространства
в контексте современной визуальной культуры136*

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Popov Mikhail Valerievich, Farteev Evgeny Konstantinovich.</i>	
Urban schools in the Urals at the beginning of the 20th century	9
<i>Belova Nadezhda Alexeevna.</i> Prisons in the	
Kirillo-Belozersky monastery in the 17th–19th centuries.....	16
<i>Karandashev Gleb Vladimirovich.</i> Organization of prostitution regulation	
in Yaroslavl province in the second half of the 19th – early 20th century	28
<i>Shadrina Anna Vasilievna.</i> "Brik's "Ivan with tenderness" declares his love":	
about one resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party	
(Bolsheviks) in 1943	35
<i>Lebedyantsev Ivan Mikhailovich.</i> "Censorship" attack on M. P. Pogodin	
and his journal in 1842: disputes around the article	
of A. S. Khomyakov and the "Slavic question"	41

GENERAL HISTORY

<i>Nemchaninov Daniil Grigorievich.</i> Katyn in the assessments and policies	
of the American leadership (1940–1953)	50
<i>Khodyachikh Sergey Sergeevich.</i> The Holocaust as a metanarrative	
of collective memory: problems of deconstruction	64
<i>Rakhmanova Alexandra Evgenevna.</i> The social portrait of the Peelites	69

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Zhavoronkova Ekaterina Alexandrovna.</i> Analysis of Turkey's Foreign Policy	
in the Eastern editerranean during the Reign of the AKP	74
<i>Komelev Anton Igorevich.</i> Relations between Russia and North Korea:	
diplomacy at the highest level (1991–2024).....	85

HISTORIOGRAPHY

<i>Pelikhov Alexander Vladimirovich.</i> Foreign campaigns of the Russian Army	
in the Second and Third stages of the Northern War in historiography.....	96

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Akhmetova Milyausha Ansarovna.</i> Gayaz Ishaki and his inmates	
in Chistopol prison (based on the materials of the story "Zindan")	106
<i>Bolnova Ekaterina Vladimirovna.</i> The principle of organization	
of V. Sosnora's poetry collection "Flute and prose"	113
<i>Krasnitskaya Alena Evgenievna.</i> National originality	
of the italian gynocentric novel of the second half	
of the 20th century: themes, poetics, context.....	121

<i>Rakov Andrey Alekseevich. Special features of chronotope and route in the "Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov.....</i>	128
---	-----

CULTURAL STUDY

<i>Bubenshchikov Andrej Vladimirovich. Museification of theatrical space in the context of modern visual culture.....</i>	136
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37.018.5(470.5)"19"

EDN: QMGNDZ

Городские школы на Урале в начале XX в.

Попов Михаил Валерьевич¹, Фартеев Евгений Константинович²

¹доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет. Россия, г. Екатеринбург. SPIN-код: 5436-9758. E-mail: m-v-popov@yandex.ru

²ассистент, Уральский государственный педагогический университет. Россия, г. Екатеринбург. SPIN-код: 5747-9369. E-mail: fartejevgeni@mail.ru

Аннотация. В начале XX века городские училища стали важным звеном в системе образования российских губерний, предоставляя возможность получения общего образования детям разных сословий. В статье речь идет о становлении городских школ на Урале в начале XX в. Авторы пытаются проследить трансформацию уездных училищ в городские, а также провести связь дореволюционного образования с современным. Рассматриваются учебные планы городских училищ по «Положению» 1872 г., и анализируется значимость подобных учебных заведений для дореволюционной России. На основе архивных документов приводится статистика количества городских училищ начала XX в. по Оренбургскому учебному округу. Важную роль в координации и функционировании городских школ на Урале выполняло Министерство народного просвещения, деятельности которого авторы уделяют внимание. Раскрывается специфика работы городской школы до реформы 1912 г., отмечается политика правительства П. А. Столыпина, обратившего внимание на финансирование подобных учебных заведений. Авторы уделяют внимание системе управления училищами, источникам доходов, а также педагогическому составу и преподаваемым дисциплинам. В исследовании отмечается нехватка должного количества педагогических кадров для работы в городских школах. Делается вывод о необходимости открытия учительских институтов на Урале. Авторы положительно оценивают роль городских училищ, пришедших на смену уездным, в становлении народного образования на Урале и подготовке выпускников, продолжавших свою карьеру в качестве государственных чиновников и мелких служащих. Это связано с тем, что благодаря гибкой системе организации обучения, включавшей как классные, так и предметные методы, городские училища стали важным элементом социально-культурной инфраструктуры регионов, способствуя развитию образования и профессиональной подготовки выпускников.

Ключевые слова: городские школы, Оренбургский учебный округ, Урал, городские училища, Пермская губерния, Екатеринбург, Министерство народного просвещения.

В феврале 2023 г. в обращении к Федеральному собранию президент РФ В. В. Путин предложил вернуться к традиционной системе обучения в вузах. Сворачивание Болонской системы приведет к пересмотру сроков обучения и учебных планов. Реформирование системы высшего образования может стать началом большой образовательной реформы, которая может коснуться и школьного образования. В связи с этим в общественном поле стали появляться мнения о сокращении сроков школьного образования. В частности, помощник президента В. Р. Мединский заявил, что «11 лет обучения в школе – непозволительная роскошь... Образование должно быть спрессованным, чтобы раньше вступать в сферу профподготовки» [11]. Правда, глава Министерства просвещения С. С. Кравцов позже заявил, что в ближайшее время сокращения сроков обучения в школе не планируется [12].

Однако общественная дискуссия по поводу сроков обучения сформировала разные мнения на этот счет. В том числе часть экспертов высказалась за возврат к советской системе, предполагающий сокращение сроков обучения. Очевидно, что на данный момент в стране присутствует нехватка кадров технических профилей, образование по которым можно получить в рамках среднего профессионального звена. Для решения этой проблемы в Государственной Думе РФ приняли закон об особом порядке проведения ГИА в 9-х классах, в рамках которого школьники трех пилотных регионов получают возможность вместо четырех экзаме-

нов сдавать только два обязательных – русский язык и математику [5]. Данный закон действует только для учеников, которые планируют дальнейшее обучение в колледже или техникуме. Таким образом, можно предположить преемственность реформ высшего образования и реформ школьного уровня, в рамках которых возможно не только сокращение сроков обучения, но и внедрение предпрофессиональной подготовки в среднем звене. В связи с этим интересно изучить дореволюционный опыт организации городских школ Российской империи в начале XX в., который позже был использован в советской системе образования.

Объектом исследования являются общеобразовательные городские школы Урала в начале XX в.

Предмет исследования – государственная политика в сфере просвещения и ее результаты по развитию городских школ.

Территориальные рамки – Урал в границах Оренбургского учебного округа, существовавшего в конце XIX – начале XX в.

Хронологические рамки: 1900–1912 гг. (от начала века до замены городских школ высшими начальными училищами).

Цель – выявить закономерности развития городских школ Российской империи на примере Урала в начале XX в., которые в системе образования находились выше начального, но ниже гимназического уровней.

Степень изученности темы. О. Ю. Левченко в своей работе раскрывает особенности трансформации уездных училищ в городские в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автор анализирует специфику данного типа учреждений и указывает его преимущества [10]. И. А. Слудковская описывает уникальность появившихся по положению 1872 г. городских училищ и указывает статистику этих учреждений в Пермской губернии в начале XX в. [16]. И. Н. Хабалева разбирает особенности организации начального образования в рассматриваемый период в Российской империи и делает вывод о двойственности политики Министерства народного просвещения в отношении таких учреждений [19]. Г. В. Калугина, Л. В. Ольховая, О. Н. Яхно дают краткую характеристику социального состава и количества городских училищ Екатеринбурга в начале XX в. [9, 20]. Е. Ю. Апкаримова акцентирует свое внимание на влиянии городских властей на становление народного образования Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в. [2]. Ю. В. Ергин анализирует особенности развития Оренбургского учебного округа в конце XIX – начале XX в. [7]. Л. А. Дашкевич изучает влияние городских властей на развитие начальных школ в Екатеринбурге в годы Первой мировой войны [6]. Большинство работ носит описательный характер и содержит минимальное количество информации о городских школах на Урале в территориальных рамках Оренбургского учебного округа.

Согласно принятому 31 мая 1872 г. «Положению о городских училищах», происходило преобразование уездных училищ в городские. Данная мера должна была способствовать развитию народного образования. Недостатком уездных училищ был преподаваемый в них теоретический курс, который не соответствовал потребностям общества, так как он не готовил к практической деятельности и изучению прикладных наук. Министр просвещения граф Д. А. Толстой был сильно удивлен, когда узнал, что гимназию заканчивает лишь малая часть поступивших детей, в основном все уходит из нее после средних классов [10, с. 308]. Среди проблем уездных училищ также можно отметить низкий уровень образования, недостаточный набор изучаемых дисциплин, длительный курс обучения, который требовал сокращения. Уездные училища предоставляли городским детям всех классов общее начальное образование и прикладные знания, которые давали возможность детям недворянского происхождения получить шанс поступить в средние учебные заведения [3, с. 42].

Согласно «Положению» городские училища разделялись на одноклассные, двухклассные, трехклассные и четырехклассные [1, с. 1178]. Курс обучения продолжался шесть лет, а деление было связано с количеством учителей и денежных средств, имевшихся в распоряжении администрации на содержание училищ. Обучение было бессловесным, для всех желающих начиная с семи лет. В основе обучения лежала классная система, т. е. в каждом классе был свой штатный преподаватель, который вел все предметы (кроме закона Божия, пения и гимнастики) [10, с. 310]. Обучение в городских училищах было платным, от 2 до 18 руб. в год [4, с. 319].

По «Положению» в городских училищах преподавали русский язык, чтение, письмо, арифметику и практическую геометрию, Церковно-Славянское чтение и Закон Божий, исто-

рию, физику, географию, пение, черчение, рисование, гимнастику [1, с. 1179–1180]. В полномочиях попечителей учебных округов было наблюдение и координация деятельности городских училищ, инспектора – руководство учебным заведением, а правительство, земства, частные лица и городские общества финансировали обучение [10, с. 310]. Инспектор мог назначить уездного смотрителя сроком на три года для контроля над городским училищем и учителями, когда финансирование обеспечивалось за счет казны, земств или городских обществ [3, с. 43].

Что касается Урала, то большинство его территорий к началу XX в. входило в созданный в январе 1875 г. Оренбургский учебный округ в составе Пермской, Оренбургской, Уфимской губерний и двух областей – Уральской и Тургайской. На 31 декабря 1894 г. в округе насчитывалось 22 городских училища [7, с. 146]. К началу 1906 г. количество городских школ здесь достигло 32, в том числе в Пермской губернии действовало 17 училищ подобного типа, в Уфимской и Оренбургской по 7 в каждой, и одна школа находилась в Тургайской области. Эти учебные заведения посещало в Пермской губернии 2473 человека, в Уфимской – 1300, в Оренбургской – 942 учащихся, в Тургайской области – 87 учеников [13, л. 52]. По сведениям инспектора народных училищ, в 1911 г. в Екатеринбурге обучалось 1806 человек на 44 отделениях, а в 1912 г. уже 1893 ученика на 50 отделениях [9, с. 115].

В городских училищах получить образование могли дети городской мелкой буржуазии, купечества, мещанства. Их обучение стоило от 8 до 15 руб. в год, однако не все родители могли внести плату. Так, в первой половине 1907 г. из 167 детей оплата была внесена 130 семьями [8, с. 114].

Полученное образование в городских училищах носило законченный характер, не давая далее возможности продолжить обучение выпускнику. Однако под влиянием городской общественности власти приняли решение о принятии лучших выпускников данного вида учебного заведения в учительские или коммерческие училища [16, с. 27]. При получении аттестата и по завершении полного курса выпускники также имели право поступить на гражданскую службу. Часто выпускники городских училищ поступали на частную службу писцами, конторщиками, приказчиками, а получая первый классный чин, освобождались от установленных испытаний [10, с. 311].

Государство выделяло средства на содержание городских школ и жалование для преподавателей и обслуживающего персонала. Например, в 1905 г. казной было выделено этой категории учебных заведений в Оренбургском учебном округе 107168 руб., что составляет 51 % расходованных на городские училища окружных средств (всего 20 9035 руб.). В то же время Министерство народного просвещения стремилось привлечь местные органы городского и земского самоуправления, а также общественность и пожертвования к финансированию этого направления в народном просвещении: городские думы Оренбургского округа в 1905 г. на развитие сети городских школ выделили 42 802 руб. (20 % от всех средств), а земские сборы составили 23 867 руб. (11 %), помощь попечителей и частные пожертвования равнялись 6849 руб. (3 %). Кроме того, сборы как плата учащихся и их родителей за обучение составляли 20 038 руб. (около 10 % всех денежных затрат)¹ [13, л. 58].

Министерство просвещения и попечительство учебных округов стремилось координировать действия органов самоуправления и общественности, принимавших участие в финансировании и поддержке городских школ. В марте 1907 г. правительством П. А. Столыпина для «заботы о благоустройстве училищ и об улучшении положения учащихся и учащихся...» при этих учебных заведениях учреждаются попечительства, в которые входили чиновники, учителя, представители органов городского и земского самоуправления, общественности и местного населения, избранные сроком на три года. В «Положении», принятом правительством, отмечалось, что «при изыскании средств на предмет удовлетворения училищных нужд попечительства имеют право: а) принимать пожертвования деньгами, учебными пособиями, книгами, одеждой и др.; б) устраивать с надлежащего каждый раз разрешения конкретные публичные лекции» [14, л. 30].

Привлечение дополнительных средств для финансирования позволяло увеличивать жалование школьным работникам, число и категории которых в городских училищах Оренбургского учебного округа предоставлены в приведенной табл. 1.

¹ Подсчитано авторами по материалам НАРБ. Ф.И-109. Оп. 1. Д. 167.

Таблица 1

**Число служащих в городских и приравненных к ним училищах
в Оренбургском учебном округе на 1 января 1906 г.²**

Губерния (область)	Почетных смотрителей	Инструкторов и заведующих училищем	Законоучителей и вероучителей	Учителей наук и учительских помощников	Прочих служащих
Уфимская губерния	6	7	8	27	17
Пермская губерния	14	17	18	55	46
Оренбургская губерния	4	6	7	21	13
Тургайская область	1	1	1	2	2
Итого	25	31	34	105	48

Однако к концу первого десятилетия XX в. уровень общеобразовательной и специальной подготовки преподавателей и служащих городских школ на Урале оставался недостаточным: специальное педагогическое образование имели далеко не все преподаватели. Например, в Оренбургском учебном округе в 1910 г. из 287 преподавателей лишь 111 имели специальное педагогическое образование, а 42 – звание домашнего учителя. Данная проблема была известна Министерству народного просвещения; так, попечитель Оренбургского округа Ф. Н. Владимиров в том же году писал директору Департамента народного просвещения С. И. Анциферову: «...округ чрезвычайно затруднен приисканием надлежаще подготовленных для означенных заведений (городских начальных училищ. – *Прим. авторов*) должностных лиц и по необходимости должен допускать к исполнению учительских обязанностей в названных учебных заведениях лиц не получивших специальной подготовки, что, конечно, не может не отразиться на постановке учебного дела» [8, с. 168].

Проблему нехватки педагогических кадров на Урале пытались решить еще во второй половине XIX в., открыв в 1878 г. учительский институт в Оренбурге. Деятельность данного учебного заведения основывалась на «Положении об учительских институтах» от 31 мая 1872 г. Условия поступления в учительский институт: возраст не моложе 16 лет вне зависимости от званий и сословий, сдача вступительных экзаменов за курс уездного училища. Невысокие требования к поступающим приводили к тому, что большинство учащихся составляли крестьяне и представители средних городских сословий. Срок обучения в этих учебных заведениях определялся в три года. За этот срок молодые люди изучали педагогику, психологию, историю педагогики, методику преподавания учебных дисциплин; знания отрабатывались на педагогической практике [7, с. 152].

Учительский институт в Оренбурге просуществовал до 1896 г., а после переноса в 1907 г. канцелярии Оренбургского учебного округа в Уфу проблема педагогических кадров для городских общеобразовательных школ обострилась. Необходимость расширения подготовки учительских кадров для городских школ объяснялась и введением предметной системы, что требовало подготовки кадров по отдельным учебным дисциплинам. Поэтому было принято решение открыть в Уфе педагогическое учебное заведение для подготовки специалистов в городские школы. 1 июля 1909 г. было открыто данное заведение, ставшее десятым по счету учительским институтом в России начала XX в. Первым директором института был назначен действительный статский советник А. Н. Лисовский, преподаватель древних языков [7, с. 153].

После предоставления возможности выпускникам получать первый классный чин на гражданской службе, а значит, иметь перспективу карьерного роста, популярность данного типа школьного учреждения среди различных слоев населения выросла [18, с. 296–297]. Именно поэтому количество городских училищ увеличилось: к 1910 г. в Пермской губернии их стало 35, в Оренбургской – 18, в Уфимской – 17 [8, с. 167]. В связи с увеличением количества городских училищ рос и контингент обучающихся: в 1905 г. в Уфимской, Оренбургской, Пермской губерниях и Тургайской области число выбывших из городских школ учащихся составляло 1383 человека, но за это же время сюда поступило 1540 желающих учиться [13, л. 52].

В результате роста популярности общеобразовательных школ, дающих образование выше, чем начальные училища, 26 июня 1912 г. в России взамен городских училищ были со-

² Таблица составлена авторами по материалам НАРБ Ф. И-109. Оп. 1. Д. 167. Л. 55.

зданы высшие начальные училища – четырехгодичные школы повышенного типа (мужские, женские и совместного обучения). Окончив начальную школу, ребенок любого сословия мог поступить в высшее начальное училище, а закончив его, приравнялся к выпускнику 4-го класса гимназии. Обычно данные выпускники поступали в учительские семинарии, технические училища [15, с. 183].

Таким образом, в уральских губерниях: Оренбургской, Пермской, Уфимской и Тургайской области – в рамках Оренбургского учебного округа в 1900–1912 гг. основным типом общеобразовательных повышенных школ были городские училища, пришедшие на смену уездным. Главным источником финансирования этих учреждений был государственный бюджет. В то же время окружные чиновники активно использовали материальную поддержку выборных органов городского и земского самоуправления, спонсорскую помощь, пожертвования частных лиц. К участию в управлении школами привлекалось и местное население, в первую очередь родители учеников, вносящих плату за обучение. В 1909 г. в Уфе для подготовки преподавательских кадров для повышенных школ был открыт учительский институт. Выпускники городских школ могли осуществлять и профессиональную деятельность в качестве государственных чиновников, мелких служащих, часто поступали в учительские семинарии и технические училища.

Список литературы

1. 1872. Мая 31. О Положениях и штатах Городских училищ и Учительских институтов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871–1873. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1877. С. 1174–1304.
2. Анпаримова Е. Ю. Городские власти Екатеринбурга и народное образование во второй половине XIX – начале XX века // Урал индустриальный : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. 1996. Екатеринбург : УГТУ. 1997. С. 23–26.
3. Белкин А. С., Мельникова Л. А. Миссия земства в истории образования Урала (1870–1917) : монография. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2010. 119 с.
4. Городские училища // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 318–320.
5. Госдума приняла закон о проведении эксперимента по сдаче ОГЭ. URL: <https://ria.ru/20250318/oge-2005693769.html> (дата обращения: 18.03.2025).
6. Дашкевич Л. А. Городские власти Екатеринбурга и развитие образования в годы Первой мировой войны: высшие начальные училища // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 105–119.
7. Ергин Ю. В. История Оренбургского учебного округа (1875–1919) // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 2. С. 144–159.
8. Игошев Б. М., Попов М. В., Елисафенко М. К. История развития педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930) / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 273 с.
9. Калугина Г. В., Ольховая Л. В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX начале XX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 112–123.
10. Левченко О. Ю. Городские училища в системе общего образования России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2021. № 2. С. 305–314.
11. Мединский назвал 11-летнее обучение в школе роскошью. URL: https://www.rbc.ru/society/24/09/2024/66f2d54f9a79470d61d7dc85?from=article_body (дата обращения: 18.03.2025).
12. Минпросвещения не планирует сокращать продолжительность обучения в школах. URL: <https://ria.ru/20241104/shkoly-1981829258.html> (дата обращения: 18.03.2025).
13. НАРБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-109. Оп. 1. Д. 167.
14. НАРБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 586.
15. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. Г. Панов. А – М / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая Рос. энцикл., 1993–1999, 1993. 607 с. : ил.
16. Слудковская И. А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX века. Пермь : Издательство ПОИПКРО, 1998. 172 с.
17. Уездные училища // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 35. С. 134.
18. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2000. 640 с.
19. Хабалева Е. Н. Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере Орловской губернии) // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 97–114.
20. Яхно О. Н. Екатеринбург на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в организации городского пространства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 23–39.

Urban schools in the Urals at the beginning of the 20th century

Popov Mikhail Valerievich¹, Farteev Evgeny Konstantinovich²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Ural State Pedagogical University. Russia, Ekaterinburg.
SPIN-code: 5436-9758. E-mail: m-v-popov@yandex.ru

²assistant, Ural State Pedagogical University. Russia, Ekaterinburg. SPIN-code: 5747-9369.
E-mail: farteevevgeni@mail.ru

Abstract. At the beginning of the 20th century, city schools became an important link in the education system of Russian provinces, providing an opportunity for children of different classes to receive general education. The article deals with the formation of urban schools in the Urals in the early 20th century. The authors try to trace the transformation of county schools into urban schools, as well as to link pre-revolutionary education with modern education. The article examines the curricula of city schools according to the "Regulations" of 1872 and analyzes the importance of such educational institutions for pre-revolutionary Russia. Based on archival documents, statistics are provided on the number of urban schools operating in the Orenburg Educational District in the early 20th century. The authors note the significant role of the Ministry of Public Education in coordinating the actions of local governments and the public for the successful functioning of urban schools in the Urals. The specifics of the city school's work before the reform of 1912 are revealed, and the policy of the government of P. A. Stolypin, who drew attention to the financing of such educational institutions, is noted. The authors pay attention to the management system of schools, sources of income, as well as the teaching staff and the disciplines taught. The study notes the lack of an adequate number of teaching staff to work in urban schools. It is concluded that it is necessary to open teaching institutes in the Urals. The authors positively assess the role of city schools, which replaced county schools, in the formation of public education in the Urals and the training of graduates who continued their careers as government officials and minor employees. This is due to the fact that, thanks to the flexible educational system, which included both classroom and subject methods, urban schools have become an important element of the socio-cultural infrastructure of the regions, contributing to the development of education and professional training of graduates.

Keywords: City schools, Orenburg educational district, Urals, city schools, Perm province, Yekaterinburg, Ministry of Public Education.

References

1. 1872. *Maya 31. O Polozheniyakh i shtatakh Gorodskikh uchilishch i Uchitelskikh institutov* [1872. May 31. On the Regulations and Staffs of City Schools and Teachers' Institutes] // *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Vol. 5. Tsarstvovaniye imperatora Aleksandra II. 1871–1873* – Collection of Decisions of the Ministry of Public Education. Vol. 5. The Reign of Emperor Alexander II. SPb., Tip. V. S. Balasheva. 1877. Pp. 1174–1304.
2. *Apkarimova E. U. Gorodskiy vlasti Ekaterinburga i narodnoye obrazovaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [City authorities of Yekaterinburg and public education in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century] // *Ural industrialnyy: Tezisy dokladov regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* – Industrial Ural: Abstracts of the Regional Scientific and Practical Conference. 1996. Ekaterinburg, UGTU. 1997. Pp. 23–26.
3. *Belkin A. S. Missiya zemstva v istorii obrazovaniya Urala (1870–1917) : monografiya* [The Mission of the Zemstvo in the History of Education in the Urals (1870–1917) : a monograph]. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. 119 p.
4. *Gorodskiy uchilishcha* [City schools] // *Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* – Encyclopedic Dictionary by F. A. Brokgauz and I. A. Efron. SPb., 1893. Vol. 9. Pp. 318–320.
5. *Gosduma prinyala zakon o provedenii eksperimenta po sdache OGE* [The State Duma adopted a law on conducting an experiment on passing the OGE]. Available at: <https://ria.ru/20250318/oge-2005693769.html> (date accessed: 18.03.2025).
6. *Dashkevich L. A. Gorodskiy vlasti Ekaterinburga i razvitiye obrazovaniya v gody Pervoy mirovoy voyny: vysshiye nachalnyye uchilishcha* [The city authorities of Yekaterinburg and the development of education during the First World War: higher elementary schools] // *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnyye nauki* – Izvestiya of the Ural Federal University. Series 2. Humanities. 2025. Vol. 27. No. 1. Pp. 105–119.
7. *Ergin Yu. V. Istoriya Orenburgskogo uchebnogo okruga (1875–1919)* [History of the Orenburg Educational District (1875–1919)] // *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana* – Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2011. No. 2. Pp. 144–159.
8. *Igoshev B. M., Popov M. V., Elisafenko M. K. Istoriya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge (1871–1930)* [History of the Development of Pedagogical Education in Yekaterinburg (1871–1930)] // *Ural. gos. ped. un-t* – Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2013. 273 p.
9. *Kalugina G. V., Olkhovaya L. V. Narodnoye obrazovaniye v Ekaterinburge v kontse XIX – nachale XX v.* [Public Education in Yekaterinburg in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Iz istorii dukhovnoy kultury dorevolutsionnogo Urala* – From the History of the Spiritual Culture of the Pre-Revolutionary Urals. Sverdlovsk, 1979. Pp. 112–123.

10. Levchenko O. Yu. *Gorodskiye uchilishcha v sisteme obshchego obrazovaniya Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vv.)* [City Schools in the General Education System of Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. 2021. No. 2. Pp. 305–314.
11. *Medinskiy nazval 11-letneye obuchenie v shkole roskoshyu* [Medinsky called 11 years of schooling a luxury]. Available at: https://www.rbc.ru/society/24/09/2024/66f2d54f9a79470d61d7dc85?from=article_body (date accessed: 18.03.2025).
12. *Minprosveshcheniya ne planiruyet sokrashchat prodolzhitel'nost obucheniya v shkolakh* [The Ministry of Education does not plan to reduce the duration of schooling]. Available at: <https://ria.ru/20241104/shkoly-1981829258.html> (date accessed: 18.03.2025).
13. NARB (The National Archive of the Republic of Bashkortostan). F. I-109. Inv. 1. C. 167.
14. NARB. F. I-113. Inv. 1. C. 586.
15. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya : V 2 t.* [Russian Pedagogical Encyclopedia : In 2 vols.] / gen. ed. V. G. Panov, V. V. Davydov. M., 1993–1999, 1993. Pp. 607.
16. *Sludkovskaya I. A. Narodnoye obrazovaniye v Permskom kraye v kontse XIX – nachale XX veka* [Public Education in the Perm Region in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Perm, POIPKRO. 1998. 172 p.
17. *Uezdnyye uchilishcha* [County schools] // *Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* – Encyclopedic Dictionary by F. A. Brokgauz and I. A. Efron. SPb., 1902. Vol. 35. P. 134.
18. *Uralskaya istoricheskaya entsiklopediya. Izd. 2-e. pererab. i dop.* [Ural Historical Encyclopedia. 2nd ed., revised and expanded] / gen. ed. V. V. Alekseyev. Ekaterinburg, Akademkniga. 2000. 640 p.
19. *Khabaleva E. N. Osobennosti organizatsii nachalnogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orlovskoy gubernii)* [Features of the Organization of Primary Education in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on the Oryol Province)] // *Nauchnyy dialog* – Scientific Dialogue. 2015. No. 8 (44). Pp. 97–114.
20. *Yakhno O. N. Ekaterinburg na rubezhe XIX–XX vv.: traditsii i novatsii v organizatsii gorodskogo prostanstva* [Yekaterinburg at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Traditions and Innovations in the Organization of Urban Space] // *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki* – Izvestiya of the Ural Federal University. Series 2: Humanities. 2023. Vol. 25. No. 4. Pp. 23–39.

Поступила в редакцию: 22.04.2025

Принята к публикации: 03.10.2025

УДК 343.812"16/18"

EDN: ZOQVTR

Тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII–XIX вв.

Белова Надежда Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.
Россия, г. Вологда. ORCID: 0000-0002-5564-5426. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе опубликованных и, главным образом, неопубликованных архивных документов, а также историографического анализа исследовательских работ предпринята попытка воссоздания истории тюрем, существовавших в XVII–XIX столетиях на территории одного из крупнейших русских монастырей – Кирилло-Белозерского. Актуальность данной темы обусловлена сложным и неоднозначным характером монастырской пенитенциарной практики, обращение к которой на примере конкретной обители позволяет выявить ее своеобразие и глубже понять место монастырей в отечественной системе исполнения наказаний. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научности и объективности, а также методы: сравнительно-исторический, описательный и критической интерпретации источников. Особое внимание в статье уделено устройству и пенитенциарной практике монастырской темницы, действовавшей на территории обители в XVII–XVIII вв. Охарактеризованы причины заточения узников, условия их содержания в изоляции, дан анализ состава тюремного контингента. Показано, что в отношении заключенных преследовалась не только цель покарать их, но и привести к раскаянию. Выявлено, что с закрытием монастырской темницы интеграция монастыря в пенитенциарную систему не завершилась. В период с 1770-х по 1870-е гг. в бывших монастырских тюремных помещениях, предоставленных обителью в аренду городу Кириллову, функционировала уездная тюрьма, а затем временно содержались пленные горцы. Один из главных результатов исследования заключается в том, что после секуляризационной реформы 1764 г. значение пенитенциарной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря постепенно снижается, и в итоге к последней четверти XIX в. обитель полностью от нее освобождается.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы России, Кирилло-Белозерский монастырь, монастырская тюрьма, уездная тюрьма.

Пенитенциарная практика православных монастырей как особый феномен отечественной истории, существовавший на протяжении нескольких столетий, оказала существенное влияние на русское общество, карательную политику государства и формирование системы наказаний в России.

Кирилло-Белозерский монастырь наряду с другими российскими обителями выполнял пенитенциарные функции, служил местом ссылки и заточения для разных категорий преступников. Те из них, кто совершал преступления против государства и церкви, подвергались заключению в монастырскую тюрьму, существовавшую на территории обители в XVII–XVIII вв. После ее закрытия в помещениях, арендованных г. Кирилловом у монастыря, с 1770-х по 1870-е гг. размещалась уездная тюрьма.

Несмотря на значительный научный интерес к истории Кирилло-Белозерского монастыря, возникший еще в XIX в., одним из наименее изученных вопросов остается использование его в течение длительного времени в качестве места заключения.

Актуальность данной темы заключается в том, что изучение истории тюремных учреждений, функционировавших на территории Кирилло-Белозерской обители, позволяет расширить представление об интеграции монастырей в пенитенциарную систему государства, а затем их постепенном освобождении от функций мест заключения.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы наиболее полно воссоздать историю тюрем Кирилло-Белозерского монастыря, выявить особенности пенитенциарной практики данной обители и глубже понять место монастырей в общей системе наказания России.

В историографии рассматриваемой темы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

В рамках первого из них вопрос устройства тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре изначально имел легендарный характер. Краткое описание тюремных помещений, существо-

вавших в башнях монастырской ограды, дали, основываясь на преданиях, лично осматривавшие обитель С. П. Шевырев [42] и Ф. А. Арсеньев [4]. А. Н. Муравьев [15] и иеромонах Геронтий [11] соглашались с предположением о наличии темницы в Московской башне, однако выражали сомнения в возможности ее существования. Самое раннее из сохранившихся изображений монастыря, подтверждающих присутствие на его территории отдельного строения для тюрьмы, опубликовал Н. К. Никольский [16]. О том, что в обители имелось особое здание для тюремных сидельцев, упоминал также Н. П. Успенский [38].

В советский период первым историю «тюрьмы в крепости» стал изучать Г. Г. Антипин. Итоги личного обследования тюремных помещений и анализ состава узников тюрьмы в XVIII в. позволили ему в духе времени назвать монастырь «жестоким тюремщиком» [3]. Интерес к этой тюрьме проявил Н. Н. Забек [8]. М. Н. Гернет, опираясь на работу Г. Г. Антипина, посвятил ей параграф первого тома своей «Истории царской тюрьмы» [7]. Упоминания о данной тюрьме имеются в книге А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина по истории создания на Русском Севере «великой государевой крепости» [12], в историко-художественном очерке И. А. Кочеткова, О. В. Лелековой, С. С. Подъяпольского о Кирилло-Белозерском монастыре [14].

В постсоветскую эпоху отдельные сюжеты из истории этой монастырской тюрьмы получили отражение в обновленном очерке вышеуказанных авторов [13], исследованиях историков А. Р. Павлушкова [19] и С. О. Шаляпина [40, 41], посвященных монастырской пенитенциарной практике, статьях музейных работников И. А. Смирнова [36], О. В. Вороницовой [5]. К истории Кирилловской уездной тюрьмы, функционировавшей на территории обители, обращались в своих публикациях последние из упомянутых авторов и Л. В. Теребова [37].

Источниковая база представлена опубликованными материалами и неопубликованными документами из фондов Российского государственного архива древних актов, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Государственного архива Вологодской области.

Пенитенциарные функции Кирилло-Белозерского монастыря, служившего с конца XV в. местом ссылки, усилились в связи с появлением на его территории в первой половине XVII в. тюремных сидельцев. К наиболее ранним документам, подтверждающим наличие тюрьмы в обители, относится грамота, направленная в ноябре 1632 г. патриархом Филаретом игумену Кириллова монастыря Феодосию. Ею повелевалось «служку Лучку Сандырева и крестьян Костю Шилева да Якушка Васьяновского, которые сидят в тюрьме в государеве деле, беречи до нашего указа. И как к вам сия наша грамота придет, и вы б того служку Лучку Сандырева и крестьян Костю Шилева да Якушка Васьяновского прислали к нам к Москве скованных с приставом на монастырских подводах» [20, л. 1–1об.].

В монастырь также присылались приговоренные к казни, но помилованные узники. Например, по указу царя Алексея Михайловича от 23 января 1647 г. для содержания в смиреннии и черной работе в обитель посланы помилованные им колодники чернецы Кирило, Боголеп, Иона и дьячок Якушко, которые за непристойные речи о государе и боярах «довелись было смертные казни» [9, с. 1–2].

Фактически на тюремном режиме, с применением цепи и кандалов, приказывалось содержать лиц, направленных в обитель «под крепкий начал». Прощение зарабатывалось ими молитвами и тяжким трудом. Так, грамотой патриарха Иосифа игумену Антонию 1642 г. предписывалось посланных в монастырь попа Луку (за порчу служб в Службниках) и садовника Якушку Карташа (за постриг беременной жены и кровосмешение) держать «под крепким началом на цепи, в черных трудах; первого во время службы пускать в церковь в ножных железах, а последнего приводить к церкви и держать вне оной на цепи, после же службы велеть им кланяться в землю каждому из братии по три раза» [10, с. 146].

Места содержания «подначальных людей» на территории обители в документах светской и церковной власти конкретизировались крайне редко. Лишь благодаря отдельным упоминаниям можно установить, что их размещали в хозяйственных помещениях и кельях. Например, грамотой патриарха Никона от 18 декабря 1655 г. «на Белоозеро Кирилова монастыря архимандриту Митрофану с братией» предписывалось принять в монастырь «под крепкий начал» и поместить «в хлебню, на цепь» сына протопопа Московского Архангельского собора Никифора Василия за «сумасбродство, многие его отцу непослушания и пьянство» [21, л. 1–2].

Устройство в монастыре специальных тюремных помещений, по мнению большинства историков, связано со строительством крепости Нового города [11, с. 89], завершение которого исследователи относят к концу 1670-х – началу 1680-х гг.

Стены крепости заключали в себя постройки большого Успенского и малого Ивановского монастырей, разделенных с половины XVI в., и возведенного в 1611–1612 гг. острога¹. В ее ограде были устроены и помещения для содержания заключенных. Вместе с тем скудность источниковой базы предопределила дискуссионный характер вопроса о местоположении тюрьмы.

С. П. Шевырев так описывал темницу Кириллова монастыря: «Внутри каждой башни... большой каменный столб, <...> разделенный на несколько отделов. К каждому отделу вел особый ход... Внутри узкое, тесное пространство, сверху свод, отверстие и два бруса. Вот что называлось в старину теми страшными каменными мешками, в которых заключали преступников, изгнанников или пленных» [42, с. 6]. Ф. А. Арсеньев воспроизвел ту же информацию и еще больше сгустил краски: «...Внутри этих столбов сырость, теснота и мрак... Из этой темной пасти так и веет могилой... В одной из башен сохранилось даже кольцо, к которому приковывались к стене заключенники. Такого рода камеры одиночных заключений выработали нравы семнадцатого столетия. Из этих ужасных тайников если и выходили люди живыми, то уж наверно сумасшедшими» [4, с. 94].

А. Н. Муравьев упомянул о наличии тюремных помещений лишь в Московской (Ферапонтовской) башне, но при этом выразил сомнение в использовании их в пенитенциарных целях. По этому поводу он писал, что «во всю ее высоту... стоит внутри каменный столб, разделенный на ярусы, или так называемые каменные мешки, куда, по преданию, сажали преступников и пленных: страшная темница, если она когда-либо тут существовала; но чего не делалось в средние темные века?» [15, с. 252]. Позже эти сведения были почти дословно повторены иеромонахом Геронтием [11, с. 84].

Архимандрит Иаков, знакомый с мнением А. Н. Муравьева по поводу каменных мешков, в кратком пересказе ряда архивных материалов отмечал, что «из монастырских актов не видно, чтобы сажали преступников или пленных в мешки: о мешках нигде ни слова, а все о тюрьме» [10, с. 148].

Н. П. Успенский полагал, что устроенные внутри каменных столбов наугольных башен мешки имели чисто военные цели и использовались в качестве кладовых для боеприпасов. По его мнению, эти темные и тесные помещения, которые запирались наглухо дверьми (о чем свидетельствовали торчащие в узких дверных отверстиях железные крюки), поражали воображение и породили легенду, что здесь «в древнее время сидели несчастные заточники и, заживо замуравленные, умирали жестокою смертью» [38, с. 632]. Поскольку письменные памятники не подтверждали этой «догадки воображения», историк пришел к выводу, что «монастырь для своих тюремных сидельцев имел особое здание» [38, с. 632].

Самое раннее из известных изображений Кирилло-Белозерского монастыря, на котором указано местоположение тюрьмы на территории Нового города (гравюру А. Ростовцева, датируемую 1720 г.), опубликовал Н. К. Никольский [16, с. XCIV]. Им также отмечено, что Угловая (Мельничная) башня, именуемая в описи 1732–1733 гг. тюремной, в описи 1773 г. упомянута уже как «наугольная (что пониже мельницы) круглая и за ветхостью сверху и до половины была разломана» [16, с. 237].

Г. Г. Антипин постройку тюрьмы для уничтожения «крамолы и хулы» отнес к периоду возведения Нового города, ссылаясь на то, что к середине XVII в. революционное и антицерковное движение «значительно шагнуло вперед» [3, с. 36]. По его мнению, тюремные помещения находились в крепостной стене. «От Московской башни стена... сворачивает на запад и тянется до въездной Косой башни на 137 м. В нижнем ярусе его 8 дверей ведут в 23 помещения, значительная часть которых... резко отличается своим устройством от всех помещений нижнего яруса. Здесь... одна общая комната... и 2 небольшие камеры в толще стены. Камеры очень малы... Всего здесь 4 одиночных камеры» [3, с. 29]. В качестве аргументов автор приводил описи XVIII в., которые называют тюрьму «в наружной ограде, подле башни Косой», и «вид монастыря 1742 г.² указывает на тюрьму именно в этом месте» [3, с. 29]. В том же северном прясле крепостной стены им обнаружены 14 тюремных помещений у Белозерской башни. «На 27 метре, сразу же за левой караульной, в нижнем ярусе, вплоть до наугольной башни, на расстоянии 69 м, находится монастырская тюрьма XVII–XVIII веков... Больших тюремных помещений здесь

¹ Изначально этот термин означал оборонительное сооружение. Упомянутый острог защищал с напольной стороны Ивановский монастырь, до настоящего времени не сохранился.

² Гравюра М. Н. Нехорошевского, хранящаяся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике.

6: все они довольно однообразны... между ними идут 6 более узких комнат с дверьми, имеющих в толще стены 6 одиночных камер... Здесь же... имеются 2 длинных, узких общих камеры» [3, с. 30]. Тюрьма «почти до конца XVIII века была обитаема заключенными» [3, с. 19]. Правая караульная, перестроенная в 1849 г. для жилья инвалидной команды, охранявшей монастырские склады, имела «одну большую узкую камеру и одну одиночку» [3, с. 30].

Н. Н. Забек, обследовавший корпус «вдоль прясла от Косой башни почти до Белозерской», отмечал, что «вся распланировка помещения наводит на мысль, что этот корпус строился, как казарма для стрельцов», но вскоре после постройки «помещение было использовано под политическую тюрьму» [8, с. 173]. Ссылаясь на работу Г. Г. Антипина, он указывал, что одновременно в тюрьму помещалось не более 12 заключенных, причем часть их находилась в общей камере. Этот факт позволил исследователю выдвинуть гипотезу, что «такое большое здание могло служить и тюрьмой, и казармой для конвоя одновременно» [8, с. 173]. По версии Н. Н. Забека, «ясно выраженный тюремный характер носит только часть корпуса у Троицких ворот; она представляет отдельное помещение из двух камер (общей и одиночки с топчаном и следами выбитых колец для цепи на стене, коридора и уборной)» [8, с. 173]. Устройство образующих камеры перегородок он расценил как «свидетельство приспособления казармы под тюрьму» [8, с. 173].

А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин появление тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре отнесли к XVI в., но первое упоминание о ней связали с наказом от 29 апреля 1614 г. Д. П. Дернову, назначенному в обитель стрелецким головой [2, с. 71–73]. Поскольку в документе вопрос о тюрьме затронут косвенно, ввиду наделения Дернова правом смирять подчиненных стрельцов в случае неуплаты ими пени («смотря по вине, в тюрьму сажать и батоги бить, кто чего доведется» [2, с. 72]), то точно установить, о какой конкретно тюрьме в нем шла речь, не представляется возможным. Допустив, что в наказе подразумевалась монастырская тюрьма, следует признать ее существование и до назначения Дернова. Документальные подтверждения наличия тюрьмы в обители, как уже упоминалось, относятся к началу 1630-х гг.

Сомнительно утверждение вышеуказанных авторов о том, что тюрьма в монастыре «просуществовала более 260 лет, до 1871 года» [12, с. 189]. Изначально они отмечали, что в качестве тюремных использовались «какие-то помещения первого яруса «Нового города» [12, с. 189]. А в документе 1687 г., предписывавшем старца Сергия «держат в каменной городской стене в кандалах и железах скована за крепким караулом», усмотрено прямое указание на местоположение тюрьмы: «...кели в городской стене близ Белозерской башни, так называемая «тюрьма» [12, с. 190].

Но именно эти исследователи одними из первых упомянули о пребывании особо опасных узников в земляной тюрьме [12, с. 190–191]. К таковым в XVII в. относились избежавшие казни государственные преступники и «упорные раскольники». Например, грамотой царей Иоанна и Петра Алексеевичей архимандриту Тимофею³ повелевалось, чтобы он посланного из Москвы в Кириллов монастырь «за многое воровство и неистовство... посадского человека Мишку Федорова Сыроежникова, заковав в кандалы, держал в земляной тюрьме с великою крепостию и давал ему по мере хлеба и воды... а к той тюрьме к нему никого не пропускать и говорить с ним ни о чем не велел» [10, с. 148].

По грамоте патриарха Иакима от 8 ноября 1689 г. архимандриту Иосифу отправке в Кириллов монастырь подлежал донской расколоучитель монах Нафанаил. Его предписывалось за «растленное и поползновенное житие и к раскольником сообщение» держать «в земляной тюрьме скована до кончины живота его, и пищу ему давать и питье хлеб и воду, или чем возможно ему питаться, и никою с стороны припускать к нему не велеть и беречь, чтоб он не ушел» [1, с. 19–20].

О высылке в обитель за раскол «для исправления в вере» донского казака Афанасия Леншина⁴ и содержании его в земляной тюрьме в 1695 г. архимандриту Геласию были направлены две грамоты: Московским патриархом Адрианом, датированная 3 августа [17, л. 1], и архиепископом Вологодским и Белозерским Гавриилом от 15 числа того же месяца. В последней из них, со ссылкой на указ Иоанна и Петра Алексеевичей и грамоту из Малороссийского приказа, сообщалось, что Леншин прислан в Вологду с толмачом Посольского приказа Дани-

³ Документ не датирован, но может быть отнесен к 1682–1687 гг., времени игуменства Тимофея при этих царях.

⁴ В источниках встречается и другой вариант написания этой фамилии – Оленшин.

лой Леншиным. И его велено «с Вологды послать подначал к вам в Кирилов монастырь... у вас в монастыре до указу великих государей держать в земляной тюрьме в тех же кандалах, в которых он послан с Москвы, и того смотреть и беречь, чтоб он из той земляной тюрьмы не ушел» [1, с. 22]. 19 августа архимандрит Геласий в черновой отписке извещал архиепископа Гавриила, что этот колодник «под начал принят... и в земляную тюрьму посажен» [1, с. 23].

Ввиду малочисленности архивных документов, подтверждающих существование в обители земляной тюрьмы, под которой в XVII–XVIII вв. понималось «изолированное арестантское помещение цокольного этажа каменных зданий обители, лишенное пола» [40, с. 156], установить ее точное местоположение не представляется возможным.

Стоит заметить, что факт наличия тюрьмы в монастыре некоторые авторы подвергли сомнению. В частности, И. А. Кочетков, О. В. Лелекова, С. С. Подъяпольский изначально полагали, что «жилые кельи с чуланами, или так называемая “тюрьма”, были возведены в 1663–1667 гг.» [14, с. 45]. В дальнейшем они пришли к заключению, что «изнутри монастыря... устроено множество небольших камер, предназначавшихся, очевидно, для размещения гарнизона на случай осады. По бокам от въездных башен к стене изнутри пристроены помещения для караула. Часть стены между Косой и Белозерской башнями имеет в нижнем ярусе большие сводчатые палаты, чередующиеся местами с сенями, маленькими тесными кладовками и отхожими местами... Есть предание, что позднее здесь устроили монастырскую тюрьму» [13, с. 44–45].

Однако опубликованные и неопубликованные архивные материалы, содержащие сведения о лицах, заключенных в Кириллов монастырь в XVII–XVIII вв., достаточно репрезентативны и являются прямым доказательством существования в тот период тюрьмы на территории обители. Версия о ее расположении, выдвинутая Г. Г. Антипиным на основе собственного обследования помещений в стенах Нового города и упоминаний о тюрьме в описях XVIII в., представляется весьма убедительной, тем более что и обеспечивать охрану ссылаемых в монастырь узников, в документах часто именуемых колодниками, было проще и легче в одном месте, нежели в разных помещениях, рассредоточенных по территории обители. Вместе с тем ни в одном из выявленных документов нет подробного топографического описания этой тюрьмы.

Наказание в виде лишения свободы (содержание под стражей, под караулом) в монастыре назначалось не судом, а церковной или государственной властью. Если первоначально в Кириллов монастырь узники присылались обычно по грамотам царей и патриархов, то с начала XVIII в. – по распоряжениям Преображенского и Монастырского приказов, а позже – Тайной канцелярии (с 1731 г. – Канцелярии тайных розыскных дел) и Синода. Тюрьма при этом находилась в ведении настоятеля монастыря и была «вне контроля светских юридических органов» [3, с. 36].

Состав узников тюрьмы в этой обители в XVII–XVIII вв. был типичен для монастырских темниц. Для содержания под стражей сюда направлялись духовные и светские лица, признанные виновными в преступлениях против православной веры и церкви (в основном за раскол), против государственной власти (за «воровство», «слово и дело государево»). С начала XVIII в. к ним добавились заключенные, страдавшие психическими расстройствами. При этом душевнобольными нередко признавались лица, проявлявшие политическое или религиозное инакомыслие.

Пожизненное заточение узников не было исключительным явлением, поскольку срок их заключения не конкретизировался. Как отмечал Г. Г. Антипин, «первоначальные заключенные в тюрьму Нового города в большинстве были закованы и присланы сюда до скончания живота, т. е. до смерти» [3, с. 36]. Подобная тенденция сохранялась в дальнейшем. Например, указом Сената от 5 ноября 1729 г. было предписано рязанского иеродиакона Макария Мельхиседека за «некоторые ево предерзостные слова» [22, л. 2] послать «в подначальство» в Кириллов монастырь и содержать «тамо в монастырских трудах скована, до скончания жизни ево неисходно» [22, л. 1–1об.].

Точную численность заключенных, прошедших XVII–XVIII вв. через Кирилло-Белозерский монастырь, установить не представляется возможным. Во время существования тюрьмы, по мнению Г. Г. Антипина, в ней обычно одновременно содержалось от 8 до 12 узников [3, с. 37]. В связи с этим вызывает сомнение утверждение А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина о том, что «сотни хорошо сберегаемых секретных дел заключенных могли бы раскрыть не одну тайну кирилловских узников, но почти все они, случайно или намеренно, погибли при расхищении рукописей после 1859 года» [3, с. 189].

Некоторые из заключенных по решению светских или духовных властей освобождались от цепей, кандалов, работ и из тюрьмы, но покидать пределы монастырской ограды не могли. Например, в грамоте патриарха Никона от 13 января 1634 г. указывалось, что, «когда наша грамота придет... черного дьякона Иону и с цепи и от работ велеть свободить» [33, л. 1об.]. По грамоте царя Алексея Михайловича от 24 июля 1667 г. киевского выходца черного попа Анатолия следовало освободить от кандалов и «держат в монастыре неисходно» [39, с. 104]. Патриарх Иосаф в своей грамоте от 22 февраля 1671 г. потребовал старца Макария «из под начала свободить», но при этом «быть ему... при монастыре» [34, л. 1]. Грамотой вологодского архиепископа Гаврила, направленной монастырским властям в июле 1686 г., предписывалось содержать в тюрьме за раскол иеромонаха Фавста «ис тюрьмы велеть свободить и быт ему до указа под началом же» [1, с. 19].

Помимо карательного значения монастырское заключение имело целью достижение узниками раскаяния в содеянном, потому они не были лишены возможности духовного окормления. Так, грамотой патриарха Иоакима 1686 г. архимандриту Тимофею повелевалось, чтобы «раскольника чернеца Феодосия, присланного с Дону, принял в монастырь и посадил в крепкую тюрьму, чернил и бумаги ему не давал, и не допускал к нему никаких людей, кроме сторожевых, а буде он раскается, то приставил к нему духовного отца для исповеди и причащения» [10, с. 145].

Условия содержания и порядок осуществления надзора за присылаемыми в обитель колодниками конкретизировались в направляемых с ними сопроводительных документах. Особое внимание предписывалось уделять обеспечению строгой изоляции узников (запрещалось любое общение, переписка и др.). В отношении отдельных лиц указывалось на необходимость держать их закованными в кандалы, также «употреблять ко всяким работам». Так, по грамоте патриарха Иосафа от 27 августа 1667 г. «на Белоозеро Кириллова монастыря архимандриту Моисею... с братиею» предписывалось архимандрита астраханского Спасо-Преображенского монастыря Мисаила «держат под крепким началом скована за сторожею в монастыре во всяких трудах» [39, с. 106]. Согласно отписке архимандрита Сергия, 12 июня 1703 г. в монастырь был принят дьякон Вознесенского девичьего монастыря Матвей Конанов, направленный по указу Патриаршего Духовного приказа от 28 мая того же года на вечное житие, которого приказывалось «держат... скована» [39, с. 108].

В XVIII в. содержание под стражей в обители отдельных колодников, представлявших особую опасность, обеспечивалось воинской караульной командой. Действия караула прописывались в специальной инструкции, присылаемой архимандриту монастыря из Синода. В частности, таким документом от 26 января 1755 г. обязывались руководствоваться отставной утер-офицер и солдаты, охранявшие «присланных колодников сумасбродов» [24, л. 1]: солдата Семеновского полка Герасима Суздальцова и крестьянина Алексея Костенина. Их следовало «содержать в Кирилове монастыре порознь», и «смотреть непрестанно, дабы от тех колодников... не произошла какая... дерзость», а с кем из них «непристойная произойдет дерзость, тогда положить тому в рот кляп и содержать его не вынимая кляпа, кроме одного времени, когда дано ему будет есть» [24, л. 2].

Поскольку за колодниками тщательно следили, их побег из Кирилло-Белозерского монастыря случались крайне редко. Так, согласно докладному письму от 21 сентября 1704 г., побег из монастырской тюрьмы совершили двое колодников: ссыльные монахи Варлам Ключкин и Афанасий Нелединский [18, л. 1–2]. 20 июля 1747 г. из обители бежал колодник Арзамасского уезда Высокогорской пустыни бывший строитель иеромонах Иов [23, л. 1]. На основании донесения архимандрита Вавилы 21 августа того же года Синод издал указ о сыске беглеца. Его розыск, судя по переписке с Вологодской духовной консисторией, по состоянию на октябрь 1747 г. не увенчался успехом [23, л. 3, 6].

В XVIII в. на заключенных стали составляться ведомости, содержащие краткую информацию о каждом: его личные данные, год присылки и вину. Первый такой реестр, выявленный Г. Г. Антипиным, датирован 1724 г. Согласно этому документу, с 1717 г. за «невоздержание и пьянство» здесь содержался священник В. Федотеев. В 1719 г. за «непристойные слова» из Преображенского приказа в обитель доставили солдата П. Сафронова, а в 1720 г. – конархиста⁵ И. Губского. Оба узника были помещены под караул до кончины живота. За первым следовало смотреть «против других таких накрепко, чтобы непристойные слова ни с кем бы

⁵ Конархист (или канонарх) – руководитель монастырского хора, монах-регент.

не говорил», а второму предписано «заковану (быть) в кандалах, во всякой монастырской черной работе» [3, с. 36–37]. В 1722 г. по указу Синода за «слово и дело» в обитель прислали расстригу Алипия⁶ с повелением держать его «в тяжких монастырских трудах неисходно» [3, с. 37]. В 1723 г. сюда привезли «неисходных узников» певчего Карнаухова и расстригу Григория (первый из них, которого предписывалось содержать скованным до смерти, через два года умер) [3, с. 37]. Согласно «Экстракту вологодской преосвященного Пимена, епископа Вологодского и Белозерского, духовной консистории о впавших в вины содержащихся в епархии его Преосвященства под караулом и под присмотром колодниках» в 1733 г. по указу Синода в обитель был прислан во «внесостоятельном уме» посадский человек Михаил Казаринов, которому велено «быти для исправления ума в монастырских трудах под караулом» [6, л. 80б.].

В «Экстракте, учиненном из вышеписанной ведомости о содержащихся в Кирилове монастыре белозерских колодниках», который по содержащейся в нем информации может быть отнесен к 1744–1745 гг., перечислено 8 узников [6, л. 1]. Кроме их имен, указано, за что каждый содержался и в каком состоянии находился. Лишь двое заключенных упомянуты «в совершенном состоянии ума»: солдат Петр Петраков, присланный в монастырь за «непристойные слова», и слепой монах Мина, отбывавший наказание «за некоторые вины» (без объяснения, в чем он был обвинен). По поводу первого из них в «Экстракте» указано, что «никаких непристойных слов от него не происходит», а второму по указу Синода от 10 ноября 1744 г. возвращено монашество [6, л. 10б. – 2]. Остальные узники находились «внесостоянии ума своего». В их числе и упоминавшийся ранее расстрига Алимпий, в отношении которого сообщалось, что в 1742 г. Синодом прислан указ, повелевавший, «когда он придет в состояние ума, монашество возвратит и быть в числе братии» [6, л. 1]. Но предписание не было осуществлено, так как узник действительно лишился рассудка [6, л. 1].

Согласно реестру на 11 монастырских заключенных, составленному в 1745 г. для представления через Вологодскую духовную консисторию в Синод, их социальный состав был следующим: крестьян, солдат, духовенства – по 2, горожан и служащих (канцелярист) – по 1, без определенного звания (расстриги) – 3 [3, с. 37]. В «Реестре посланным в Кирилов монастырь Белозерский под присмотр колодников, и у кого ныне под присмотром содержатся», датированном 1763 г., указано 10 имен узников [35, л. 1–4].

Причиной закрытия монастырской тюрьмы в Кирилло-Белозерской обители стала, по всей с вероятности, секуляризационная реформа 1764 г. Наиболее позднее упоминание о пребывании узников в этой тюрьме выявлено в документе 1770 г. В нем сообщается, что оным штатом [караульных солдат] содержать колодников будет нечем более того... которые ныне в монастыре есть» [26, л. 4].

После закрытия в конце XVIII в. монастырской тюрьмы, точная дата которого неизвестна, обитель продолжала оставаться местом ссылки духовных и светских лиц, совершавших проступки против веры и нравственности, а духовенства – еще и за нарушения по службе. В редких случаях сюда направляли политических ссыльных. Так, в 1856 г. за «возмущение крестьян против правительства» в обитель был прислан учитель Лодзинского духовного училища Т. Миневич. Спустя два года его отправили в Суздальскую монастырскую тюрьму [3, с. 38]. 25 мая 1867 г. в монастырь из Шлиссельбургской крепости переведен «в облегчение участи» с разрешения императора чиновник 9-го класса Иван Ромашев [29, л. 2]. Г. Г. Антипин назвал его «последним ссыльным Кириллова монастыря» [3, с. 38].

Но, судя по архивным данным, ссыльные находились в обители и в начале 1880-х гг. Так, 31 марта 1883 г. Новгородская духовная консистория⁷ уведомила архимандрита Якова о направлении причетника Чудской церкви Череповецкого уезда Мефодия Цветкова «за нетрезвость» на полтора месяца в монастырь «на послушания и труды» [31, л. 3]. Более того, «для помещения ссылаемых в оный под надзор людей духовного и гражданского ведомства» [32, л. 1] на территории монастыря во второй половине XIX в. планировалось строительство нового каменного здания (подготовлены его проектный чертеж и смета [32, л. 1–26]).

Ввиду уменьшения численности монахов и резкого ухудшения хозяйственного положения после упомянутой реформы 1764 г. монастырь вынужден был начать сдавать в аренду часть освободившихся помещений, в их числе было и тюремное. В донесении архимандрита Ефрема 1847 г. в Новгородскую духовную консисторию указано, что для охраны сданных в

⁶ В других источниках встречается старая форма его имени – Алимпий.

⁷ В 1787 г. монастырь был передан в подчинение Новгородской епархии.

аренду помещений монастырь содержал инвалидную команду «от 10 до 14 человек, жительство имеющих внутри монастыря» [36, с. 66].

Единой точки зрения на время появления в стенах обители уездной тюрьмы, именуемой в документах по-разному, не существует. Так, в письме архимандрита Иакова от 9 октября 1873 г. упомянуто, что «городовая тюрьма помещена в монастырь с 1777 года» [30, л. 12]. В рапорте кирилловского городничего от 9 октября 1845 г. указано: «Градская тюрьма помещается в ограде Кирилло-Белозерского монастыря с 1812 года» [36, с. 66]. По версии О. В. Вороничевой, под городскую тюрьму между 1809 и 1831 гг. переустроили северную караульную у Казанской башни [5, с. 5]. Наиболее убедительна, по мнению И. А. Смирнова, первая из этих дат, поскольку «большинство уездных учреждений было создано сразу же после образования уезда в 1776 году» [36, с. 66].

Арендная годовая плата, выплачиваемая монастырю из казны за размещение тюрьмы, составляла: «с 1812 по 1825 годы – 70 рублей ассигнациями, а с 1825 года – по 150 рублей с различными добавками» [36, с. 66]. Ремонтные работы возлагались на обитель. Так, в 1840 г. были переложены печи и вставлены разбитые стекла, в 1845 г. к тюрьме пристроили комнату для смотрителя и кухню для арестантов [36, с. 67].

5 мая 1851 г. городничий А. С. Политковский и архимандрит монастыря Ефрем заключили контракт, по которому помещение, занимаемое тюрьмой, сдавалось «под оную впредь, пока Правительству предстоит будет надобность, считая срок с седьмого октября 1850 года с платою Монастырю от казны по сту пятидесяти рублей серебром в год» [28, л. 6]. Необходимые «починки, поправки и переделки» тюремных помещений, а также очищение дымовых труб и поддержание чистоты рам были отнесены на счет монастыря. Контракт был утвержден Новгородским губернским правлением 11 июня 1851 г. [28, л. 7]

В связи с тем что занимаемый в ограде монастыря городской острог «при скоплении арестантов к размещению их по роду преступления тесен» [27, л. 1], в 1859 г. по поручению Новгородского комитета Общества попечительного о тюрьмах губернским архитектором был подготовлен «проект переделки того здания с необходимыми постройками» [27, л. 2]. Губернская строительная и дорожная комиссия, утвердив проект, направила его архимандриту. При этом она просила уведомить, не признает ли тот возможным «постройку сею произвести от монастыря», и в случае положительного ответа сообщить сумму, которую казна должна будет уплатить монастырю «за означенное помещение по надлежащем исправлении согласно упомянутому проекту» [27, л. 2]. Переписка по этому вопросу продолжалась несколько лет. Архимандрит в письме кирилловскому уездному предводителю дворянства от 6 октября 1867 г. подтвердил данное им уездному исправнику согласие на увеличение острожного помещения устройством над ним второго этажа, но при этом уведомил, что монастырь «может позволить произвести означенные перестройки не иначе как на счет добровольных пожертвований» [28, л. 11–12]. Также сообщалось, что в 1866 г. устроена у монастырских ворот комната для конторы острога, обнесено высоким забором место, выделенное внутри монастыря против острога для прогулок арестантов, а в 1867 г. устроены мастерские для арестантов. Все стоило монастырю не менее 200 рублей [28, л. 12].

Следует отметить, что на «благонадежную братию» монастыря было возложено еще и духовное окормление содержащихся в остроге арестантов [36, с. 67].

26 сентября 1873 г. уездное отделение Общества попечительного о тюрьмах направило архимандриту Иакову уведомление губернатора о полученном им согласии МВД при заключении нового контракта увеличить годовую плату за аренду здания для острога, оставив за монастырем обязанность его ремонта [30, л. 12]. В ответном послании от 9 октября архимандрит обосновал неприемлемость дальнейшего существования тюрьмы на территории обители как с нравственной, так и материальной стороны. Он писал, что «грустно встретить острог у самых ворот великой Лавры Кирилловой... Эта жалкая картина омрачается нередко нравственным безобразием в словах и действиях караульной команды... внутри ограды тоже вид отвратительный... от множества узников скапливается весьма много всякой нечистоты и мусора, и все это выбрасывается за забор, на внутренний двор монастырский... В тюрьме, обыкновенно, всегда содержатся узники обоего пола, – эти узники, от скуки, – поют себе песни... От колодников... опасность хищений и злоупотреблений» [30, л. 8–9]. Свою незаинтересованность в продлении контракта архимандрит пояснял тем, что для монастыря крайне затруднительны обязательства по ремонту помещений острога и пристройке к нему второго этажа. И в заключение предлагал уездному отделению озаботиться приобретением иного помещения «для устранения... всех неудобств и затруднений» [30, л. 10].

Нерешенность вопроса с острогом побудила архимандрита 1 декабря 1873 г. изложить свою позицию по этому поводу исправнику. Он сообщал, что ни о каких надстройках не может быть и речи, ибо письменного согласия на это никогда не давал, и «выселение арестантов... вопрос решенный, вопрос только о времени вывода», но, поскольку «вывести тюрьму вдруг из монастыря нельзя», монастырский собор принял решение «о дозволении оставаться арестантскому помещению в ограде на прежних условиях, впредь до устройства тюремного замка в доме Булычева» [30, л. 19].

Тюрьма была переведена в город, в здание, принадлежавшее казенному ведомству, лишь в 1876 г. [37, с. 6] Помещение караульни в Казанской башне было превращено в военную тюрьму, в которой в 1877–1878 гг. содержались пленные горцы. В дальнейшем в нем оборудовали гостиницу для женщин, просуществовавшую до 1897 г. [36, с. 67]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что практика использования Кирилло-Белозерского монастыря в качестве места заключения явилась следствием заинтересованности государства в передаче ему части своих пенитенциарных функций. В XVII–XVIII вв. обитель была местом содержания лиц, уличенных в разных винах против церкви и государства и направленных для отбытия наказания во внесудебном порядке, по постановлениям духовной и светской власти. Удаленность монастыря от центра позволяла обеспечивать строгую изоляцию узников, исключая любые контакты с внешним миром, затрудняла возможность их побегов. В отношении заключенных преследовалась не только карательная цель, но и возможность их исправить, привести к раскаянию, вернуть к православной вере, а также не допустить распространения идей, противоречивших церковному учению и угрожавших незыблемости самодержавия. Отдельных узников изначально присылали в обитель на «неисходное содержание». Для их основной массы сроки заключения не были определены, поэтому одни оставались в заточении пожизненно, а другие были помилованы и освобождались из тюрьмы, но покидать монастырь не могли. Численность колодников, одновременно содержавшихся в тюрьме, была незначительной (до 12 человек). С закрытием монастырской темницы интеграция монастыря в пенитенциарную систему не завершилась. Изменение экономического уклада жизни обители после 1764 г. потребовало поиска новых источников дохода. Наличие тюремных помещений позволило сдавать их в длительную аренду. В итоге на территории обители с 70-х гг. XVIII в. по 70-е гг. XIX в. размещалась уездная тюрьма, доставлявшая немало хлопот монастырским властям. А после ее перевода в город еще некоторое время в тюремных помещениях содержались пленные горцы. В завершение хотелось бы отметить, что скудность и фрагментарность источников по данной теме стала основной причиной появления далеких от истины легенд о тюремных помещениях Кирилло-Белозерского монастыря.

Список литературы

1. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (из архива Саратовской ученой архивной комиссии) / предисл. А. А. Гераклитова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 31. С. 1–27.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1836. 518 с.
3. Антипин Г. Г. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 1934. 40 с.
4. Арсеньев Ф. А. От Шексны до Кубенского озера (путевые очерки). II. В Кириллове // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2, № 6. С. 89–98.
5. Вороничева О. В. Реставрация Казанской башни ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 2015. 10 с.
6. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 496. Оп. 1. Д. 555.
7. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1: 1762–1825. М., 1960. 384 с.
8. Забек Н. Н. Крепостные сооружения XVII века в Кириллове // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии : в 2 т. Т. 1. Л., 1940. С. 154–178.
9. Из рукописей Е. В. Барсова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. Кн. IV. Ч. V. С. 1–3.
10. Извлечение из архивных книг и дел Кириллова Белозерского монастыря / Сообщены настоятелем Кириллова монастыря архимандритом Иаковом // Древности : труды Московского археологического общества. 1880. Т. 8. С. 135–154.
11. Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского (Успенского) мужского перво-классного монастыря Новгородской епархии / сост. Геронтий (Г. М. Кургановский). М., 1897. 161 с.
12. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1972. 252 с.
13. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри: архитектурные памятники. М., 1994. 63 с.

14. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский монастырь. Л., 1979. 172 с.
15. Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855. 507 с.
16. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. [457] с.
17. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 17. Д. 1204.3.
18. ОР РГБ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 43.
19. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. 309 с.
20. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 196. Оп. 2. Д. 14.
21. РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 51.
22. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1227.
23. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 2. Д. 5330.
24. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 6759.
25. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 8081.
26. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 183.
27. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1858.
28. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1929.
29. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1945.
30. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2006.
31. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2137.
32. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2625.
33. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 5. Д. 61.
34. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 6. Д. 127.
35. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 8081.
36. Смирнов И. А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 гг. // Кириллов : краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 52–76.
37. Терехова Л. В. Из истории развития полицейской системы в Кириллове и Кирилловском уезде в конце XVIII – начале XX века. Кириллов, 2018. 7 с.
38. Успенский Н. П. Древности Кирилло-Белозерского монастыря (продолжение) // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 630–639.
39. Успенский Н. П. Охранная опись рукописям Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1901. 173 с.
40. Шаляпин С. О. К вопросу об устройстве средневековых монастырских темниц // XIII Ломоносовские чтения : сб. науч. тр. Архангельск, 2001. С. 152–157.
41. Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. 240 с.
42. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году : в 2 ч. Ч. 2. М., 1850. 134 с.

Prisons in the Kirillo-Belozersky monastery in the 17th–19th centuries

Belova Nadezhda Alexeevna

PhD in Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, Vologda. ORCID: 0000 -0002 -5564 -5426. E -mail: nade -belova@yandex.ru

Abstract. This article, based on published and, mainly, unpublished archival documents, as well as a historiographic analysis of research works, attempts to reconstruct the history of prisons that existed in the 17th–19th centuries on the territory of one of the largest Russian monasteries – Kirillo-Belozersky. The relevance of this topic is due to the complex and ambiguous nature of monastic penitentiary practice, an appeal to which, using the example of a specific monastery, allows us to identify its uniqueness and better understand the place of monasteries in the domestic penal system. The methodological basis of the study is formed by the principles of historicism, scientificity and objectivity, as well as the methods: comparative -historical, descriptive and critical interpretation of sources. Particular attention in the article is paid to the structure and penitentiary practice of the monastery dungeon, which operated on the territory of the monastery in the 17th–18th centuries. The reasons for the imprisonment of prisoners, the conditions of their detention in isolation are characterized, and the composition of the prison contingent is analyzed. It is shown that the prisoners were not only punished but also brought to repentance. It is revealed that the monastery's integration into the penitentiary system was not completed with the closure of the monastery prison. From the 1770s to the 1870s, a district prison operated in the former monastery prison premises, leased by the monastery to the city of Kirillov, and then captive highlanders were temporarily held. One of the main results of the study is that after the secularization reform of 1764, the importance of the penitentiary activities of the Kirillo-Belozersky Monastery gradually decreased, and as a result, by the last quarter of the 19th century, the monastery was completely freed from it.

Keywords: the history of the penitentiary system of Russia, Kirillo-Belozersky monastery, monastery prison, county prison.

References

1. *Akty i gramoty Kirillo-Belozerskogo monastyrya (Iz arkhiva Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii)* [Acts and Letters of the Kirillo-Belozersky Monastery (From the Archive of the Saratov Scientific Archival Commission)] / with a preface by A. A. Geraklitov // *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii* – Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission. 1914. Is. 31. Pp. 1–27.
2. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyeyu Imperatorskoy akademii nauk* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Science]. Vol. 3. 1613–1645. SPb., 1836. 518 p.
3. *Antipin G. G. Krepost' Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Kirillov Fortress of the Kirillo-Belozersky Monastery]. Kirillov, 1934. 40 p.
4. *Arsenyev F. A. Ot Sheksny do Kubenskogo ozera (Putevyye ocherki) II. V Kirilov* [From Sheksna to Lake Kubenskoye (Travel Essays) II. In Kirilov] // *Drevnyaya i novaya Rossiya* – Ancient and Modern Russia. 1878. Vol. 2. No. 6. Pp. 89–98.
5. *Voronicheva O. V. Restavratsiya Kazanskoy bashni ansamblya Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Restoration of the Kazan Tower of the Kirillo-Belozersky Monastery ensemble]. Kirillov, 2015. 10 p.
6. SAVR (State Archive of the Vologda Region). F. 496. Op. 1. D. 555.
7. *Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsarist Prison]. In 5 vols. Vol. 1: 1762–1825. M., 1960. 384 p.
8. *Zabeck N. N. Krepostnyye sooruzheniya XVII veka v Kirillove* [Fortress structures of the 17th century in Kirillov] // *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriyanskogo istoricheskogo muzeya Krasnoy armii : v 2 t. T. 1* – Collection of studies and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army : in 2 vols. Vol. 1. L., 1940. Pp. 154–178.
9. *Iz rukopisey Ye. V. Barsova* [From the manuscripts of E. V. Barsov] // *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* – Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. 1885. Book IV. Vol. V. Pp. 1–3.
10. *Iz vlecheniye iz arkhivnykh knig i del Kirillova-Belozerskogo monastyrya* [Extract from the archival books and files of the Kirillov-Belozersky Monastery] / *Soobshcheny nastoyatelem Kirillova monastyrya arkhimandritom Iakovom* – Communicated by the abbot of the Kirillov Monastery, Archimandrite Jacob // *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* – Antiquities: Works of the Moscow Archaeological Society. 1880. Vol. 8. Pp. 135–154.
11. *Istoriko -statisticheskoye opisaniye Kirillo-Belozerskogo (Uspenskogo) muzhskogo pervoklassnogo monastyrya Novgorodskoy yeparkhii* [Historical and statistical description of the Kirillo -Belozersky (Assumption) first-class men's monastery of the Novgorod diocese] / comp. by Gerontiy (G. M. Kurganovsky). M., 1897. 161 p.
12. *Kirpichnikov A. N., Khlopin I. N. Velikaya gosudareva krepost'* [The Great Sovereign's Fortress]. L., 1972. 252 p.
13. *Kochetkov I. A., Lelekova O. V., Podyapolsky S. S. Kirillo-Belozerskiy i Ferapontov monastyri: Arkhitekturnyye pamyatniki* [Kirillo -Belozersky and Ferapontov Monasteries: Architectural Monuments]. M., 1994. 63 p.
14. *Kochetkov I. A., Lelekova O. V., Podyapolsky S. S. Kirillo -Belozerskiy monastyr'* [Kirillo-Belozersky Monastery]. L., 1979. 172 p.
15. *Muravyov A. N. Russkaya Fivaida na Severe* [Russian Thebaid in the North]. SPb., 1855. 507 p.
16. *Nikolsky N. K. Kirillo-Belozerskiy monastyr' i yego ustroystvo do vtoroy chetverti XVII veka (1397–1625)* [Kirillo-Belozersky Monastery and its structure up to the second quarter of the 17th century (1397–1625)]. Vol. 1. Is. 1. SPb., 1897. 457 p.
17. MD RSL (Manuscripts Department of the Russian State Library). F. 17. D. 1204.3.
18. MD RSL (Manuscript Department of the Russian State Library). F. 570. Op. 1. D. 43.
19. *Pavlushkov A. R. Penitentsiarnaya praktika severnykh monastyrey XVII -XIX vv. : dis. ... kand. ist. nauk* [Penitentiary practice of northern monasteries of the 18th–19th centuries : dis. ... PhD in Historical Sciences. Vologda, 2000. 309 p.
20. RSAoAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 196. Op. 2. D. 14.
21. RSAoAA. F. 196. Op. 2. D. 51.
22. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 1. D. 1227.
23. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 2. D. 5330.
24. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 6759.
25. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 8081.
26. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 183.
27. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1858.
28. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1929.
29. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1945.
30. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2006.
31. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2137.
32. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2625.

33. RSAoAA. F. 1441. Op. 5. D. 61.
34. RSAoAA. F. 1441. Op. 6. D. 127.
35. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 8081.
36. Smirnov I. A. *Kirillo-Belozerskiy monastyr' v 1764–1924 gg.* [Kirillo-Belozersky Monastery in 1764–1924] // *Kirillov: krayevedcheskiy al'manakh* – Kirillov: local history almanac. Is. 2. Vologda, 1997. Pp. 52–76.
37. Terebova L. V. *Iz istorii razvitiya politseyskoy sistemy v Kirillove i Kirillovskom uyezde v kontse XVIII – nachale XX veka* [From the history of the development of the police system in Kirillov and Kirillovsky district in the late 18th – early 20th centuries]. Kirillov, 2018. 7 p.
38. Uspensky N. P. *Drevnosti Kirillo -Belozerskogo monastyrya (prodolzheniye)* [Antiquities of the Kirillo-Belozersky Monastery (continued)] // *Novgorodskiye yeparkhial'nyye vedomosti* – Novgorod Diocesan Gazette. 1899. No. 9. Pp. 630–639.
39. Uspensky N. P. *Okhrannaya opis' rukopisyam Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Security inventory of the manuscripts of the Kirillo -Belozersky Monastery]. SPb., 1901. 173 p.
40. Shalyapin S. O. *K voprosu ob ustroystve srednevekovykh monastyrskikh temnits* [On the structure of medieval monastery dungeons] // *XIII Lomonosovskiy chteniye: sbornik nauchnykh trudov* – XIII Lomonosov Readings: collection of scientific papers. Arkhangelsk, 2001. Pp. 152–157.
41. Shalyapin S. O. *Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV–XVIII vekov* [Church-penitentiary system in Russia in the 15th–18th centuries]. Arkhangelsk, 2013. 240 p.
42. Shevyrev S. P. *Poyezdka v Kirill-Belozerskiy monastyr': vakatsionnyye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu* [Trip to the Kirillo -Belozersky Monastery: vacation days of Professor S. Shevyrev in 1847]. In 2 parts. Part 2. M., 1850. 134 p.

Поступила в редакцию: 18.06.2025

Принята к публикации: 16.09.2025

УДК 351.764(470.316)"18/19"

EDN: VWQBMG

Регламентация проституции в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Карандашев Глеб Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashevg@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации врачебно-полицейского надзора за проституцией в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В регионе была создана система контроля над легальными сексуальными услугами, которая дополнялась «Правилами о предупреждении распространения любово-страстной болезни и тайной проституции в Ярославской губернии». Военное командование активно лоббировало усиление надзора за проституцией, что способствовало созданию смешанных врачебно-полицейских комиссий в крупных городах губернии. Эти комиссии занимались профилактикой венерических заболеваний среди нижних воинских чинов, что стало важным шагом в борьбе с распространением инфекций и за улучшение общественного здоровья.

Работа на местах активизировалась благодаря циркулярам руководства и контролю со стороны вышестоящих инстанций. В условиях возраставшей тревоги властей о здоровье населения регламентация проституции стала заметным элементом государственной политики. Врачи и полицейские, взаимодействуя в рамках смешанных комиссий, стремились не только к профилактике венерических заболеваний, но и к улучшению санитарных условий в местах оказания сексуальных услуг. Они проводили регулярные проверки, контролировали соблюдение правил и обеспечивали медицинское обслуживание, что способствовало повышению уровня безопасности для населения.

Тем не менее система контроля вызывала существенную критику среди российской общественности. Велась дискуссия о возможном реформировании системы контроля, подчеркивалась сложность проблемы и необходимость более гуманного подхода к регулированию данной сферы. Женщины, ставшие официальными проститутками, лишались паспортов, что ограничивало их в возможности передвижения и трудоустройства. Медицинские проверки проводились недостаточно тщательно, а тайная проституция продолжала существовать, что ставило под сомнение эффективность принятых мер.

Ключевые слова: Российская империя, Ярославская губерния, проституция, полиция, дом терпимости.

Начиная с 1843 г. в России вводилась регламентация проституции, что означало регистрацию публичных женщин и организацию периодических принудительных врачебно-санитарных осмотров. Государство стремилось уменьшить распространение сифилиса. Состав и деятельность органов надзора за проституцией регулировались столичным положением или правилами, разработанными специально для конкретного города или губернии [17].

Организационная структура и методы работы по надзору в сфере проституции, а также взаимодействие по этому вопросу местных властей остаются малоизученными и нуждаются в дальнейшем анализе [15, с. 17]. Исследование базируется на комплексе архивных делопроизводственных документов Государственного архива Ярославской области и его филиалов, в массиве которых выделяются циркуляры МВД, определявшие общие принципы надзора, распоряжения ярославского губернатора и запросы представителей военного ведомства, переписка с местными административными органами, журналы заседаний врачебно-полицейских комиссий.

21 октября 1843 г. медицинский департамент МВД предписал Ярославской врачебной управе собрать «точные и подробные сведения о лицах из простолюдин, одержимых любово-страстной болезнью» [3, л. 9]. Коммерческие сексуальные услуги стали рассматриваться как главная причина распространения половых болезней. Для организации наблюдения за проститутками в губернию поступила документация об устройстве врачебно-полицейского комитета в Санкт-Петербурге: «Правила публичным женщинам», «Проект Инструкции врачам, обязанным свидетельствовать публичных женщин», «Инструкция смотрителям», «Правила содержательницам борделей», образец медицинского билета, на основе которых был выстроен врачеб-

но-полицейский надзор в регионе. 26 мая 1847 г. всем полицмейстерам, городничим и земским исправникам Ярославской губернии была поставлена задача «разузнать и предоставить информацию о девках и женщинах, занимающихся развратом публично, дознать, кто их содержательницы» [3, л. 11–12].

17 сентября 1851 г. Ярославская врачебная управа в связи с тем, что «венерическая зараза преимущественно имеет начало свое в городах и особенно гнездится в непотребных домах и оттоль распространяется», постановила:

«1) Собрать точные сведения и иметь их постоянно от всех полиций о тех домах, где находятся гулящие девки, с означением их имен.

2) Эти списки должны быть в Губернском городе доставлены в Управу, а в уездных городских врачам.

3) Городовые врачи всех этих девок должны, по крайней мере, раз в месяц свидетельствовать и больных зараженных венерической болезнью отправлять в больницы для совершенного излечения, донося Управе о действиях своих при месячных ведомостях.

4) Содержательниц таковых домов обязать строгой ответственностью, чтобы они о каждой заболевшей девке, живущей в доме, или приходящей к ним, немедленно объявляли врачу и зараженных никак не допускали к совокуплению.

5) А как венерическая зараза равномерно может сообщаться и от мужчин к девкам, то содержательницы их предварительно сами должны осматривать мужчин и больных также не допускать к сообщению с девками.

6) Таковой осмотр, по примеру полков, Управа считает не лишним ввести и между нижними чинами внутренней стражи через Городовых врачей, или опытных фельдшеров» [3, л. 45].

Общероссийские нормы надзора за проституцией в регионе ужесточались вследствие борьбы военного командования с распространением венерических болезней среди военнослужащих. В июне 1877 г. были введены «Правила о предупреждении распространения любовной болезни и тайной проституции в Ярославской губернии», в которых четко разъяснялись действия полицейских и врачебных органов. С целью предотвращения «ночных разгулов солдат в питейных и публичных домах и шатания их по улицам» в Ярославле, Ростове, Данилове, Мологе и Мышкине учредили военные ночные патрули с участием полиции. В других городах губернии данная обязанность возлагалась на гражданскую полицию. Нижних чинов из казарм можно было «после зари увольнять не иначе, как с отпускным билетом, в котором обозначать время, на сколько, и место, куда отпущен солдат». Каждый солдат был обязан представлять данные о заразившей его женщине с целью ее освидетельствования и возможной госпитализации. Кроме того, военнослужащим следовало внушать, «чтобы они имели сношение с известными только женщинами и при том в известном только месте, а не на улице или в поле». Розыск возможных распространительниц венерических заболеваний возлагался на полицию [5, л. 4].

В соответствии с установленными нормами городские врачи были обязаны выдавать медицинские билеты взамен паспортов женщинам, занимавшимся проституцией. При намерении покинуть город проститутка могла получить паспорт из полиции только после возврата медицинского билета с отметкой о прохождении осмотра. Полицеймейстеры и исправники отвечали за составление списков публичных женщин, представляемых каждые три месяца во врачебное отделение губернского правления и местные больницы. Проститутки-одиночки осматривались два раза в неделю в городских лечебницах, в то время как женщины из публичных домов проходили осмотр на месте. Зараженные направлялись на лечение, при выписке им возвращали медицинские билеты [5, л. 4].

В Ярославле первоначально освидетельствование публичных женщин проводилось еженедельно по четвергам в больнице Ярославского приказа. При этом основная проблема заключалась в неявке женщин на осмотры. Ситуация улучшилась благодаря организованной системе контроля и санкций. Позже осмотры проводил городской врач в специальном кабинете, оборудованном за счет города при управлении 2-й полицейской части. Они проходили два раза в неделю: в публичных домах по четвергам с 2 до 4 часов, а для проституток-одиночек – по субботам в том же временном интервале. Зараженные направлялись в земскую больницу. Однако уровень организации медицинских осмотров оставался низким. Например, 25 апреля 1897 г. в Ярославскую смешанную врачебно-полицейскую комиссию поступило заявление о необходимости поиска помещения для освидетельствования проституток, «т. к. в настоящее время свидетельство проституток производится в тесной и темной квартире городского 2-й части» [13, л. 3–4].

Если в кабаках и постоянных дворах обнаруживались «притоны разврата», то их хозяева несли установленную ответственность. «Бродящих женщин», задержанных полицией в питейных заведениях или ночью на улице, подвергали осмотру и, при подтверждении занятия проституцией, зачисляли в соответствующую категорию с выдачей санитарного билета. Полицейские служащие были обязаны приглашать к осмотру «одержимых любовстрастной болезнью сельских жителей», привлекая штатных и земских врачей, фельдшеров и повивальных бабок [5, л. 4].

По данным Ярославского уездного комитета общественного здоровья, в сельской местности профессиональная проституция встречалась редко. Разврат в селениях и на фабриках практиковался «или для собственного удовольствия, или как случайный подсобный заработок», поэтому в больших селах специальных органов надзора за проституцией создано не было, а «развратные женщины, не обратившие торговлю своим телом в ремесло», подлежали общим для населения предупредительным и лечебным мерам [6, л. 7–9об.].

13 мая 1882 г. на заседании особой комиссии под председательством губернатора, в которую также вошли начальник 35-й пехотной дивизии и дивизионный доктор, командиры Нежинского и Моршанского полков, старший врач Нежинского полка, губернский врачебный инспектор, ярославский городской врач, полицмейстер, были приняты «Правила о предупреждении распространения любовстрастной болезни между нижними воинскими чинами в Ярославской губернии» [2, л. 1–2].

Военная администрация могла направлять своих врачей для проведения освидетельствования проституток. Также она имела право получать информацию о контроле за проституцией от полиции, осуществлять сбор данных о местах, «посещаемых солдатами для полового распутства, и в случае выявления тайных притонов», направлять туда полицейских. Полиции было поручено уделять особое внимание кабакам, трактирам, постоянным дворам, общественным баням и другим местам, которые могли «служить притоном тайного разврата, делая в них с должной осторожностью внезапные осмотры». В случае выявленных нарушений их хозяева несли установленную ответственность. Владельцам людных промышленных заведений рекомендовалось иметь своих врачей для временного обследования рабочих мужчин, а «женщин же не иначе свидетельствовать, как в случае сильных сомнений насчет их здоровья». Всех лиц низшего класса, как женщин, так и мужчин, задержанных за проступки против благочиния, следовало подвергать медицинскому осмотру, в том числе «бродячих женщин, взятых ночными полицейскими обходами в питейных заведениях и на улицах». Ответственность за реализацию данного постановления возлагалась на специального полицейского чиновника при полицейском управлении [2, л. 1–2].

Важным решением заседания 13 мая 1882 г. стало учреждение смешанных врачебно-полицейских комиссий по предупреждению распространения венерических болезней между нижними воинскими чинами, действовавших при полицейских управлениях в трех городах: Ярославле, Ростове и Рыбинске. В состав комиссий от гражданских чинов вошли начальник полицейского управления и городской врач, а от военных – врач и офицер, назначаемый командующим 35-й пехотной дивизии. Временные рамки и порядок заседаний комиссий были оставлены на усмотрение председателей и членов, что способствовало гибкости в организации работы. Председатели (начальники местной полиции) были обязаны представлять губернатору ежемесячные отчеты [1, л. 63].

Состав комиссий смотрелся эффективно и представительно, но губернскому начальству неоднократно приходилось активизировать работу комиссий с помощью ведомственных циркуляров. 22 сентября 1886 г. губернатор указывал рыбинскому полицмейстеру на отсутствие систематической работы «с целью возможно точного исполнения правил по предупреждению исполнения правил по предупреждению распространения сифилитической болезни между нижними воинскими чинами, а также и между местными жителями» [1, л. 1–2].

30 декабря 1887 г. начальник 35-й пехотной дивизии направил письмо ярославскому губернатору, в котором сообщал о тревожной ситуации с заболеваемостью нижних чинов 138-го пехотного Болховского полка. По его мнению, причина данного явления заключалась в недостаточном медико-полицейском надзоре в Рыбинске, где наблюдалось значительное количество проституток и женщин подозрительного поведения. 14 января 1888 г. Врачебное отделение Ярославского губернского правления постановило «вменить в неперемennую обязанность рыбинскому полицмейстеру» ежемесячно предоставлять губернатору отчеты о результатах работы комиссии и предпринимаемых мерах [1, л. 63].

Ярославская врачебно-полицейская комиссия на регулярной основе стала собираться в 1890-е гг., к чему чиновников также подвигнул циркуляр Врачебного отделения от 27 октября 1890 г. Полицмейстеру вменялось в вину, что в «1890 г. ни разу не было образованно означенной Комиссии, почему и сведений наблюдения по предупреждению любострастной болезни между нижними воинскими чинами, расположенными в городе Ярославле, не получалось» [10, л. 76]. Рекомендовалось особенно тщательно следить за тайной проституцией и притонами, проводить внезапные ночные осмотры в гостиницах, трактирах и других заведениях, где могли скрываться проститутки [12, л. 3–4].

Комиссии руководили регламентацией городской проституции: рассматривали вопросы, связанные с функционированием публичных домов, выносили постановления о внесении женщин в число проституток или исключении из него. На 1 августа 1889 г. в Ярославской губернии официально значилось 259 публичных женщин [16, л. 22–23] (табл. 1).

Таблица 1

Количество проституток в городах Ярославской губернии на 1 августа 1889 г.

Название города	Число проституток	Проститутток-одиночек	Проститутток в домах терпимости	Домов терпимости
Ярославль	91	39	52	6
Данилов	6	6	–	–
Любим	4	4	–	–
Молога	9	9	–	–
Пошехонье	6	6	–	–
Р.-Борисоглебск	6	6	–	–
Ростов	11	11	–	–
Рыбинск	112	74	38	6
Углич	14	14	–	–
Всего	259	169	90	12

В 1897 г. в Ярославле обязали «всех занимающихся проституцией иметь при себе постоянно медицинские билеты об освидетельствовании и без них из дома не отлучаться» [12, л. 16–17], а в Рыбинске годом ранее городской и земской больницам рекомендовали «не принимать на лечение проституток без венерологической карточки или при выписке составлять таковую и вместе с ней присылать проституток во 2-ю полицейскую часть». Также был усилен надзор полиции за тем, чтобы все квартирохозяйки, желавшие «держать проститутток-одиночек», имели разрешение [11, л. 36]. В подобных квартирах запретили проживать лицам мужского пола, продавать и распивать спиртные напитки и требовали «исполнять все предписания полиции и врача о чистоте и опрятности как самого помещения, так и постельных принадлежностей». Также «в предупреждение заражения любострастными болезнями» прислугу (банщиков и банщиц) торговых бань подчинили медицинскому надзору и освидетельствованию [10, л. 60–61].

Важным направлением работы комиссий являлась выработка мер по предотвращению распространения венерических заболеваний среди расквартированных в городах губернии военнослужащих и координация усилий с военным начальством. 4 мая 1892 г. начальник 35-й пехотной дивизии докладывал губернатору А. Я. Фриде о том, что в полках дивизии, расположенных в Ярославле, «при возросшей цифре заболеваний вообще увеличился и процент больных венерическими болезнями». По информации, предоставленной дивизионным врачом, большинство нижних чинов имело «сношение не в домах терпимости, а с бродячими женщинами, легко ускользающими от медико-полицейского осмотра». По мнению офицера, только строгими медико-полицейскими мерами можно было понизить число заболеваний и предохранить нижние чины «от частых и пагубных случаев заражения» [13, л. 8].

В апреле 1897 г. Ярославская комиссия просила военное начальство усилить надзор за тайной проституцией, ограничить посещение военных лагерей и казарм женщинами, а те, «которые будут замечены гуляющими по ночам близ лагерей или казарм, должны быть задержаны для обнаружения их званий и занятий; те же, которые будут замечены в проституции, то самый факт удостоверять письменно передавать полиции для зачисления в разряд проституток» [12, л. 3–4]. Рыбинская комиссия запрашивала командира 138-го пехотного Болховского полка о том, «чтобы нижние чины не скрывали, от кого заразились – так женщины эти не понесут никакого наказания, а лишь будут отправляться для излечения, также

внушить нижним чинам, чтобы они не делали несправедливых указаний, потому что за несправедливое указание они сами понесут наказание», и призывала осмотреть «совместно с полковым начальством квартиры проституток в местностях, прилегающих к казарменным помещениям, а также трактирные заведения» [1, л. 17–18].

8 октября 1903 г. МВД утвердило «Положение об организации надзора за городской проституцией в империи», согласно которому в случае, если врачебно-полицейский комитет отсутствовал, надзор за проституцией осуществлялся полицией, а лечение производилось силами городских управ и земств или приказов общественного призрения. Ярославская городская управа отвела помещение для осмотра в городской амбулатории на Сенной площади [8, л. 1–2]. В 1904 г. за работу по освидетельствованию ярославскому врачу выплачивалось жалование в размере 600 р. в год [7, л. 2–9]. В Рыбинске обследования проходили при земской амбулаторной лечебнице. Ассигнование в распоряжение городской полиции на канцелярские расходы по регистрации публичных женщин осуществлялось за счет городских властей. Рыбинская городская управа выделяла на эти нужды 50 р. ежегодно [4, л. 1–7].

В Ярославской губернии регламентация проституции существовала до 1917 г., при этом в указанном году наблюдение смягчилось, а случаи отказов в возвращении паспортов стали редкостью. Летом 1917 г. в Ярославле надзор, уже милицейский, еще сохранялся, тогда как в Рыбинске он был прекращен обязательным постановлением Рыбинского городского комитета общественных организаций от 2 мая 1917 г., согласно которому все существовавшие в Рыбинске дома терпимости подлежали закрытию, а регистрация проституток отменялась [14, с. 58].

Таким образом, в Ярославской губернии надзор за проституцией осуществлялся полицией, а медицинские освидетельствования и лечение производились силами местного самоуправления. В городах была выстроена система контроля над легальной сексуальной коммерцией. Включение женщин в число официальных проституток создавало порочный круг социальной изоляции. Они лишались паспортов, которые хранились при полицейской части, что не давало возможности быстро сменить сферу деятельности. В сельской местности профессиональная проституция встречалась редко.

С санитарной точки зрения медицинские освидетельствования были организованы на недостаточно высоком уровне, хотя всех заразившихся регулярно отправляли в больницы. После исчезновения видимых признаков болезни, что отнюдь не гарантировало исцеления, проститутки возвращались к работе. При этом признавалось, что основная угроза в распространения венерических болезней исходила от незаконной проституции. Так называемых тайных проституток, а также заразившихся клиентов обязательные врачебные осмотры не касались, поэтому эффективность регламентации вызывала сомнение.

В Ярославской губернии действовали правила, усиливавшие меры по предотвращению распространения венерических заболеваний среди военнослужащих. В их продвижении заметную роль играли смешанные врачебно-полицейские комиссии, включавшие в свой состав представителей воинских частей. Работа активизировалась и систематизировалась благодаря циркулярам начальства и периодическому контролю за их исполнением на губернском уровне.

Список литературы

1. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области) РбФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 681.
2. ГАЯО РсФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 193.
3. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 796.
4. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3937.
5. ГАЯО. Ф. 295. Оп. 2. Д. 22.
6. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 820.
7. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1082.
8. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 3056.
9. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 548.
10. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958.
11. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1052.
12. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1128.
13. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 247.
14. Карандашев Г. В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 53–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60.
15. Нижник Н. С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 11–18.

16. Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1890. XXXVI. 85. 39 с.

17. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами происшедшего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. 2. СПб. : Типо-Литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. 624 с.

Organization of prostitution regulation in Yaroslavl province in the second half of the 19th – early 20th century

Karandashev Gleb Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-7499-9254.
E-mail: karandashev@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of the organization of medical and police supervision of prostitution in the Yaroslavl province in the second half of the XIX – early XX century. A system of control over legal sexual services was established in the region, which was supplemented by the "Rules on the prevention of the spread of lascivious disease and secret prostitution in the Yaroslavl province." The military command actively lobbied for increased supervision of prostitution, which contributed to the creation of mixed medical and police commissions in the large cities of the province. These commissions were engaged in the prevention of sexually transmitted diseases among the lower military ranks, which was an important step in combating the spread of infections and improving public health.

Field work has been intensified thanks to management circulars and supervision by higher authorities. In the context of the authorities' growing concern about the health of the population, the regulation of prostitution has become a prominent element of government policy. Doctors and police officers, interacting within the framework of mixed commissions, sought not only to prevent sexually transmitted diseases, but also to improve sanitary conditions in places where sexual services are provided. They carried out regular inspections, monitored compliance with the rules and provided medical care, which contributed to an increase in the level of safety for the population.

Nevertheless, the control system has caused significant criticism among the Russian public. There was a discussion about possible reform of the control system, the complexity of the problem and the need for a more humane approach to regulating this area were emphasized. Women who became official prostitutes were stripped of their passports, which limited their ability to travel and find employment. Medical checks were not carried out thoroughly enough, and clandestine prostitution continued to exist, which called into question the effectiveness of the measures taken.

Keywords: Russian Empire, Yaroslavl province, prostitution, police, brothel.

References

1. SAYR RBF (State Archive of the Yaroslavl region). F. 8. Inv. 1. File. 681.
2. SAYR RSF. F. 13. Inv. 1. File. 193.
3. SAYR. F. 73. Op. 1. D. 796.
4. SAYR. F. 137. Inv. 1. File. 3937.
5. SAYR. F. 295. Inv. 2. File. 22.
6. SAYR. F. 509. Inv. 1. File. 820.
7. SAYR. F. 509. Inv. 1. File. 1082.
8. SAYR. F. 509. Inv. 1. File. 3056.
9. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File. 548.
10. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File. 958.
11. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File. 1052.
12. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File. 1128.
13. SAYR. F. 1150. Inv. 2. File. 247.
14. Karandashev G. V. *Prostituciya v povsednevnoj zhizni g. Rybinska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Prostitution in the daily life of Rybinsk in the second half of the 19th and early 20th centuries] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kostroma State University. 2024. Vol. 30, No. 1. Pp. 53–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60.
15. Nizhnik N. S. *Deyatel'nost' vrachebno-policejskikh komitetov Ministerstva vnutrennikh del po osushchestvleniyu social'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossijskom obshchestve* [Activities of medical and police committees of the Ministry of Internal Affairs to implement social control over deviant behavior in Russian society] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2 (54). 2012. Pp. 11–18.

16. *Prostituciya = La prostitution: po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* [Prostitution = La prostitution: according to the survey of August 1, 1889]. SPb., Type. Min. Internal Affairs. 1890. XXXVI. 85. 39 p.

17. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami proiskhozhdeniya v S-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda*. [Proceedings of the First All-Russian Congress on the Fight Against the Traffic in Women and Its Causes, held in St. Petersburg from April 21 to 25]. SPb., Typography and Lithography of the St. Petersburg Solitary Prison. 1912. Vol. 2. 624 p.

Поступила в редакцию: 13.10.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

УДК 930.85

EDN: PGNLSZ

«Бриковский “Иван с нежностью” объясняется в любви»: об одном постановлении ЦК ВКП(б) 1943 г.

Шадрина Анна Васильевна

преподаватель кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0009-0008-3380-3172. E-mail: annash_00@mail.ru

Аннотация. В статье представлена реконструкция кампании, начавшейся с постановления ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства», опубликованного в журнале «Партийное строительство» в 1943 г. На основании документов делопроизводства, обнаруженных в фондах Перм-ГАСПИ, РГАЛИ и РГАСПИ, а также анализа литературных произведений, вышедших в Молотовском издательстве в 1942 г., автор приходит к заключению, что кампания была направлена на партийных работников, а не на художественную интеллигенцию. Выдвигается гипотеза, что постановление стало ответом на два сигнала: со стороны столичного литературного сообщества и со стороны провинциальных писателей, лишившихся заработка из-за переориентации работы местного издательства на выпуск сочинений авторов, находящихся в эвакуации. В фокусе кампании находились два литературных текста: рассказ Л. Ю. Брик «Щен» и историческая трагедия О. М. Брика «Иван Грозный». Обозначенные произведения были лишены мобилизующего характера, лиричные образы персонажей казались руководству неуместными в условиях военного времени. Кроме того, Иван Грозный О. М. Брика не соответствовал образу царя, сконструированному в начале 1940-х гг. Тем не менее самих авторов кампания не затронула, санкции коснулись исключительно местных руководителей. Так, по решению ЦК с должности был снят секретарь Молотовского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации А. В. Жуков. Ответственность за выпускаемую литературу перекладывалась с писателей на партийных работников. Основным критерием при принятии текстов к печати должно было стать соответствие идеологической линии. Можно предположить, что события 1943 г. стали своего рода «репетицией» перед кампанией 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Ключевые слова: Молотовское областное издательство, Молотовское отделение союза писателей, Союз писателей, советская литература, секретариат ЦК ВКП(б), 1943 г., советская литература, Молотовский обком ВКП(б), О. М. Брик, Лилия Брик.

«В один из военных годов поступило к нам распоряжение – направить в Москву всю художественную литературу, находящуюся в производстве. Приказ вызывался тем, что какое-то издательство выпустило ряд книг, неудовлетворительных в идейно-художественном отношении. В связи с этим управление Огиза встревожилось за качество продукции остальных издательств», – писала К. В. Рождественская в своих воспоминаниях, опубликованных в 1962 г. [17, с. 223]. Автор лукавил: у издательства было конкретное название, памятное автору по постановлению ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства», опубликованному в журнале «Партийное строительство» в 1943 г. Сама К. В. Рождественская с 1940 г. занимала пост главного редактора Свердловского областного издательства. В 1949 г., переехав в Молотов, была назначена ответственным секретарем местного отделения Союза писателей, так что события 1943 г. были ей хорошо известны. Кампания 1943 г., развернувшаяся вокруг Молотовского книжного издательства, не могла обойти ее стороной.

Кампании 1943 г. посвящена статья М. Г. Нечаева «“Молотовский коктейль” образца 1943 г. В борьбе за повышение идейно-художественного уровня советской литературы» [10]. В статье события, происходящие в Молотове, рассматриваются как подготовительный этап кампании 1946 г., направленной против М. Зощенко и А. Ахматовой. Постановление, опубликованное в журнале «Партийное строительство», по мнению М. Г. Нечаева, стало первым этапом на пути к восстановлению идеологического контроля в области литературы в военный период [10, с. 80].

В данной работе автор ставит перед собой цель представить полную реконструкцию событий, связанных с появлением этого постановления. В связи с этим необходимо восстановить условия, при которых стало возможным внимание Центрального комитета партии к провинциальному издательству в военный период, а также продумать причины, вызвавшие к жизни это постановление.

В качестве источников были использованы документы делопроизводства: стенограммы совещаний, служебные документы, докладные записки, обнаруженные в фондах 3744 Перм-ГАСПИ, 619 РГАЛИ, 5, 558 РГАСПИ. Кроме того, подвергнуты анализу литературные произведения, вышедшие в Молотовском издательстве в 1942 г.

Литературная сфера в Молотове в 1940-е гг. не была развитой. Решение об организации областного издательства было принято на заседании Пермского обкома ВКП(б) 26 августа 1939 г. [10, с. 64]. Издательство разместили в бывшем складском помещении, штат состоял из трех человек – директора, редактора и бухгалтера. В 1941 г. издательству передали более просторное помещение [10, с. 64].

Местное отделение Союза писателей было учреждено 23 февраля 1940 г. Ответственным секретарем был избран член союза писателей Б. Н. Михайлов. Средств бюджета не хватало, о чем свидетельствует ответ на письмо Б. Н. Михайлова, отправленный из Правления Союза советских писателей, где ему объясняли, что бюджет утвержден Наркомфином РСФСР и за дополнительным финансированием следует обращаться к местным финансовым организациям [11]. Местное отделение Союза писателей состояло из пяти членов и кандидатов: В. В. Каменского, Б. Н. Михайлова, А. Н. Спешилова, Н. В. Попова и С. И. Караваева. В годы войны все члены организации были отправлены на фронт [14].

В начале 1940-х гг. в Молотов были эвакуированы ленинградские и московские писатели: Ю. Н. Тынянов, А. А. Первенцев, К. М. Клосс, В. А. Каверин, С. Д. Спасский, М. М. Козаков, С. М. Розенфельд, Г. С. Гор и другие. Местное издательство перестроило свою работу на обслуживание приезжих «знаменитостей». Такая ситуация сложилась не только в Молотове, в Свердловске местные авторы также были возмущены политикой издательства. Так, Е. Л. Рождественская, дочь уже упомянутой К. В. Рождественской, писала в своих воспоминаниях о матери: «При составлении сборника “Говорит Урал” приезжие знаменитости настаивали, чтобы печатали именно их произведения, игнорируя местных авторов и писателей, не имеющих всесоюзной известности» [8]. А. Н. Спешиллов, на тот момент глава областной издательской организации, предложил писателям опубликовать материалы. Брики, в свою очередь, предоставили уже готовые тексты. Мотивировка писателей вполне понятна: издательство оплачивало работу авторов. Либретто было издано под маркой исторической трагедии, а «Щен» Л. Ю. Брик – в формате небольшой книжки-брошюры в 1942 г.

«Щен» – это воспоминания о В. В. Маяковском, причем воспоминания семейные, сугубо личного характера. В центре повествования – величайший поэт советской эпохи и щенок по кличке Щен. Л. Ю. Брик отождествляет этих двух персонажей, указывая на то, что с появлением щенка в их семье стало два Щена – большой и маленький: «С тех пор Владимир Владимирович в письмах и даже в телеграммах к нам всегда подписывался Щен. Позднее, вместо подписи, рисовал себя в виде щенка – иногда скорописью, иногда в виде иллюстрации к письму» [3, с. 4].

В 1936 г. рассказ уже был опубликован в хабаровской газете «Знамя пионера». Для расширения объема издание было дополнено иллюстрациями с рисунками В. В. Маяковского [5].

Либретто оперы «Иван Грозный» было заказано О. М. Брику главным дирижером Большого театра С. А. Самосудом [5]. Работу над текстом писатель начал осенью 1940 г., в мае 1941 г. либретто уже было готово и представлено заказчику. В связи с началом войны работу над оперой пришлось отложить.

На это издание в 1942 г. в журнале «Октябрь» была опубликована рецензия В. Александрова, подписанная Н. Семеновым. Критика коснулась нескольких аспектов. Во-первых, несоответствие жанров – либретто сразу угадывается при прочтении сочинения: «Ни истории, ни трагедии нет в этой книжке. Хоры, арии, даже серенады» [18, с. 126]. Во-вторых, сниженный образ Ивана Грозного, уже нормативной фигуры в 1940-е гг.: «Бриковский “Иван с нежностью” не только благословляет влюбленных и объясняется в любви. Он занимается также и политикой, в частности, внешней» [18, с. 127]. В начале 1940-х годов, в том числе и средствами искусства, начал конструироваться образ Ивана Грозного как образцового правителя – дипломата и полководца. Так, А. Н. Толстому была заказана пьеса, О. М. Брику – либретто, а С. М. Эйзенштейну А. А. Жданов предложил снять фильм, посвященный фигуре царя [20]. О. М. Брик, в свою очередь предложивший уже неканоничный и несвоевременный лиричный образ Ивана Грозного, со своей задачей не справился.

В фонде редакции журнала «Октябрь», хранящемся в РГАЛИ, удалось найти черновики статьи. Она была опубликована практически в неизменном виде, единственное, были устранены указания на ошибочность «исторической концепции» О. М. Брика: «Но нужно ли подроб-

но это доказывать, можно ли усматривать какую-то историческую концепцию в произведении, уровень которого исчерпывающе определяется такими, например, выдержками: Заключение сцена: / Иван /с нежностью/ Девушка смелая, / Девушка светлая! / Тебе отказать не могу» [1, л. 7]. В опубликованной рецензии автор указывал на эти строки в контексте недостаточно уместного литературного языка: «Но нужно ли подробно это доказывать, говоря о произведении, уровень которого исчерпывающе определяется такими, например, выдержками» [18, с. 126]. Также при публикации рецензии было принято решение подписать ее Н. Семеновым, настоящее имя автора – В. Б. Александров.

В 1943 г. в журнале «Партийное строительство» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства», в котором критике подверглась выпускаемая книжная продукция как «бессодержательная и никому не нужная». По решению ЦК с должности был снят секретарь Молотовского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации А. В. Жуков.

Возникает закономерный вопрос: каким образом в условиях военного времени в Центральном комитете партии могла попасть информация о работе локального издательства и чем можно обосновать столь серьезную ответную реакцию в виде идеологической кампании?

Можно заключить, что импульс, положивший начало кампании, был дан не ЦК ВКП(б). Вероятно, их было несколько. Первый исходил из столичной литературной среды, а именно из обзора местных издательств, опубликованного в журнале «Октябрь». Второй, по предположению автора, мог быть сигналом снизу, со стороны местных писателей. Для принятия решений необходимо располагать информацией. Предположение о доносе писателей основывается на следующем факте: переориентация работы издательства на выпуск книг приезжих авторов. Бытовые условия военного времени нельзя назвать удовлетворительными, выпуск книг ленинградских писателей лишил наиболее доступного способа заработка местных авторов. В справке о работе Молотовского издательства отмечалось: «Надо отметить, что молотовские писатели не нашли должного внимания со стороны молотовских организаций. Работая творчески активно, они находятся все еще в плохих бытовых условиях. /надо ехать в Москву читать стихи перед значительной аудиторией, а у наших поэтов нет ни приличной обуви, ни приличного костюма. Евг. Трутнева – прошлую зиму ломала надворные постройки для отопления своего жилья и т. д./ Если молотовские организации оказывали некоторое внимание ленинградским писателям, жившим в Молотове, то сейчас пора позаботиться о коренных молотовских писателях» [14]. Местные авторы могли жаловаться на привилегии приехавших писателей.

«Щен» Л. Ю. Брик также мог вызвать возмущение со стороны литературного сообщества. Рассказ уже был опубликован, в Молотове он был издан в том же виде, что и в газете «Знамя пионера». Кроме того, В. В. Маяковский уже приобрел статус «Лучший поэт советской эпохи» [19, л. 148]. В 1943 г. отмечалось 50 лет со дня рождения писателя, в связи с датой А. А. Фадеевым был направлен проект решения ЦК ВКП(б) И. В. Сталину. Предполагалось присвоение имени В. В. Маяковского «как крупнейшего поэта-патриота советской родины – борца против фашизма» одной из воздушных эскадрилий и одной из танковых колонн, опубликовать тематические материалы в центральных, областных газетах и литературно-художественных журналах, провести массовые вечера в рабочих и колхозных клубах, школах и воинских частях [13]. Не совсем корректным представляется издание детского рассказа, в котором В. В. Маяковский отождествляется с собственным щенком.

Секретариату ЦК не было дела до писателей, но было дело до партийных кадров, постановление указывало на необходимость жестко проводить идеологическую линию в издательском деле. В 1943 г. Брики уже вернулись в Москву, кампания их не коснулась, оклик был в адрес областного партийного начальства.

Таким образом, кампания была ориентирована не на писателей, а на местных номенклатурных работников, об этом свидетельствует выбор журнала «Партийное строительство» для публикации постановления. Смысл наказания заключался в переориентации работы локальных издательств, избавлении от лишнего пиетета перед столичными писателями, особенно находящимися в эвакуации. Главной целью кампании стал выпуск идеологически верной литературы, основной задачей которой является мобилизация населения в условиях военного времени. Ответственность за выпуск литературы на издателях, а не на писателях, соответственно, и наказывать за просчеты будут первых. В кампании 1943 г. прослеживаются идеи, которые впоследствии нашли свое продолжение в постановлении 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Список литературы

1. Александров В. «О. М. Брик. Иван Грозный». Историческая трагедия. Молотовское областное издательство». «Уральский современник». Альманах Свердловского отделения Союза Советских писателей. Книга 9. ОГИЗ, Свердловское Областное издательство». Рецензии // РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
2. Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. М. : НЛО, 2020. 264 с.
3. Брик Л. Ю. Щен. Молотов : Молотовгиз, 1942. 15 с.
4. Брик О. М. Иван Грозный. Историческая трагедия. Молотов : Молотовгиз, 1942. 76 с.
5. Валюженич А. В. Об Осипе Брике // Чайка. 2020. URL: <https://www.chayka.org/node/10607> (дата обращения: 02.07.2025).
6. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
7. Добренко Е. А. Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
8. Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 7 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М. : Демократия, 1999. С. 559–565.
9. Кимерлинг А. С. Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зощенку и А. Ахматову // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 188–195.
10. Нечаев М. Г. «Молотовский коктейль» образца 1943 г. В борьбе за повышение идейно-художественного уровня советской литературы // Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2020. С. 59–83.
11. Пермское отделение союза писателей. Директивные указания Союза писателей СССР // ПермГАСПИ. Ф. 3744. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
12. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М. : Демократия, 1999. С. 587–591.
13. Проект решения ЦК ВКП(б) О 50-лети со дня рождения В. В. Маяковского // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 135. Л. 57–58.
14. Протоколы совещаний писателей, отчеты о работе отделения писателей Пермского отделения союза писателей // ПермГАСПИ. Ф. 3744. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
15. Протокол № 2 Открытого партийного собрания облиздательства от 4 февраля 1943 г. // ПермГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 161. Л. 29.
16. Рождественская Е. Л. «Моему неизменно окрыляющему редактору»: вспоминая Павла Петровича Бажова // Урал. 2005. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2005/1/8220-моему-neizmenno-okrylyayushhemu-redaktoru-8221-vspominaya-pavla-petrovicha-bazhova.html> (дата обращения: 24.06.2025).
17. Рождественская К. В. За круглым столом. Записки редактора. М. : Искусство, 1962. 239 с.
18. Семенов Н. Издательская ошибка (об исторической трагедии О. Брике) // Октябрь. 1942. № 10. С. 126–127.
19. Сталин И. В. Записка Н. И. Ежову // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1118. Л. 148.
20. Шишкова Т. Внеждановщина. Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М. : НЛО, 2023. 384 с.

"Brik's "Ivan with tenderness" declares his love": about one resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1943

Shadrina Anna Vasilievna

lecturer at the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture, Russia, Perm.
ORCID: 0009-0008-3380-3172. E-mail: annash_00@mail.ru

Abstract. The article presents a reconstruction of the campaign that began with the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Work of the Molotov Regional Publishing House", published in the journal "Party Construction" in 1943. Based on office documents found in the collections of the PermGASPI, RGALI and RGASPI, as well as an analysis of literary works published by the Molotov Publishing House in 1942, the author comes to the conclusion that the campaign was aimed at party workers, not the artistic intelligentsia. It is hypothesized that the decree was a response to two signals – from the capital's literary community and from provincial writers who lost their earnings due to the reorientation of publishing houses to the publication of works by authors in evacuation. Responsibility for the literature being published was shifted from writers to publishing house employees. The main criterion for accepting texts for publication was to be their compliance with the ideological line. It can be assumed that the events of 1943 became a kind of "rehearsal" for the 1946 campaign. "On the magazines "Zvezda" and "Leningrad".

Keywords: Molotov regional publishing house, Molotov branch of the writers' union, Writers' Union, Soviet literature, Secretariat of the Central Committee of the CPSU(b), 1943, Soviet literature, Molotov Regional Committee of the CPSU(b), O. M. Brik, Lilya Brik.

References

1. Aleksandrov. V. "O. M. Brik. Ivan Groznyj". *Istoricheskaya tragediya. Molotovskoe oblastnoe izdatel'stvo*. "Ural'skij sovremennik". Al'manah Sverdlovskogo otdeleniya Soyuzu Sovetskikh pisatelej. Kniga 9. OGIZ, Sverdlovskoe Oblastnoe izdatel'stvo". Recenzii ["O. M. Brik. Ivan the Terrible." A historical tragedy. Molotov Regional Publishing House". "Ural Contemporary". Almanac of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers. Book 9. OGIZ, Sverdlovsk Regional Publishing House. Reviews] // *RGALI* – The Russian State Archive of Literature and Art. F. 619. Op. 1. D. 6. L. 7.
2. Belodubrovskaya M. *Ne po planu. Kinematografiya pri Staline* [Not according to plan. Cinematography under Stalin]. M., New literary review. 2020. 264 p.
3. Brik L. Yu. *Shchen* [Shchen]. Molotov, Molotovgiz. 1942. 15 p.
4. Brik O. M. *Ivan Groznyj. Istoricheskaya tragediya* [Ivan the Terrible. Historical tragedy]. Molotov, Molotovgiz. 1942. 76 p.
5. Valyuzhenich A. V. *Ob Osipe Brike* [About Osip Brik] // *Chajka* – Seagull. 2020. Available at: <https://www.chayka.org/node/10607>.
6. Dobrenko E. A. *Pozdnij stalinizm: estetika politiki. Tom 1* [Late Stalinism: Aesthetics of Politics. Volume 1]. M., New literary review, 2020. 712 p.
7. Dobrenko E. A. *Politekonomiya socrealizma* [The Political Economy of Social Realism]. M., New literary review, 2007. 592 p.
8. *Dokladnaya zapiska upravleniya propagandy i agitacii CK VKP(b) sekretaryu CK VKP(b) A. A. Zhdanovu o neudovletvori tel'nom sostoyanii zhurnalov "Zvezda" i "Leningrad". 7 avgusta 1946 g.* [Memorandum of the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU(b) to the Secretary of the Central Committee of the CPSU(b) A. A. Zhdanov on the unsatisfactory condition of the magazines Zvezda and Leningrad. August 7, 1946] // *Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty CK RKP(b). VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953* – The government and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), CHEKA – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953 / comp. A. Artizov and O. Naumov. M., Demokratiya (Democracy), 1999. Pp. 559–565.
9. Kimerling A. S. *Molotovskoe ekho ideologicheskoy kampanii 1946 goda: mestnaya pechat' razoblachaet M. Zoshchenko i A. Ahmatovu* [Molotov's echo of the ideological campaign of 1946: the local press exposes M. Zoshchenko and A. Akhmatova] // *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya* – Bulletin of Perm University. Ser. History. 2013. No. 3 (23). Pp. 188–195.
10. Nechaev M. G. "Molotovskij koktejl" obrazca 1943 g. *V bor'be za povyshenie idejno-hudozhestvennogo urovnya sovetskoj literatury* ["Molotov cocktail" sample of 1943 In the struggle to raise the ideological and artistic level of Soviet literature] // *Tvorcheskaya intelligenciya v Priam'e v 1920–1950 gg. Lichnost' i vlast': materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Creative intelligentsia in the Kama region in 1920–1950. Personality and power: proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Perm. 2020. Pp. 59–83.
11. *Permskoe otdelenie soyuza pisatelej. Direktivnye ukazaniya Soyuzu pisatelej SSSR* [Perm branch of the Writers' Union. Guidelines of the USSR Writers' Union] // *PermGASPI* — Perm State Archive of Socio-Political History. F. 3744 Op. 1. D. 70. Sh. 1.
12. *Postanovlenie Orgbyuro CK VKP(b) O zhurnalakh "Zvezda" i "Leningrad" 14 avgusta 1946 g.* [Resolution of the Organizational Bureau of the Central Committee of the CPSU(b) About the magazines "Zvezda" and "Leningrad" on August 14, 1946] // *Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953* – The government and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), CHEKA – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953 / comp. A. Artizov and O. Naumov. M., Demokratiya (Democracy), 1999. Pp. 587–591.
13. *Proekt resheniya CK VKP(b) O 50-letii so dnya rozhdeniya V. V. Mayakovskogo* [Draft decision of the Central Committee of the CPSU(b) On the 50th anniversary of the birth of V. V. Mayakovsky] // *RGASPI* – The Russian State Archive of Socio-political History. F. 5. Op. 6. D.135 Sh. 57–58.
14. *Protokoly soveshchaniy pisatelej, otchety o rabote otdeleniya pisatelej Permskogo otdeleniya soyuza pisatelej* [Minutes of writers' meetings, reports on the work of the writers' department of the Perm branch of the Writers' Union] // *PermGASPI* – Perm State Archive of Socio-Political History. F. 3744. Op. 1. D. 1. Sh. 1.
15. *Protokol No. 2 Otkrytogo partijnogo sobraniya oblizdatel'stva ot 4 fevralya 1943 g.* [Protocol No. 2 of the Open Party Meeting of the Government of February 4, 1943.] // *PermGASPI* – Perm State Archive of Socio-Political History. F. 74. Op. 1. D. 161. Sh. 29.
16. Rozhdestvenskaya E. L. "Moemu neizmenno okrylyayushchemu redaktoru": vspominaya Pavla Petrovicha Bazhova ["To my always inspiring editor": remembering Pavel Petrovich Bazhov] // *Ural*. 2005. No. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2005/1/8220-moemu-neizmenno-okrylyayushchemu-redaktoru-8221-vspominaya-pavla-petrovicha-bazhova.html>.
17. Rozhdestvenskaya K. V. *Za kruglym stolom. Zapiski redaktora*. [At the round table. Editor's notes]. M., Iskusstvo (Art), 1962. 239 p.

18. *Semenov N. Izdatel'skaya oshibka (Ob istoricheskoy tragedii O. Brika)* [Publishing error (About the historical tragedy of O. Brika)] // *Oktyabr'* – October. 1942. No. 10. Pp. 126–127.
19. *Stalin I. V. Zapiska N. I. Ezhovu* [Stalin I. V. A note to N. I. Yezhov] // *RGASPI* – The Russian State Archive of Socio-political History. F. 558. Op. 11. D. 1118. Sh. 148.
20. *Shishkova T. Vnezhdanovshchina. Sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaемым Zapadom* [Vnezhdanovschina. Soviet Post-War Cultural Policy as a Dialogue with the Imaginary West]. M., New literary review, 2023. 384 p.

Поступила в редакцию: 09.07.2025

Принята к публикации: 24.10.2025

УДК 94(47).073+070.13

EDN: HHRFBJ

«Цензурная» атака на М. П. Погодина и его журнал в 1842 г.: споры вокруг статьи А. С. Хомякова и «славянский вопрос»

Лебединцев Иван Михайлович

преподаватель, Православная гимназия им. Серафима Саровского.
Россия, г. Дзержинск. ORCID: 0000-0001-7462-6039. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию влияния взаимоотношений властных агентов на цензурную политику России в годы правления Николая I. Время царствования Николая I отмечено возрастанием контроля государства над обществом и строгой цензурой. Цензурной политике России данного периода посвящено много исследований. Однако большая их часть занимается изучением взаимоотношений журналов западнической ориентации с цензурными органами. В данной работе исследуется конфликт между властью и журналом известного историка М. П. Погодина «Москвитянин», имевший место в начале его существования. «Москвитянин» был изданием консервативной направленности и поддерживал правительство. Инициатором его создания был министр народного просвещения С. С. Уваров. Несмотря на то, что цензурные органы подчинялись Министерству народного просвещения, в 1841–1842 гг. «Москвитянин» столкнулся с нападками со стороны различных цензурных ведомств. Опираясь на данные источников и научную литературу, мы приходим к выводу, что за этими нападками стоят А. Х. Бенкендорф и С. Г. Строганов, противники С. С. Уварова. Желая ослабить влияние министра народного просвещения при дворе и в обществе, Бенкендорф и Строганов пытаются закрыть «Москвитянин» и досадить его издателю М. П. Погодину. В результате исследования делается вывод о том, что в годы правления Николая I на цензурную судьбу издания влияло не только его идеологическое направление, но и отношения между чиновниками высшего ранга, которые в те годы стояли за большинством литературных журналов России.

Ключевые слова: «Москвитянин», славянофилы, А. С. Хомяков, цензура, С. С. Уваров.

Эпоха правления Николая I является одним из самых противоречивых периодов отечественной истории. С одной стороны, это время усиления государственного контроля над обществом, с другой – период расцвета русской литературы и философии. Годы царствования Николая Павловича у современников ассоциировались с полицейским контролем, с атмосферой страха, шпионажа, наущничества и, конечно, с цензурой.

Цензура при Николае I достигла небывалого уровня. Изучению этого аспекта его царствования посвящено немало исследований. Первые монографии и статьи, освещавшие данный вопрос, появились еще в дореволюционный период [17; 18; 36]. В дальнейшем цензурная политика николаевской России активно изучалась как в советское время, так и в наши дни [1; 8; 12; 13; 14; 15; 30; 39].

Однако большинство работ, посвященных этому вопросу, сосредоточены на рассмотрении непосредственной деятельности цензурных органов и тех карательных мер, которым подвергались авторы и издания николаевской эпохи. В качестве акторов информационного поля у исследователей выступают две силы: угнетаемая властью журналистика и монолитная, действующая «в едином духе» цензурная машина. Как справедливо отметил современный исследователь, такой подход можно назвать «парадигмой перманентного противостояния общества и власти» [2, с. 131].

Недостаток такого подхода заключается в том, что он не объясняет внутренние механизмы действия цензурных органов и тех факторов, которые влияют на принятие цензурного решения. Неверно было бы считать, что действия надзорных органов были просты, понятны и прямолинейны. На работу «цензурной машины» в рассматриваемую эпоху воздействовало много факторов. Важнейшими из них являлись взаимоотношения между различными акторами властного поля, которые использовали журналистику для усиления своего положения при дворе и в обществе. Этот аспект цензурной политики николаевского царствования не так подробно освещен в научной литературе. Среди современных исследований, раскрывающих данную сторону проблемы, стоит выделить не так давно вышедшие монографии М. Велижева [9] и С. Володиной [10], ряд публикаций, появившихся в 2019 г. в одном из номеров журнала «Филосо-

фия» Высшей школы экономики [2; 6; 11], труды Д. А. Бадаляна [2; 3] и некоторых других авторов [5]. В этих работах исследователи пытаются выявить те общественные механизмы, которые определяли работу цензурных органов. Но в центре их внимания находятся в основном взаимоотношения цензурных органов с авторами и изданиями «западнического» направления. В данной работе мы попытаемся рассмотреть, как политические игры в высших эшелонах власти отражались на представителях консервативных СМИ. Т. е. на тех изданиях, которые, по сути, являлись проводником идеологии николаевского режима. А именно, на примере случившегося в 1842 г. конфликта с цензурными органами редакции журнала М. П. Погодина «Москвитянин» и на тот момент постоянного автора издания – славянофила А. С. Хомякова.

«Москвитянин» занимает особое место в истории отечественной журналистики. В 1830-х гг. Москва являлась «журналистской столицей» Российской империи. Здесь выходили самые известные и популярные издания страны, такие как «Московский телеграф», «Телескоп», «Московский наблюдатель» и др. К началу 1840-х гг. ситуация в Москве в корне изменилась. Все литературные издания (а они в то время были самыми популярными и влиятельными) были закрыты. В основном из-за действий цензуры. Появление на их месте новых журналов было невозможно. В 1836 г. императором был обнародован указ о запрете на выпуск новых изданий [31, с. 227]. Хотя де-юре это постановление распространялось на любые журналы, фактически запрет касался только литературных. Т. е. тех, которые могли оказывать влияние на общественное мнение, тогда как выпуск «отраслевой» печатной продукции не запрещался, и количество изданий, выходивших в обеих столицах, с каждым годом росло. Появлялись журналы различных министерств и ведомств, периодика по медицине, моде и проч. [7, с. 150]. В связи с этим начавший выходить в 1841 г. «Москвитянин» стал единственным литературным (а значит – и общественно-политическим) изданием Москвы.

Несмотря на то, что «Москвитянин» в течение долгого времени был единственным литературным журналом Москвы и играл важную роль в идейных спорах эпохи, количество трудов, посвященных его деятельности, невелико. Среди них стоит отметить несколько работ, появившихся в последние годы: исследование К. Ю. Зубкова [16], созданную при его участии монографию «Современник» против «Москвитянина» [33], а также учебное пособие О. В. Тимашевой [34]. Однако все эти работы посвящены так называемой «Молодой редакции «Москвитянина» – авторам, которые были близки Ап. Григорьеву и А. Н. Островскому. Т. е. они не затрагивают деятельность «классической» редакции журнала, которую возглавляли М. П. Погодин и С. П. Шевырев. А их литературная, издательская и общественная деятельность представляет огромный интерес для истории общественной мысли в России.

Первый год существования «Москвитянина» был для журнала М. П. Погодина наиболее успешным. Министр народного просвещения и творец знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность» С. С. Уваров выступил в качестве протекции нового печатного СМИ. Более того, знаменитый политический деятель сам стал инициатором появления «Москвитянина». С 1838 г. министр народного просвещения побуждал Погодина к созданию нового журнала. Для того чтобы обойти запрет на издание новых литературных журналов, С. С. Уваров лично обращался к императору за разрешением на выпуск нового публицистического издания. Сам же Уваров в первый год существования «Москвитянина» и занимался его популяризацией при дворе и в среде высшего чиновничества [4, с. 27]. Участие министра народного просвещения в создании «Москвитянина» во многом определило его цензурную судьбу.

Триумфальный год сменился временем испытаний, когда на «Москвитянин» началась цензурная атака политических противников С. С. Уварова. Выпад против «Москвитянина» со стороны главного политического конкурента Уварова А. Х. Бенкендорфа имел место уже в 1841 г., однако он, во-первых, был разовый, а во-вторых, как будет показано ниже, имел под собой объективные основания. В 1842 г. мы встречаемся с несколькими попытками досадить редакции «Москвитянина», причем поводы для этого будут находиться самые незначительные. А в центре этой атаки на погодинский журнал окажется А. С. Хомяков.

В апреле 1842 г. был обнародован указ об обязанных крестьянах. Это был еще один неоспоримый шаг в сторону отмены крепостного права, которые время от времени предпринимало николаевское правительство. Первым в печати на выход нового законопроекта отреагировал А. С. Хомяков. Его статья была опубликована в шестом номере «Москвитянина» за 1842 г. [20, с. 253–266].

В восьмом номере «Москвитянина» за 1842 г. были напечатаны «Замечания на статью Г. Хомякова: о сельских условиях» [21, с. 376–382]. Автор статьи не подписал свой труд, но из

воспоминаний М. П. Погодина известно, что критику на работу Хомякова написал Н. И. Татаринов [29, с. 416]. В «Замечаниях» была высказана критическая оценка ряда положений, выдвигавшихся лидером славянофилов.

Хомяков не мог оставить такую критику его статьи без ответа. Антикритика Хомякова появилась в десятом номере «Москвитянина» под названием «Еще о сельских условиях» [22, с. 512–522].

В целом полемика между Татариновым и Хомяковым носила характер взаимного уважения и терпимости.

Но само содержание статьи Хомякова и полемики, имевшей место на страницах «Москвитянина» по ее поводу, не так интересны, как цензурная история, развернувшаяся вокруг этих публикаций. «О сельских условиях» была напечатана в шестом (июньском) номере журнала за 1842 г. Уже 9 июля Бенкендорф отправил Уварову запрос по поводу статьи Хомякова. Шеф жандармов интересовался, была ли эта публикация одобрена министром. По мнению Бенкендорфа, любые публикации, посвященные указу 2 апреля 1842 г., должны цензурироваться на самом высоком уровне. Уваров отвечал, что со статьей знаком не был, но не находит ее предосудительной. Итогом этого обмена мнений стал циркуляр Уварова, запрещающий какие бы то ни было обсуждения как указа, так и статьи Хомякова в российской печати [36, с. 174]. Для понимания ситуации со статьей Хомякова необходимо взглянуть на взаимоотношения «Москвитянина» с цензурными органами в этот период.

Помимо запроса о статье Хомякова Бенкендорф обращался к Уварову по поводу «Москвитянина» в 1842 г. еще раз. 9 ноября Уваров получил выговор за публикацию в журнале Погодина писем Пушкина и сочинение Ф. В. Булгарина «Комары». «Комары» никаких крамольных мыслей не содержали, но показались шефу жандармов слишком грубыми. Такой тон, по его мнению, был не уместен в российской печати. Другим произведением, которое не понравилось Бенкендорфу, были выпады против Н. Полевого, содержащиеся в письмах Пушкина [36, с. 174].

Эти нападки оказали серьезное психологическое воздействие на М. П. Погодина, который уже думал о закрытии своего издания и прощании с журналистской карьерой, но был поддержан С. С. Уваровым и продолжил свою издательскую деятельность [4, с. 277–278].

Еще одним интересным фактом является запрос попечителя московского учебного округа С. Г. Строгонова, сделанный все тому же Уварову. С самого момента своего основания «Москвитянин» большое внимание уделял славистике. Одной из рубрик журнала были «Славянские известия». Поскольку значительная часть славян находилась под властью дружественной Австрии, Строганов интересовался у Уварова, не грозит ли это «славянолюбие» интересам России [10, с. 237–238]?

Итак, во второй половине 1842 г. мы видим три эпизода с нареканиями в сторону «Москвитянина» со стороны чиновников высшего ранга, стоящих во главе российской цензуры. И все три повода выглядят, по меньшей мере, крайне раздутыми или же откровенно надуманными. На первый взгляд, эта ситуация может показаться обычным проявлением строгости николаевской цензуры. Но совсем другой представляется картина, если посмотреть на нее, используя политический контекст текущего момента.

Николай I при назначении сановников высшего уровня пользовался принципом *divide et impera*. На главных должностях в государстве, зачастую, оказывались люди друг к другу крайне нерасположенные. Используя такую систему назначений, монарх стремился поставить чиновников в максимальную от себя зависимость. В связи с этим в его правление была распространена борьба высших чиновников, преследующих личные цели или защищающих интересы своих ведомств [9, с. 197–215]. Самой наглядной иллюстрацией этого принципа является сфера цензуры. Формально ей заведовал С. С. Уваров. Но одновременно с ним цензурой занималось III отделение, шеф которой постоянно вторгался в вопросы, относящиеся к компетенции уваровского ведомства. С другой стороны, у Уварова имелись недоброжелатели и внутри собственного министерства. Еще одним его антагонистом являлся С. Г. Строганов. В 1835 г. он был назначен попечителем Московского учебного округа, а значит, в его ведомство входила и московская цензура. С ним у министра народного просвещения тоже были непростые отношения. Осложнялись они тем, что хотя Уваров и был формально начальником Строганова, последний имел большую знатность, богатство и вес при дворе, так что де-факто был практически неподотчетен автору знаменитой триады.

Если взглянуть на нападки, которым подвергся «Москвитянин» в 1842 г. через призму отношений чиновников в высших эшелонах власти, то становится совершенно очевидным,

что выпады против журнала М. П. Погодина были не проявлением непомерной строгости николаевских цензоров, а желанием досадить министру народного просвещения и ослабить его влияние в обществе и при дворе.

Возможно, что одним из мотивов, побуждавших Бенкендорфа «атаковать» «Москвитянин», была месть. В 1834 г. Уваров добился запрещения журнала Н. Полевого «Московский телеграф» [17, с. 86–96]. Известно, что Бенкендорф благоволил к Полевому (как в годы существования «Телеграфа», так и после), но отстоять его издание не смог. Интересно, что одним из обвинений, которые оказались предъявлены в ноябре 1842 г. «Москвитянину», была клевета на Полевого [4, с. 276].

Не менее примечательным является и обращение С. Г. Строганова по поводу «славянской» ориентации «Москвитянина». Формально в действиях Строганова нельзя усмотреть ничего предосудительного. Это обычный запрос подчиненного начальнику. Но в контексте их взаимоотношений письмо Строганова выглядит как угроза. Попечитель московского учебного округа прекрасно знал, что Погодин – протеже Уварова, и что министр и без его указаний знаком с повесткой «Москвитянина». Кроме того, Строганову, конечно, было известно, что развитие славяноведения, его популяризация и изучение в университетах активно стимулировалось самим министром народного просвещения.

Желание досадить «Москвитянину» и его главному редактору со стороны Строганова видны и из его личных отношений с М. П. Погодиным. В 1842 г. Погодин отправился в Европу. Будучи профессором Московского университета, свои командировки он должен был согласовывать с попечителем Московского учебного округа. Уже находясь в Европе, Погодин в письме к Строганову просил о продлении своей ученой командировки в связи с необходимостью посещения конференции славистов в Копенгагене. На это он получил неожиданный и довольно грубый отказ. Вместе с тем в скором времени Погодин получил от Уварова разрешение на необходимую ему отсрочку. В данном случае мы опять видим, кто протезировал московского профессора, а кто ему явно не благоволил.

Очевидно, что Уваров хорошо понимал, кто работает против его московских протеже, и от кого он должен защищать «Москвитянин». Это показывает цензурная история вокруг публикации в апрельском номере погодинского журнала за 1841 г. анекдотов, главными героями которых были мелкие чиновники, помещицы и их слуги [19, с. 248–251]. Некоторые из анекдотов высмеивали взяточничество и бюрократические проволочки, царившие в присутствиях и канцеляриях. Вместе с тем эту критику вряд ли можно назвать уничижительной или даже сколько-нибудь существенной. Но этого было достаточно, для того чтобы использовать цензурную возможность для атаки на «Москвитянин».

Прочитав анекдоты, Уваров тут же написал о них Строганову, предписав вызвать Погодина и сделать ему внушение по поводу подобных публикаций. Вскоре он получил письмо Бенкендорфа, в котором шеф жандармов высказывал свое негодование по поводу апрельской публикации «Москвитянина» и предлагал закрыть журнал. Уваров отвечал, что анекдоты не остались незамеченными, распоряжения о соответствующих взысканиях им уже отданы, но закрытие журнала он считает нецелесообразным. Одновременно с официальной перепиской министр народного просвещения отправил несколько писем Погодину (напрямую и через В. Ф. Одоевского), напоминая ему об осторожности [4, с. 46–48].

Поведение Уварова в сложившейся ситуации показывает, что он прекрасно понимал, откуда грозит беда «Москвитянину», и играл на опережение. Он должен был упредить реакцию и Бенкендорфа, и Строганова. Такой реакцией он создавал себе своего рода «алиби». Глава III отделения вполне мог пожаловаться императору на бездействие и попустительство министра в случае отсутствия каких-либо санкций против журнала. Если бы письмо Бенкендорфа упредило меры создателя знаменитой триады, то последнему было бы непросто отказаться от предложения о закрытии «Москвитянина». В этом случае он выглядел бы откровенным его защитником. Но когда Уваров получил письмо своего политического противника, меры были уже приняты. Министр среагировал, наказал виновных, и хотя его наказание было не таким строгим, на какое рассчитывал Бенкендорф, в любом случае представить министра народного просвещения в глазах императора защитником крамолы вряд ли бы уже вышло.

Одновременность действий Бенкендорфа и Строганова, а также поведение Уварова, заставляют задуматься о том, что его противники координировали свои усилия. Вполне возможно, что шеф жандармов и попечитель московского учебного округа работали против «Москвитянина» сообща. У каждого из них был свой мотив. С. Г. Строганов был откровенным

западником и противником партии мыслителей и писателей, группировавшихся вокруг издания Погодина. Интерес Бенкендорфа был в ослаблении позиций своего антагониста при дворе и в обществе. Поэтому мы видим, как шеф жандармов раз за разом предпринимает попытки закрыть «Москвитянин».

Наконец, одной из самых интересных тем цензурных перипетий начала 1840-х гг. является судьба произведений Хомякова. В 1839–1841 гг. Уваров представляет императору три стихотворения А. С. Хомякова. В 1842 г. Бенкендорф докладывает Николаю I о статье Хомякова «О сельских условиях» (в запросе Уварову от 9 июля Бенкендорф пишет, что информация о статье Хомякова нужна ему для официального донесения государю) [36, с. 173]. Судя по тону письма Бенкендорфа, в котором он наводил справки о публикации «Сельских условий», вряд ли эту статью он выставил перед Николаем I в лучшем свете. Таким образом, мы видим, что как в 1841 г. С. С. Уваров популяризировал не только «Москвитянин», но и известных литераторов, сотрудничающих с журналом, так и на следующий год Бенкендорф пытается в глазах царя опорочить не только журнал Погодина, но и ведущих его сотрудников.

Статья Хомякова вызвала много толков и самых разнообразных откликов. Чаадаев в письме к Е. А. Свербеевой от 10 июля 1842 г. пишет, что хотя работа «О сельских условиях» «мало произвела впечатления на землевладельцев», но содержит много интересного «для мысли» [38, с. 149–151]. В следующем, 1843 г., Чаадаев написал и ответ на статью Хомякова [37, с. 539–545].

Помимо Чаадаева на работу лидера славянофилов откликнулся помещик Волков, но его ответ Хомякову не был опубликован в силу уже упоминавшегося запрета.

Публикация статьи А. С. Хомякова «О сельских условиях» могла стать важнейшим общественно-политическим событием 1840-х гг. Сразу после своего появления в «Москвитянине» она вызвала широкий общественный резонанс, на нее было написано несколько ответов и возражений. Но, как показано выше, противостояние чиновников в высших эшелонах власти, которые использовали цензурные механизмы для своих политических игр, не позволило развиться полемике вокруг статьи знаменитого славянофила.

Интересно отметить, что «цензурный пресс», под который попал «Москвитянин» в 1842 г., никак не отразился ни на повестке журнала, ни на деятельности А. С. Хомякова. Хомяков по-прежнему дает немного материалов М. П. Погодину, что связано с его нерегулярной литературной деятельностью, и в 1843 г. в «Москвитянине» появляется только одна его статья («Письмо в Петербург о выставке» [28, с. 211–222]). Но содержание ее показывает, что никакие цензурные нападки не повлияли на Хомякова, стиль его письма или выбор тем.

И тон, и содержание статьи Хомякова вполне могли бы привлечь внимание цензоров. В начале работы автор бегло описывает свои впечатления от посещения выставки российских мануфактурных изделий, проходившей в 1843 г. в Москве. Хомяков с присущей ему иронией описывает увиденные им товары, хвалит отечественную промышленность, причем его похвалы пересыпаны недовольством, так что возникает недвусмысленное ощущение слабого развития производства в России. Автор высмеивает достижения отечественной промышленности. В годы правления Николая I основная идеологическая установка заключалась в постулировании цветущего состояния страны. Лидер славянофилов явно не считает состояние российской промышленности цветущим. Официально выставка оценивалась совсем иначе. «Не предвзяя суда публики можно сказать, что настоящая Выставка удовлетворит в полной мере справедливым ожиданиям и покажет степень развития разнородных отраслей Отечественного трудолюбия» [35, с. 1] – так написано в Указателе выставки, которую посещал Хомяков. Такое разномыслие с официальной позицией властей должно было привлечь внимание цензоров, но почему-то не привлекло. Несмотря на то, что остроты лидера «славян» могли обернуться для «Москвитянина» неприятностями, М. П. Погодин спокойно печатает эту статью.

Отдельно стоит отметить общее направление «Москвитянина» после 1842 г. Несмотря на запрос С. Г. Строганова по поводу славяноведческой повестки дня погодинского издания, славяноведения в «Москвитянине» в 1843 г. стало еще больше. В этом году помимо отдельных статей, новостей и очерков, которые с самого момента основания журнала часто, хотя и не совсем регулярно, появлялись на его страницах, в первых пяти номерах «Москвитянина» печатается «Славянское народописание» [23–27] выдающегося чешского ученого П. И. Шафарика. Здесь мы видим, что «запрос» Строганова никак на редакционной политике «Москвитянина» не сказался.

Более того, в том же 1843 г. «Славянское народописание» вышло отдельным изданием [32]. Напечатано оно было в Москве, в Университетской типографии. То есть в учебном заве-

дении, непосредственно подчинявшемся графу Строганову. Эти факты не оставляют сомнения в том, что «славянская» повестка «Москвитянина» нисколько не волновала попечителя Московского учебного округа. Для Строганова это был просто повод для выступления против своего высокопоставленного руководителя.

Таким образом, на примере столкновения Уварова и Бенкендорфа и его влияния на судьбу «Москвитянина» мы видим, что идеологическая и цензурная политика николаевского времени не была последовательной и до конца выверенной. Под «цензурной пресс» попадали те издания, которые были для власти «своими». «Москвитянин» был одним из наиболее проправительственных журналов николаевского времени, группировавшие вокруг него различные консервативные элементы (в том числе славянофилы, лидер которых А. С. Хомяков в 1841–1842 гг. был одним из самых заметных авторов журнала) и, соответственно, должен был пользоваться благорасположением власти предредающей. Однако очень часто вместо этого авторы и редакция «Москвитянина» подвергались нападкам, а само издание даже пытались запретить. Причиной этого были столкновения патрона журнала С. С. Уварова с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом. Как отмечают современные исследователи, кон. 1830 – нач. 1840-х гг. ознаменован обострением борьбы против министра народного просвещения в среде высшего чиновничества и придворных кругах [3]. Таким образом, становится очевидно, что «Москвитянин» попадал под давление цензурных ведомств из-за связи с Уваровым.

Подобные случаи показывают, что николаевская цензура и идеология не были монолитным образованием: большое влияние на них оказывали конфликты в высших сферах власти. И, несмотря даже на проправительственную ориентацию издания, оно могло попасть под «цензурный пресс» вследствие конфликтов чиновников в высших эшелонах власти.

Список литературы

1. Амиров В. М., Чудинов А. П. Российская журналистика под гнетом цензуры // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 194–195.
2. Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 2. С. 128–157.
3. Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1.
4. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Т. 6. 1892. СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1888–1910.
5. Березкина С. В. «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 201–213.
6. Бибииков Г. Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 2. С. 79–108.
7. Ботова О. О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
8. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины : очерки о кн. и прессе пушкин. поры. Изд. 2-е, доп. М. : Книга, 1986. 381 с.
9. Велижев М. Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.
10. Волошина С. М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022. 677 с.
11. Волошина С. М. Доносы и агентские донесения как механизм «интимного» взаимодействия с властью // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 2. С. 109–127.
12. Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л. : Наука. Ленинград. отд-ние, 1978. Т. 8. С. 195–218.
13. Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114–118.
14. Горячева Е. М. Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 111–119.
15. Жирков Г. История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
16. Зубков К. Ю. "Молодая редакция" журнала "Москвитянин": Эстетика. Поэтика. Полемика. М. : Биосфера, 2012. 209 с.
17. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подл. делам Третьего отд. Собств. е. и. вел. канцелярии. Изд. 2-е. Санкт-Петербург : Изд. С. В. Бунина, 1909.

18. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб. : Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. XIII, [3], 427 с.
19. Москвитянин. 1841. Ч. II. № 3.
20. Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6.
21. Москвитянин. 1842. Ч. IV. № 8.
22. Москвитянин. 1842. Ч. V. № 10.
23. Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1.
24. Москвитянин. 1843. Ч. I. № 2.
25. Москвитянин. 1843. Ч. II. № 3.
26. Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4.
27. Москвитянин. 1843. Ч. III. № 5.
28. Москвитянин. 1843. Ч. IV. № 7.
29. Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофилы: Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке современников : антология / Северо-Западное отд-ние Российской акад. образования, Русская христианская гуманитарная акад.; сост., вступ. ст., коммент., библиогр.: В. А. Фатеев. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.
30. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : в 2 т. М. : Пробел-2000, 2015.
31. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. Морского министерства, 1862.
32. Славянское народописание, составленное П. И. Шафариком / пер. с чеш. и предисл. И. Бодянского. М. : Унив. тип., 1843. 174 с.
33. «Современник» против «Москвитянина»: литературно-критическая полемика первой половины 1850-х гг. / изд. подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов; Ин-т русской лит. (Пушкинский дом) Российской акад. наук. СПб. : Нестор-История, 2015. 871 с.
34. Тимашова О. В. Литературная критика журнала «Москвитянин» времен «молодой редакции» (1850–1855) : учебное пособие по курсу «История русской литературы XIX века» для студентов дневного и заочного отделений, обучающихся по направлениям «Русская литература» и «Журналистика» / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Ин-т филологии и журналистики, Каф. истории русской лит. и фольклора. Саратов : Наука, 2010. 326 с.
35. Указатель Третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. Москва, [1843]. XXIV, [366], XIV с.
36. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4.
37. Чаадаев П. Я. Ответ на статью А. С. Хомякова «О сельских условиях» // Полное собрание сочинений и избранные письма / сост. и коммент. С. Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З. А. Каменский. М. : Наука, 1991. Т. 1. С. 539–545.
38. Чаадаев П. Я. Письмо к Е. А. Свербеевой от 10.07.1842 // Полное собрание сочинений и избранные письма / сост. и коммент. С. Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З. А. Каменский. М. : Наука, 1991. Т. 2. С. 149–151.
39. Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2 (19). С. 47–51.

"Censorship" attack on M. P. Pogodin and his journal in 1842: disputes around the article of A. S. Khomyakov and the "Slavic question"

Lebedyantsev Ivan Mikhailovich

teacher, Orthodox gymnasium n. a. Seraphim of Sarov. Russia, Dzerzhinsk. ORCID: 0000-0001-7462-6039.

E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the influence of the relationship between government agents on the censorship policy of Russia during the reign of Nicholas I. The reign of Nicholas I was marked by increasing state control over society and strict censorship. Many studies have been devoted to the censorship policy of Russia during this period. However, most of them study the relationship between Western-oriented magazines and censorship. This work studies the conflict between the government and the magazine of the famous historian M. P. Pogodin "Moskvityanin", which took place at the beginning of its existence. "Moskvityanin" was a conservative magazine and supported the government. The initiator of its creation was the Minister of Public Education S. S. Uvarov. Despite the fact that the censorship bodies were subordinate to the Ministry of Public Education, in 1841–1842 "Moskvityanin" faced attacks from various censorship agencies. Based on the data of sources and scientific literature, we come to the conclusion that A. H. Benckendorf and S. G. Stroganov, opponents of S. S. Uvarov, are behind these attacks. Wanting to weaken the influence of the Minister of Public

Education at court and in society, Benckendorf and Stroganov are trying to close Moskvityanin and annoy its publisher M. P. Pogodin. As a result of the study, it is concluded that during the reign of Nicholas I, the censorship fate of the media was influenced not only by its ideological direction, but also by the relations between high-ranking officials, who in those years stood behind most of the literary magazines in Russia.

Keywords: "Moskvityanin", Slavophiles, A. S. Khomyakov, censorship, S. S. Uvarov.

References

1. Amirov V. M., Chudinov A. P. *Rossiyskaya zhurnalistika pod gnetom tsenzury* [Russian journalism under the yoke of censorship] // *Politicheskaya lingvistika* – Political linguistics. 2010. No. 2 (32). Pp.194–195.
2. Badalyan D. A. "Moskovskiy telegraf". "Literaturnaya gazeta" i III otdeleniye : skrytaya mekhanika pokrovitelstva i nakazaniya [Moskovsky Telegraph, Literaturnaya Gazeta and the III department: the hidden mechanics of patronage and punishment] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. III. No. 2. Pp. 128–157.
3. Badalyan D. A. S. S. Uvarov i zhurnalnaya borba 1830–1840-kh godov [S.S. Uvarov and the magazine struggle of the 1830s and 1840s] // *Tetrad' po konservatizmu* – Notebooks on conservatism. 2018. No. 1.
4. Barsukov N. P. Zhizn i trudy M. P. Pogodina : V 22-kh t. [The life and works of M. P. Pogodin : In 22 vols.]. 22 vols. Vol. 6. 1892. SPb., Pogodin i Stasyulevich, 1888–1910.
5. Berezkina S. V. "Nemtsy" protiv "Evropeytsa" ["Germans" against "European"] // *M.*, 2009. No. 3. Pp. 201–213.
6. Bibikov G. N. Nadzor III otdeleniya za chastnoy zhiznyu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-e gg.) [Supervision of the III department for the private life of provincial officials (1820–1830s)] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. III. No. 2. Pp. 79–108.
7. Botova O. O. *Moskovskiy tsenzurnyy komitet vo vtoroy chetverti devyatnadsatogo veka: Formirovaniye. Sostav. Deyatel'nost' : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [The Moscow Censorship Committee in the second quarter of the nineteenth century: Formation. Composition. Activity : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M., 2003.
8. Vatsuro V. E., Gillelson M. I. *Skvoz umstvennyye plotiny : ocherki o kn. i presse pushkin. pory* [Through mental dams: essays on the book and Pushkin's press. pores]. 2 ed. add. M., Kniga (Book). 1986. 381 p.
9. Velizhev M. B. *Chaadayevskoye delo: ritorika. ideologiya i gosudarstvennaya vlast v nikolayevskoy Rossii* [Chaadaev's case: rhetoric, ideology and state power in Nikolayev Russia]. M., New Literary Review. 2022. 392 p.
10. Voloshina S. M. *Vlast i zhurnalistika. Nikolay I. Andrey Krayevskiy i drugiye* [Nicholas I, Andrei Kraevsky and others]. M., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2022. 677 p.
11. Voloshina S. M. *Donosy i agentskiye doneseniya kak mekhanizm "intimnogo" vzaimodeystviya s vlastyu* [Denunciations and agent reports as a mechanism of "intimate" interaction with the authorities] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. III. No. 2. Pp. 109–127.
12. Gillelson M. I. *Literaturnaya politika tsarizma posle 14 dekabrya 1825 g.* [The literary policy of Tsarism after December 14, 1825] // *Pushkin: issledovaniya i materialy* – Pushkin: research and materials / USSR Academy OF Sciences. In-t rus. lit. (Pushkin. the house). 1978. Vol. 8. Pp. 195–218.
13. Gillelson M. I. *Pisma Zhukovskogo o zapreshchenii "Evropeytsa"* [Zhukovsky's letter on the prohibition of the "European"] // *Russkaya literatura* – Russian literature. 1965. No. 4. Pp. 114–118.
14. Goryacheva E. M. *Osobennosti administrativnogo i ugovornogo zakonodatelstva v sfere borby s inakomysliem v gody pravleniya Nikolaya I* [Features of administrative and criminal legislation in the field of combating dissent during the reign of Nicholas I] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki* – Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2014. No. 3-2. Pp.111–119.
15. Zhirkov G. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv. : ucheb. posobiye dlya studentov vuzov* [The history of censorship in Russia of the XIX–XX centuries : a manual for university students]. M., Aspekt-Press. 2001. 367 p.
16. Zubkov K. Yu. *"Molodaya redaktsiya" zhurnala "Moskvityanin": Estetika. Poetika. Polemika* ["Young editors" of the Moskvityanin magazine: Aesthetics. Poetics. Polemic]. M., Biosfera (Biosphere). 2012. 209 p.
17. Lemke M. K. *Nikolayevskiy zhandarmy i literatura 1826–1855 gg. : Po podl. delam Tretyego otd. Sobstv. e. i. vel. Kantselyarii* [Nikolaevsky gendarmes and literature of 1826–1855 : On the dirty cases of the Third ed.]. 2 ed. SPb., Publ. S. V. Bunin. 1909.
18. Lemke M. K. *Ocherki po istorii russkoy tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya* [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the XIX century]. SPb., Tip. SPb. t-va pech. and publishing house of the case "Trud". 1904. XIII. [3]. 427 p.
19. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1841. Ch. II. No. 3.
20. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1842. Ch. III. No. 6.
21. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1842. Ch. IV. No. 8.
22. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1842. Ch. V. No. 10.
23. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. I. No. 1.
24. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. I. No. 2.
25. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. II. No. 3.

26. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. II. No. 4.
27. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. III. No. 5.
28. *Moskvityanin* – The Muscovite. 1843. Ch. IV. No. 7.
29. Pogodin M. P. *K voprosu o slavyanofilakh* [On the question of Slavophiles] // *Slavyanofily: Slavyanofilstvo: PRO ET CONTRA : tvorchestvo i deyatelnost slavyanofilov v otsenke sovremennikov : antologiya* – Slavophiles: Slavophilism: PRO ET CONTRA: creativity and activity of Slavophiles in the assessment of contemporaries : an anthology / North-Western Branch of the Russian Academy of Sciences. education, Russian Christian Humanitarian Academy; comp., intro. art., comment., bibliogr.: V. A. Fateev. 2nd ed. SPb., Publishing house of St. Petersburg University. 2009.
30. Reyfman P. S. *Tsenzura v dorevolutsionnoy. sovetской i postsovetской Rossii : v 2 t.* [Censorship in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet Russia : in 2 vols.]. M., Probel-2000. 2015.
31. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po tsenzure s 1720 po 1862 god: napechatan po rasporyazheniyu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions and orders on censorship from 1720 to 1862: published by order of the Ministry of Public Education]. SPb., Type. Ministry of the Sea. 1862.
32. *Slavyanskoye narodopisaniye, sostavlennoye P. I. Shafarikom* [Slavonic folklore, compiled by P. I. Shafarik] / transl. from Czech. and preface by I. Bodyansky. M., Univ. type. 1843. 174 p.
33. *"Sovremennik" protiv "Moskvityanina": literaturno-kriticheskaya polemika pervoy poloviny 1850-kh godov* [Sovremennik versus Moskvityanin: literary and critical polemics of the first half of the 1850s] / ed. prepared by A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov, A. S. Fedotov; Institute of Russian Literature. (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. SPb., Nestor-Istoriya. 2015. 871 p.
34. Timashova O. V. *Literaturnaya kritika zhurnala "Moskvityanin" vremen "molodoy redaktsii" (1850–1855) : uchebnoye posobiye po kursu "Istoriya russkoy literatury XIX veka" dlya studentov dnevnogo i zaocnogo otdeleniy. obuchayushchikhsya po napravleniyam "Russkaya literatura" i "Zhurnalistika"* [Literary criticism of the Moskvityanin magazine during the "young editorial staff" (1850–1855) : a textbook on the course "History of Russian Literature of the XIX century" for full-time and part-time students studying in the fields of "Russian Literature" and "Journalism"] / Saratov State University n. a. N. G. Chernyshevsky, Institute of Philology and Journalism, Department of History of Russian Literature. and folklore. Saratov., Nauka (Science). 2010. 326 p.
35. *Ukazatel Tretyey v Moskve vystavki rossiyskikh manufakturnykh izdeliy 1843 goda* [Index of the Third exhibition of Russian manufactured goods in Moscow in 1843]. M., [1843]. XXIV. [366]. XIV p.
36. *Tsenzura v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I* [Censorship during the reign of Emperor Nicholas I] // *Russkaya starina* – Russian antiquity. 1903. No. 4.
37. Chaadayev P. Ya. *Otvet na statyu A. S. Khomyakova "O selskikh usloviyakh"* [Response to the article by A. S. Khomyakov "On rural conditions"] // *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pisma* – Complete works and selected letters / comp. and a comment by S. G. Blinova et al.; ed. and auth. introductory article by Z. A. Kamensky. M., Nauka (Science). 1991. Vol. 1. Pp. 539–545.
38. Chaadayev P. Ya. *Pismo k E. A. Sverbeyevoy ot 10.07.1842* [Letter to E. A. Sverbeeva dated 10.07.1842] // *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pisma* – Complete works and selected letters / comp. and a comment by S. G. Blinova et al.; ed. and auth. introductory article by Z. A. Kamensky. M., Nauka (Science). 1991. Vol. 2. Pp. 149–151.
39. Chirskova I. M. *"Telo vlasti": tsenzura kak fenomen kultury* ["The Body of Power": Censorship as a Cultural Phenomenon] // *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* – International Journal of Cultural Studies. 2015. No. 2 (19). Pp. 47–51.

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 01.11.2024

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(438)"1940/1953"

EDN: GVMYAJ

Катынь в оценках и политике американского руководства (1940–1953 гг.)

Немчанинов Даниил Григорьевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский ГМУ Минздрава России. Россия, г. Киров.

ResearcherID: ANB-7155-2022. ORCID: 0000-0001-6115-6349. E-mail: nemchaninovdg@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается американская политика в отношении расстрела польских военнослужащих в Катыни весной 1940 г. Выделены основные детерминанты и этапы эволюции внешнеполитических решений руководства Соединенных Штатов в данном вопросе. Сделаны выводы о влиянии американской заинтересованности в годы Второй мировой войны в сохранении антигитлеровской коалиции и вследствие этого нежелании Вашингтона придавать международной огласке подробности данного события. В послевоенный период происходит ослабление государственного регулирования оценок данных событий и активизация интереса общественности США к теме Катыни. Большую роль в популяризации играли представители польской диаспоры, которые активно проводили сбор и распространение информации о событиях в Катыни. Отдельный интерес представляют действия делегации Соединенных Штатов на Нюрнбергском процессе, не поддержавшей в этом вопросе позицию СССР. На третьем этапе в Конгрессе США формируется специальный комитет для расследования всех обстоятельств гибели польских военнослужащих в Катыни, опубликованные результаты которого вызвали широкий общественный резонанс. Существенное значение при этом имела предвыборная кампания 1952 г. в США, во время которой представители республиканской партии для победы над демократами использовали замалчивание ружельской администрацией имеющихся фактов о событиях в Катыни. Это способствовало привлечению на сторону республиканцев многочисленной группы избирателей – выходцев из восточноевропейских стран. После окончания Корейской войны интерес к данной теме снизился и проявлялся лишь периодически в качестве элемента психологической войны в рамках биполярного противостояния.

Ключевые слова: холодная война, Польша, Катынь, Госдепартамент, советско-американские отношения.

Введение. В современных условиях нарастающего напряжения в отношениях РФ с «коллективным Западом» особое место занимают конфликты исторической памяти. Ведущим полем столкновения, как правило, служат события, происходившие в годы Второй мировой войны, а наиболее проблемными являются конфликты, связанные с Польшей. Польско-российский антагонизм имеет давние исторические корни и содержит много болезненных и драматических фактов.

Одним из таких фактов является трагедия в Катыни в конце мая 1940 г., когда по приказу советского руководства были расстреляны несколько тысяч польских военнослужащих, попавших в плен РККА в сентябре 1939 г.¹ Советское правительство долгие годы отрицало свою причастность к данному трагическому событию, многие страны Запада, и прежде всего США, имели основания догадываться от роли Москвы в данной трагедии, но по ряду причин дипломатического и внутривластного характера в Вашингтоне предпочли закрыть глаза на неудобные факты.

© Немчанинов Даниил Григорьевич, 2025

¹ 13 апреля 1990 г. во время визита в Москву президента Польши В. Ярузельского президент СССР М. Горбачев передал своему польскому коллеге списки польских военнопленных из лагерей в Осташкове, Козельске и Старобельске, а ТАСС официально заявил об ответственности советского руководства за расстрел поляков в Катыни. Тогда же советская Главная военная прокуратура начала расследование по поводу данного преступления и подтвердила вынесение смертных приговоров польским военнослужащим «тройками» НКВД по прямому указанию руководства Советского Союза.

Однако трудности послевоенного урегулирования и развитие последующей bipolarной конфронтации позволили Соединенным Штатам пересмотреть свои взгляды и использовать трагедию в Катыни в определенных политических целях. Лишь с окончанием холодной войны и признанием советским руководством ответственности за Катынский расстрел было проведено тщательное расследование фактов преступления. Однако из-за современных трудностей в российско-американских и российско-польских отношениях и существующей политизации современного ревизионистского дискурса тема Катыни по-прежнему остается одним из ключевых конфликтных триггеров и фактором противостояния различных вариантов исторической памяти.

С учетом важности современного стратегического партнерства между Польшей и США чрезвычайно актуальным представляется прояснить отношение Соединенных Штатов к информации о событиях в Катыни в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте польско-американских и советско-американских отношений, показать эволюцию оценок американским руководством этой трагедии и роль США в обнародовании сведений по данному вопросу, отдельно отметить цели и задачи популяризации данной темы Вашингтоном.

Актуальность данного исследования возрастает в связи с продолжающимся украинским конфликтом, где имеющие место военные преступления вновь становятся предметом конфликтов исторической памяти, оказывая существенное влияние на международные отношения.

Расстрел польских военнопленных в Катыни становился предметом исследования отечественных и зарубежных историков. Первая публикация по этой теме была издана в Берлине по результатам немецкого расследования в 1943 г. В дальнейшем в 1953 г. были опубликованы результаты расследования комиссии при Конгрессе США, где ответственность за преступление возлагалась на СССР. До окончания холодной войны каких-то комплексных научных исследований по данному вопросу практически не предпринималось из-за недоступности советских документов и материалов дел. Только в 1990-е гг. был рассекречен и опубликован значительный массив документальных источников. Вслед за этим появляются содержательные работы по данной тематике (К. Вебер, Д. Стэнфорд, Т. Урбан, Н. Лебедева, В. Мастерски, Е. Скочилас, А. Ченчала и др.). При этом американская политика в данном вопросе была освещена не полностью и ограничивалась, как правило, лишь расследованием Конгресса США. Ставшие доступными в последнее время документальные источники, прежде всего польские и американские, позволяют по-новому взглянуть на данную проблему.

Американское руководство и «пропавшие поляки» (1940–1943 гг.). В результате сентябрьской кампании 1939 г. территория Польши оказалась разделенной между четырьмя странами: Германией, СССР, Литвой и Словакией. На территории Советского Союза оказались более 5 млн польскоязычных граждан [31, с. 13]. Войска РККА взяли в плен 250 тыс. польских военнослужащих, из них 11,5 тыс. офицеров. Чины полиции и жандармерии содержались в Осташковском лагере, офицеров сосредоточили в лагерях Старобельск-2 и Козельск-2. Офицеры Львовского гарнизона были заключены в лагерь в Старобельске [2, с. 282].

В советском руководстве существовало несколько точек зрения на то, что делать с военнопленными польской армии. Согласно первой, в Москве понимали временный характер сотрудничества и неизбежность дальнейшего столкновения с Германией, поэтому допускалась возможность использования польских военнослужащих в случае войны с Германией. Вторая точка зрения была обусловлена тем, что антигерманский потенциал польских военнослужащих шел вразрез с секретными договоренностями пакта Молотова – Риббентропа. К тому же Москве требовалось «разгрузить» пенитенциарную систему для финских пленных и репрессированных из прибалтийских республик [5, с. 120–123].

Весной 1940 г. вторая точка зрения стала преобладающей, и «истребление непригодного для воплощения сталинских планов человеческого материала по отработанной репрессивным режимом схеме» было утверждено Москвой. К концу мая 1940 г. 21 857 польских военнослужащих, содержащихся в трех спецлагерях и тюрьмах, были расстреляны. Советское руководство стремилось максимально скрыть следы содеянного, однако полностью сделать это оказалось невозможно: выжили «палачи», некоторые жертвы, а также, как выяснилось, были свидетели из числа местных жителей. Поэтому уже к концу 1940 г. польское подполье и правительство в эмиграции располагали сведениями о трагедии в Катынском лесу, однако ее масштабы на тот момент были им неизвестны. Всё это отяготило урегулирование советско-польских отношений в 1941–1942 гг. и повлияло на дальнейший характер их развития [5, с. 124–125].

В Вашингтоне знали о большом количестве пленных польских военнослужащих и офицеров. В депеше от 2 ноября 1939 г. американский посол в Румынии Ф. Гюнтер сообщал в Госдепартамент, что советские власти приступили к регистрации и высылке вглубь СССР имеющего польского офицерского состава. Прежде всего это касалось контингента «наиболее способного к заговору против господства русских». Польское правительство в эмиграции пробовало через американское руководство обратиться к СССР с целью улучшения положения пленных, однако Москва категорически отказывала Вашингтону в обсуждении данного вопроса [13, pp. 210–211]. Польский Красный крест уже в конце 1940 г. зафиксировал значительное снижение количества писем от польских военнопленных из СССР, вплоть до практически полного прекращения переписки с лагерями в Старобельске, Козельске, Осташкове [12, p. 400].

После нападения Германии на СССР и подписания соглашения Сикорского – Майского, предусматривавшего амнистию всем заключенным полякам на территории Советского Союза и создание польской армии на его территории, остро встал вопрос о количестве пленных поляков, численность которых советское руководство стремилось занизить [13, pp. 242–243]. Польское правительство в эмиграции неоднократно обращалось к руководству СССР с просьбой помочь в освобождении всех пленных, так как не могло досчитаться существенной части офицерского состава, списывая это на то, что советское руководство затягивало амнистию.

В 1980 г. глава американской разведывательной ячейки «Понд» полковник Д. Громбах утверждал, что уже в 1942 г. от своих информаторов он получал сведения о том, что произошло в Катыни [29, p. 153]. Однако эта информация не передавалась широкой огласке ввиду того, что США и СССР были союзниками.

7 февраля 1942 г. секретарь посольства США в СССР Л. Томпсон направил в Госдепартамент меморандум, в котором сообщал о «пропаже» части пленных поляков в СССР. Он отмечал, что пленные были сосредоточены в лагерях, расположенных в Старобельске, Козельске и Осташкове, в количестве более 15 тыс. человек, из них 8,7 тыс. офицеров. Данные поляки, по сообщению дипломата, не вернулись из плена, и место, где они находились, совершенно неизвестно, за исключением 400 или 500 человек, т. е. около 3 % от общего числа военнопленных, содержащихся в этих лагерях. Ликвидация данных лагерей, как сообщал Томпсон, была начата 3 апреля 1940 г. и вскоре завершена. С мая 1940 г. о пленных из данных лагерей больше не поступало «ни одного крика о помощи», и эмигрантское польское правительство «не имело никаких известий о их местонахождении, кроме смутных слухов» [14, pp. 104–105].

2 июня 1942 г. посол США при польском правительстве в изгнании Э. Биддл докладывал в Госдепартамент, что из разговора с польским премьером генералом В. Сикорским ему стало известно, что значительное количество пропавших офицеров, содержащихся в трех лагерях, было вывезено в неизвестном направлении до лета 1940 г., и с тех пор о них ничего не известно. Их число оценивается примерно в 8,3 тыс. человек: 1/3 из них – профессиональные офицеры, и 2/3 офицеры запаса, в том числе около 800 врачей, много университетских профессоров, преподавателей и иных специалистов. Польские военные власти передавали списки данных офицеров Сталину с предложением освободить их, но советское руководство неизменно отвечало, что все имеющиеся в СССР военнопленные уже освобождены. Сикорский подозревал, что данные офицеры могли быть депортированы на острова Франца-Иосифа, к северу от Шпицбергена или в Северо-Восточную Сибирь, на север Якутии или в верховья Колымы. Он опасался, что большинство из пленных умерло от голода, чумы и холода, и предполагал, что остальных еще можно спасти; поэтому он обращался к американскому руководству с просьбой поднять данный вопрос на переговорах в Вашингтоне летом 1942 г. на встрече президента Ф. Рузвельта и наркома иностранных дел СССР В. Молотова. Возможная смерть этих людей, по словам Сикорского, большинство из которых имело высшее образование, стала бы серьезной потерей для Польши. Польский генерал выражал надежду, что «русские смогут поступить в этом вопросе благосклонно» [14, pp. 150–151].

13 июня эта тема была затронута послом Польши в Вашингтоне Я. Цехановским в беседе с государственным секретарем К. Хэллом [14, p. 153–154]. 19 августа 1942 г. К. Хэлл поручил послу США в СССР У. Стэндли поднять вопрос об освобождении «пропавших» 8 тыс. польских офицеров, однако подчеркнул, что Вашингтон не должен вмешиваться в это дело, считая, что оно может нанести ущерб «духу сотрудничества» между странами антигитлеровской коалиции [14, pp. 174–175]. Отдельно жена польского премьера Хелена направила супруге американского президента Элеоноре Рузвельт письмо с просьбой о помощи в этом вопросе, полагая, что «моральный авторитет первой леди Америки сможет помочь, когда все другие уговоры потерпят неудачу» [14, pp. 177–178].

Однако президент Рузвельт в телеграмме послу США при эмигрантском польском правительстве Э. Биддлу указал, что, в условиях общего ухудшения польско-советских отношений, следует ограничить обращение к властям СССР общим предложением по улучшению этих отношений, не перечисляя «слишком много конкретных проблем» [14, pp. 183–184]. У. Стэндли 10 сентября 1942 г. сообщал в Вашингтон, что, беседуя с Молотовым, он несколько раз поднимал деликатную тему о польских военнопленных, но всякий раз натывался на раздражение с его стороны. А когда он дал понять, что США не желают вмешиваться в польско-советские отношения, помощник наркома по иностранным делам С. Лозовский заметил, что «это лучшее, что можно сделать». Сам же Стэндли полагал, что американскому руководству в данном вопросе стоит занять более активную позицию и «подойти к Сталину не в извиняющейся манере, а с твердостью и откровенностью, как к заинтересованной стороне», отметив, что любое ухудшение польско-советских отношений наносит ущерб всей антигитлеровской коалиции и их нормализация «принесет столько же пользы общему делу, сколько большая военная победа». Хэлл, однако, с предложением Стэндли не согласился [14, pp. 183–185].

После эвакуации поляков из СССР в Персию американцы направили туда в качестве офицера связи с армией Андерса своего разведчика, поляка по происхождению Г. Шимански. Тот тщательно расследовал пропажу польских офицеров. Его доклад, представленный в конце апреля – мае 1942 г., был подкреплен британскими данными, а также находками Ю. Чапского, офицера армии Андерса, ответственного за поиск информации о пропавших офицерах. Шимански направил своему руководству достоверную информацию об обращении НКВД с польскими военнопленными, методах допроса, а также об эвакуации трех лагерей весной 1940 г. За свои выводы о виновности СССР в пропаже польских офицеров Шимански заслужил официальный выговор, основной причиной которого был назван систематически «антисоветский характер» его сообщений [25, p. 161]. Тем не менее он планировал посетить СССР, чтобы выяснить все подробности этого дела, однако советская сторона отказала ему во въезде [30, S. 221].

14 апреля 1943 г. советник посольства Польши в США М. Квапишевский сообщил начальнику отдела по европейским делам Госдепартамента Э. Дарброу об обнаружении немцами под Смоленском захоронений с телами приблизительно 10 тыс. польских офицеров, якобы казненных советскими властями в 1940 г. [6, S. 18] Квапишевский отметил, что это сообщение может быть правдивым, и добавил, что независимо от того, что произошло на самом деле, если немцам удастся убедить польскую делегацию, направленную из Варшавы в Смоленск, в том, что польские офицеры действительно были казнены советским руководством, это серьезно повлияет на настрой правительства Польши и польских войск на Ближнем Востоке. Квапишевский указал, что обнародование немцами этой информации именно в данный момент связано с тотальным наступлением советских войск и желанием заручиться поддержкой поляков для ведения активной борьбы против СССР [15, p. 374–375].

17 апреля 1943 г. польский министр национальной обороны генерал-лейтенант М. Кукель по поручению Сикорского заявил о необходимости расследования обнаруженных немцами захоронений польских офицеров, для чего, по его мнению, полякам следовало обратиться в Международный Красный Крест (далее – МКК) [15, pp. 376–379]. Сам Сикорский в беседе с послом США при польском правительстве выразил обеспокоенность по поводу растущей враждебности польских военных по отношению к СССР, которая, и до известий о расстреле в Катыни, усилилась в связи с декларированным в январе 1943 г. намерением Москвы сохранить границу по «линии Риббентропа – Молотова» и навязыванием польским гражданам, насильственно депортированным в Советский Союз, советского гражданства. По словам Сикорского, заявление Германии подтверждалось информацией, полученной польской разведкой. Фактически на основании этих сообщений он и его соратники пришли к выводу, что советские власти «убили» польских офицеров во время разгрома Франции, полагая, что Германия близка к победе. Кроме того, Сикорский отметил готовность британского премьера оказать содействие в переговорах с Москвой и выразил надежду на такую же помощь со стороны Вашингтона [15, pp. 379–380].

Посол США в Швейцарии Л. Харрисон докладывал в Госдепартамент, что предание гласности катынской трагедии не только ухудшает польско-советские отношения, но и негативно влияет на репутацию Вашингтона, который, по мнению мировой общественности, отдает Европу под советский контроль. Кроме того, как считал Харрисон, это усиливает позиции антисоветских кругов в самих США [15, p. 382]. Официально же Вашингтон никак не прокомментировал обнаружение массовых захоронений в Катыни, что активно критиковалось в герман-

ской прессе [10, р. 991]. Американская пресса занимала нейтральную позицию, больше осуждая попытки польского эмигрантского правительства добиться независимого расследования преступления в Катыни посредством МКК [11, р. 385].

26 апреля 1943 г. Э. Дарброу отмечал: в британском посольстве в Москве полагают, что разрыв отношений с польским эмигрантским правительством нужен СССР для сокрытия своей ответственности за расстрел польских офицеров. В этот же день президент США Ф. Рузвельт в послании И. Сталину выразил надежду на то, что советское руководство ограничится лишь приостановкой отношений с польским эмигрантским правительством, но не их разрывом. Американский президент обещал, что совместно с британским правительством он попытается заставить польское руководство действовать «благоразумно» и не допускать больше «ошибок». Кроме того, Рузвельт подчеркнул, что в Соединенных Штатах проживает несколько миллионов поляков, многие из которых служат на флоте и в армии, и полный разрыв дипломатических отношений будет иметь негативные последствия для внутренней стабильности американского общества [15, pp. 395–396].

27 апреля 1943 г. Биддл сообщал в Госдепартамент, что СССР потребовал от Сикорского публичного опровержения немецких обвинений в расстреле польских офицеров. Сикорский ответил, что не может выполнить это условие, так как польская разведка знала об этом еще до заявлений Германии, но может повлиять на польскую прессу с целью снижения градуса обвинений Москвы. Кроме того, он сообщил о готовности отказаться от международного расследования и о намерении укреплять общий фронт в рамках антигитлеровской коалиции. В любом случае, по мнению Сикорского, советский демарш с разрывом дипломатических отношений был нацелен как минимум на то, чтобы заставить нынешнее польское правительство заплатить более высокую цену за их возобновление или использовать выгодный повод для давно вынашиваемой идеи разрыва с эмигрантским польским правительством для создания ему альтернативы из просоветски настроенных поляков [15, pp. 398–400]. Биддл считал, что СССР давно готовил такой разрыв, и Катынский расстрел стал лишь поводом для этого [15, р. 405].

Общественность Соединенных Штатов слабо реагировала на сообщения прессы о событиях в Катыни, озабоченная больше войной с Японией. В Конгрессе «не было ни волнения, ни тревоги по поводу массового расстрела». За весь период с апреля 1943 г. по июль 1944 г. по поводу Катыни была сделана только одна запись в отчете Конгресса – запрос сенатора Б. Уиллера (демократ, шт. Монтана) по поводу публикации в газете Washington Times-Herald от 29 апреля 1943 г., в которой говорилось, что Советский Союз, возможно, не совершал расстрелов в Катыни, но «наверняка убил всех польских офицеров и аристократов, которые попали к нему в руки после вторжения в Польшу осенью 1939 г.» [30, S. 217].

С этого же времени власти США начали оказывать давление на сотрудников радиостанций, прежде всего польских, с целью ограничения комментариев любых новостей, касающихся событий в Катыни. Были случаи отстранения польских журналистов от работы. Американское руководство опасалось ослабления сотрудничества с СССР в случае негативной реакции польской диаспоры в США [22, р. 8; 25, р. 161]. Основания для этого были: после известий о Катыни польскоязычная пресса начала «безудержную кампанию по осуждению как советских властей, так и русской культуры в целом». Националистические и консервативные круги Польши представляли Польшу цивилизованным католическим оплотом защиты Европы от «русских монголов и татар» [25, р. 160]. В таком ключе, например, была выдержана вышедшая в начале 1944 г. в нью-йоркском Nowy świat серия публикаций, посвященных Катыни [9, pp. 550–554].

Рузвельт и первые попытки расследования Катынского преступления (1943–1945 гг.).

В списке приоритетов Рузвельта катынский вопрос не занимал высокого места, но главным приоритетом. Советский Союз вносил решающий вклад в европейскую войну против Германии, и этот аргумент перевешивал все другие соображения. Кроме того, в США полным ходом велась работа по планированию послевоенного мироустройства. Советскому Союзу в этих планах отводилось важное место. Президент США рассчитывал на сотрудничество Сталина в деле послевоенного урегулирования, в том числе и в рамках предложенной им новой международной организации. Он допускал, что советский лидер к исходу войны сможет согласиться на признание за освобожденными народами Восточной Европы права на демократический выбор формы государственного устройства, свободной от имперского контроля Москвы [4, с. 35; 25, р. 159]. Поэтому, несмотря на осведомленность о событиях в Катыни, администрация Рузвельта предприняла меры для сокрытия этой информации и предотвращения ее распространения [25, р. 160].

В сентябре 1943 г. руководство США через своего посла обратилось к правительству Швейцарии с просьбой сообщать любую информацию о катынском расстреле, которая поступит в его распоряжение [15, р. 460–461]. Поступавшая информация, как правило, подтверждала результаты немецкого расследования.

В январе 1944 г. в Вашингтоне стали известны результаты расследования, проведенного советской комиссией Бурденко, возложившей ответственность на немцев [16, pp. 1238–1139]. Москва решила представить подготовленное НКВД «место преступления» группе иностранных журналистов. В состав группы входили 11 американцев, среди которых была дочь посла США в Москве А. Гарримана Кэтлин и сотрудник американского посольства Д. Мелби. Из посещения Катыни они вынесли смешанные впечатления. Позднее Кэтлин Гарриман скажет: «...Русские устроили для нас шоу, а их речи были отрепетированы... показания свидетелей, которые представила нам комиссия, были выверены до мельчайших деталей, но, по американским меркам, неубедительны. От нас ожидали, что мы поверим заявлениям высших советских официальных лиц только потому, что нам сказали, что они заслуживают доверия». Мелби, в свою очередь, вспоминал, что «доказательства в пользу российской версии... были плохо подобраны, и все шоу было устроено только для нас, без возможности независимого расследования или пересмотра». Тем не менее и Кэтлин Гарриман, и Мелби подтвердили выводы комиссии. На этом основании А. Гарриман отправил в Госдепартамент отчет, в котором было сказано, что «поляков убили немцы». По поводу этого вывода конгрессмен Э. О'Конски позднее скажет: «Когда я прочитал ваш доклад, а я действительно читал его по крайней мере десять раз, то увидел, что в нем содержится больше аргументов в пользу вины русских, чем в пользу вины немцев. Я не могу понять, как вы пришли к такому выводу» [30, S. 281–284].

В 1944 г. эмиссар США на Балканах Д. Эрл по поручению Рузвельта собирал информацию о Катынском расстреле, используя для этого свои контакты в Болгарии и Румынии, и пришел к выводу о виновности Советского Союза. Проконсультировавшись с директором Управления военной информации Э. Дэвисом, Рузвельт заявил, что он убежден в ответственности нацистской Германии, отверг заключение Эрла и приказал скрыть сам отчет. В конце марта 1945 г. Эрл написал Рузвельту, что хочет выступить в печати со своим отчетом о Катыни. Президент ответил, что не может допустить распространения подобного «неблагоприятного мнения» о союзнике и тем самым нанести «непоправимый ущерб» совместным военным усилиям. Он официально запретил ему выступать перед общественностью по поводу Катыни. Эрл в тот момент находился на дипломатической службе, он подчинился главе Белого дома [29, р. 174].

На то, что ответственность за Катынь несут советские власти, указывали сообщения корпуса контрразведки США, донесения подполковника Г. Шимански, офицера связи США с армией Андерса на Ближнем Востоке, который получил материалы о Катыни от польских офицеров, интернированных в СССР в 1939 г., в том числе Ю. Чапского, бывшего уполномоченным по розыску пропавших на советской территории поляков. Однако данные материалы также были отвергнуты администрацией Рузвельта «из-за их предвзятости» [29, pp. 172–173].

Секретный доклад полковника Д. Ван Влита, 1945 г. К концу 1944 г. катынский вопрос стал подниматься некоторыми представителями американской Полонии. Национальный конгресс американцев польского происхождения, выделявшийся из общего ряда польско-американских организаций самостоятельностью, радикальностью и выраженными антисоветскими взглядами, опубликовал брошюру на сорока восьми страницах, «не оставлявшую сомнений в том, на ком лежит вина». Примерно в то же время девять польско-американских конгрессменов запросили у Военного министерства США документы по Катынскому делу. Однако политикам сообщили, что запрос отклонен из-за того, что документы засекречены [26, р. 35].

22 мая 1945 г. из Европы в Вашингтон прибыл американский пехотный офицер полковник Д. Ван Влит и сообщил генерал-майору К. Бисселлу, помощнику начальника штаба сухопутных войск, отвечающему за армейскую разведку, важную информацию о Катыни. В частности, он сообщил, что в мае 1943 г. вместе с капитаном американских войск Д. Стюартом, будучи немецким военнопленным, он был доставлен нацистами на место массового захоронения под Смоленском. Было очевидно, что, доставив их, а также британских офицеров на место захоронений, нацисты надеялись укрепить доверие к своим обвинениям советских властей в расправе над поляками. В отчете, подготовленном по приказу генерала Бисселла, Ван Влит описал свои наблюдения и сделал вывод, что, по его убеждению, польские офицеры были убиты советскими властями [22, pp. 5–6].

Генерал Бисселл сразу же пометил доклад как «Совершенно секретный». Он был составлен в единственном экземпляре. Полковнику Ван Влиту было приказано сохранять содержа-

шиеся в нем сведения в строжайшей тайне. Тем не менее этот документ исчез из архивов армейской разведки. Считается, что это произошло в результате действий просоветски настроенных сотрудников, занимавшихся сокрытием любой антисоветской информации [22, pp. 7–8].

Американская позиция по катынскому преступлению на Нюрнбергском процессе.

Летом 1945 г. на конференции в Лондоне союзники по антигитлеровской коалиции договорились о проведении нюрнбергского трибунала для суда над нацистами за преступления против человечности [25, p. 140]. Предварительно державы-победительницы договорились, что каждая сторона представит список вопросов, которые не должны быть предметом судебных слушаний. Пакт Молотова – Риббентропа, обстоятельства вхождения прибалтийских государств в состав СССР и польско-советские отношения были внесены Москвой в перечень табуированных тем. Катынь оказалась в списке пожеланий СССР как преступление, совершенное немцами. Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексон позже признал, что Министерство юстиции Соединенных Штатов дало ему указание «как можно меньше распространяться о катынском деле» [26, pp. 155–156].

За сбор данных по преступлениям в Восточной Европе отвечал СССР, поэтому катынский вопрос входил в компетенцию советской стороны. Обвинение Москвы строилось на заключении комиссии Бурденко о том, что в сентябре 1941 г. в Катыни немцы убили 11 тыс. польских военнопленных офицеров [25, p. 140]. События в Катыни советской стороной были внесены в первоначальное обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала [24], проходившего с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г. В Москве рассчитывали, что, согласно 21-й статье Международного военного трибунала (МВТ), позволявшей принимать документы комиссий для расследования военных преступлений без доказательств [3], выводы советской стороны будут приняты автоматически. Однако помощник главного обвинителя на Нюрнбергском процессе от США Т. Тейлор в преддверии судебного разбирательства неоднократно встречался с военнослужащими армии Андерса и консультировался с ними по Катынскому делу [29, p. 157].

Консультант другого заместителя главного обвинителя США У. Донована² Фабиан фон Шлабрендорф³ осенью 1945 г. также сообщал, что немцы не имеют отношения к преступлению в Катыни. Шлабрендорф пользовался доверием у группы американских обвинителей благодаря своей активной антинацистской позиции и был хорошо знаком с ситуацией, так как он сам и его двоюродный брат генерал Р.-К. фон Герсдорф лично участвовали в эксгумации погибших поляков в 1943 г. В докладе Доновану Шлабрендорф отмечал: «Я сам в это время находился в Катыни и был очевидцем обнаружения могил польских офицеров. Нет никаких сомнений в том, что польские офицеры были захвачены в плен и расстреляны русскими. Этот неоспоримый факт известен не только тысячам бывших немецких солдат и офицеров, но и польским священникам, английским офицерам и врачам-негерманцам в европейских странах. Демократические государства поставили бы под угрозу свое правое дело, опубликовав ложное обвинение» [29, pp. 162–163].

Позже Шлабрендорф описал реакцию Донована на это сообщение: «Его лицо покраснело, потому что он внезапно осознал, что невозможно возложить вину на немцев, как того хотели русские. Если бы это было сделано, обвинители действовали бы как преступники». Донован уговорил своего непосредственного руководителя главного обвинителя от США Р. Джексона встретиться со Шлабрендорфом и другими представителями антинацистского сопротивления. По итогам встречи Джексон отказался поддержать советскую позицию по Катыни [29, pp. 164–165].

12 марта 1946 г. по настоянию защиты Г. Геринга, которому инкриминировались преступления против военнопленных, МВТ⁴ тремя голосами «за» (представитель СССР отказался голосовать) удовлетворил ходатайство защиты о вызове в суд свидетелей, которые, как считали Донован и Джексон, должны были заявить, что это «убийство было совершено русскими» [29,

² У. Донован в 1942–1945 гг. был директором Управления стратегических служб (УСС), на Нюрнбергском процессе исполнял обязанности помощника главного обвинителя от США Р. Джексона.

³ Ф. фон Шлабрендорф – обер-лейтенант вермахта, участник сопротивления нацистам, организатор нескольких заговоров против А. Гитлера. На Нюрнбергском процессе консультант американской делегации.

⁴ В состав суда входили четыре судьи: Ф. Биддл (США), Д. Лоуренс (Великобритания), А. Доннедьё де Вабр (Франция) и И. Никитченко (СССР).

р. 164]. Советская сторона настаивала на противоречии данного решения статье 21 устава МВТ, однако судья Ф. Биддл сослался на то, что подобная интерпретация противоречит статье 19 устава МВТ, дававшей возможность принимать любые доказательства, и лишает смысла деятельность МВТ как судебной инстанции. Представители Великобритании и Франции поддержали Биддла [20, pp. 53–54]. В конфиденциальных беседах члены британской и американской делегаций пытались убедить главного обвинителя от СССР Р. Руденко в том, что обвинение немцев в Катынском преступлении должно быть снято, однако Руденко настаивал на позиции, заранее разработанной заместителем наркома иностранных дел СССР А. Вышинским и утвержденной лично И. Сталиным [29, p. 157].

Главный советский обвинитель просил МВТ отменить решение, обвинив суд в неисполнении своих обязанностей и совершении грубой ошибки. Биддл заявил, что подобное отношение к суду является «вызывающим и непристойным» и что в США советского представителя сразу «отправили бы в тюрьму» за неуважение и оскорбление судей. Биддл предложил зачитать соответствующее заявление на открытом судебном заседании, «прежде чем генерал Руденко будет арестован». Это заставило советскую сторону пойти на компромисс и согласиться на вызов свидетелей, по трое человек с каждой стороны [29, p. 165].

Поскольку советские обвинения строились вокруг версии об участии в расстреле немецкого 537-го полка связи, то защита вызвала свидетелями командира полка Ф. Аренса, его подчиненного лейтенанта Р. Фон Эйхборна и командующего связью в группе армий «Центр» генерал-лейтенанта Ю. Оберхаузера [21, pp. 231–232]. Все свидетели отметили, что войска связи не участвовали в боях и не могли иметь отношение к расстрелам. Все свидетели советской стороны пытались подтвердить версию комиссии Бурденко, но по ходу прений несколько раз меняли свою позицию. После допроса свидетелей адвокат защиты О. Штамер представил документацию о событиях в Катыни, полученную от бывшего польского офицера, который прибыл в Нюрнберг по поручению генерала Андерса. Руденко попытался исключить из рассмотрения документы, назвав их «фашистскими памфлетами» и потребовав их конфискации судом. Но МВТ включил их в официальную документацию судебного процесса. Опрос свидетелей и, предположительно, польская документация в конечном итоге привели американскую делегацию к убеждению, что советская версия не выдерживает критики. В итоге США добились от суда снятия с немцев обвинений в преступлении в Катыни. В окончательном приговоре катынский эпизод отсутствует [29, pp. 168–170]. Результаты судебного разбирательства в Нюрнберге, тем не менее, достоянием гласности не стали.

Американская Полония и распространение информации о событиях в Катыни. В первые послевоенные годы любая информация о Катынской трагедии неофициально табуировалась и Госдепартамент пресекал утечки сведений по этой теме. Телекомпания «Голос Америки», например, не сообщала о Катыни в своей программе на польском языке, а книга С. Миколайчика «Насилие над Польшей» звучала в эфире без соответствующих фрагментов. Ю. Чапского приглашали для интервью о службе офицером польских войск под командованием союзников, но только при условии, что он не будет упоминать Катынь [29, p. 176]. Тем не менее сбором информации о Катыни в это время уже занимался корпус контрразведки США, который опрашивал свидетелей, включая немецких военных, и уже в 1948 г. подготовил по этому поводу отчет [29, pp. 176–177].

В это время в основном представители польской диаспоры в США в прессе и в выступлениях на своих собраниях поддерживали катынский дискурс. Полония организовала сбор финансовых средств, направленных на придание огласке подробностей Катынского дела. С этой целью распространялись многотысячные тиражи пропагандистских материалов и проводились еженедельные собрания. Американцы польского происхождения обращались с протестами и резолюциями в Белый дом, к представителям Госдепартамента и Конгресса [1, с. 114]. Кроме того, к 1948 г. были опубликованы воспоминания людей, которые играли значительные роли в польской истории, в том числе посла польского эмигрантского правительства в Вашингтоне Я. Цехановского, лидера польской оппозиции С. Миколайчика и посла США в Польше в 1945–1947 гг. А. Б. Лейна. В их мемуарах события в Катынском лесу рассматривались как ключевой элемент в системе доказательств существования советских планов по установлению контроля над Польшей [26, p. 39]. В крупных польскоязычных газетах: *Dziennik Polski* в Детройте, *Dziennik Związkowy* в Чикаго и *Gwiazda Polarna* в Висконсине – стали появляться статьи, посвященные Катыни [29, p. 40]. В марте 1948 г. серия таких публикаций вышла в ведущей польско-американской газете того времени *Nowy Świat* однако ввиду того, что

они вышли на польском языке, резонансными они стали преимущественно для Полонии, а не для американской аудитории в целом.

С этого же времени крупнейшая организация американцев польского происхождения (Польско-американский конгресс, ПАК) начала добиваться расследования Катынской трагедии. 13 апреля 1949 г. президент ПАК Ч. Розмарек направил телеграмму послу США в ООН У. Остину, попросив его поднять вопрос о Катыни и «потребовать немедленного и беспристрастного расследования одного из самых отвратительных преступлений в мире». Однако эта идея не увенчалась успехом [21, р. 235].

По мере смещения внешнеполитического курса США в сторону более выраженной конфронтационности по отношению к СССР в американском обществе активизировался антисоветский дискурс, и тема Катыни становилась более востребованной и менее запретной. В июле 1949 г. американский корреспондент Д. Эпштейн опубликовал несколько статей в *Herald Tribune* и немецком еженедельнике *Die Zeit* о массовом убийстве в Катыни, обвинив власти США в «заговоре молчания». Эпштейн во время войны работал в Управлении военной информации и уже в то время заинтересовался этой историей, но не писал о ней из-за политики правительства. Теперь же он призвал к созданию специального комитета по расследованию подлинных обстоятельств катынского дела. По просьбе конгрессмена Д. Дондеро (дем., Мичиган) одна из статей Эпштейна была включена в отчет Конгресса. Вскоре после этого конгрессмен Р. Мэдден (дем., Индиана) выступил на заседании ПАК 18 сентября 1949 г. в Гэри, штат Индиана, на котором единогласно была принята резолюция, в которой содержалось требование к советскому правительству согласиться на проведение расследования МКК для представления результатов международному трибуналу [27, р. 13].

29 сентября 1949 г. Мэдден внес резолюцию ПАК на рассмотрение Палаты представителей Конгресса США, но обнаружил, что большинство его коллег-конгрессменов ничего не слышали о Катынском деле. Когда Эпштейн обратился в Госдепартамент с предложением написать программу о Катыни для «Голоса Америки», ему сказали, что Госдепартамент в этом не заинтересован, поскольку Катынь «вызовет слишком сильную ненависть к Сталину среди поляков и руководство радиостанции не получило разрешение из Вашингтона на использование материалов о Катыни». Тогда Эпштейну пришла в голову идея создать частный комитет из выдающихся американцев для расследования Катыни, для чего он обратился к А. Лейну, бывшему послу США в Польше, который приветствовал эту идею и вместе с Эпштейном учредил Американский комитет по расследованию Катынского расстрела. Лейн стал его президентом, а Эпштейн – исполнительным секретарем. Кроме того, в его состав вошли У. Донован, будущий глава ЦРУ А. Даллес, бывший член Палаты представителей США от штата Коннектикут К. Люс, журналистка Д. Томпсон и президент ПАК Ч. Розмарек [21, pp. 235–236].

Лейн обращался с письмом к А. Вышинскому, в котором задал вопросы о Катыни и пропавших офицерах из Осташковского и Старобельского лагерей, но не получил ответа. Впрочем, правительство США также игнорировало запросы комитета [29, pp. 176–177].

Госдепартамент в целом крайне холодно отнесся к созданию комитета 21 ноября 1949 г. в Нью-Йорке, направив своего представителя, но отказавшись транслировать ход заседания. Налоговая служба также не проявила готовности к сотрудничеству, отказавшись предоставить комитету статус, освобождающий от уплаты налогов, на том основании, что деятельность организации «не имела образовательной ценности». Однако комитет Лейна подготовил почву для более активных действий [21, р. 236].

Интерес к этой теме в американском обществе возрос после вступления США в Корейскую войну во главе коалиции ООН, когда сообщения об убийстве американских военнопленных северокорейскими и китайскими властями попали в заголовки газет. На этом фоне Эпштейн попытался привлечь внимание средств массовой информации к теме Катыни. Он отмечал, что американских военнопленных убивали таким же способом, как поляков в Катыни: выстрелами в затылок [8, р. 178; 29, pp. 178–179].

Тогда же Эпштейн узнал, что американский подполковник Д. Ван Влит и другие американские и британские офицеры были доставлены немцами в Катынь в качестве свидетелей. Однако отчет Ван Влита не был внесен ни в один официальный реестр и, по-видимому, бесследно исчез. Эпштейн пришел к выводу, что информация о Катыни систематически скрывалась руководством США от американской общественности. Он написал небольшую брошюру, которая была опубликована одним католическим издательством под названием «Тайны доклада Ван Влита». В ней содержались обвинения высших должностных лиц администрации

Рузвельта в том, что в своей борьбе с Гитлером они закрывали глаза на преступный характер сталинского режима [29, p. 179].

Расследование катынского преступления в Конгрессе США. 26 июня 1951 г. конгрессмен Т. Шихан (респ., Иллинойс), обещавший содействовать расследованию событий в Катыни своим польско-американским избирателям, внес в Палату представителей проект резолюции 282 [19, s. 302], в которой содержался призыв к созданию специального комитета из тринадцати членов нижней палаты Конгресса, назначаемых спикером, для проведения полного расследования событий в Катыни. Его резолюция на некоторое время застряла в Комитете по регламенту, но позже все же была принята благодаря тысячам писем американцев польского происхождения и усилиям другого члена Палаты представителей – демократа Р. Мэддена из Индианы, где многочисленная польская диаспора также пользовалась значительным влиянием. Благодаря усилиям Мэддена удалось снять информационную блокаду вокруг Катынского дела [29, p. 179], и 18 сентября 1951 г. Палата представителей приняла резолюцию о создании специального комитета для проведения полного и исчерпывающего расследования гибели офицеров польской армии и других лидеров в Катынском лесу под Смоленском весной 1940 г. В состав комиссии вошли: сам Мэдден (председатель комиссии), Д. Флуд (дем., Пенсильвания), Ф. Фурколо (дем., Массачусетс), Т. Махрович (дем., Мичиган), Д. Дондеро (респ., Мичиган), Э. О'Конски (респ., Висконсин) и Т. Шихан (респ., Иллинойс). Комитет также назначил Д. Митчелла в качестве адвоката, Р. Пучински в качестве следователя и Б. Бук в качестве секретаря [23, p. 1]. Двое конгрессменов (Махрович и О'Конски), входивших в состав комиссии, имели польское происхождение и говорили по-польски [29, p. 179]. Все члены комитета представляли штаты с высоким процентом американцев польского происхождения [25, p. 142].

Расследование было разделено на два этапа: на первом было намечено выяснить, власти какого государства виновны в массовом убийстве; на втором – установить, были ли какие-либо американские официальные лица ответственны за сокрытие фактов массового убийства от американского народа [22, p. 2].

С 1 октября 1951 г. по 14 ноября 1952 г. комитет допросил в общей сложности 81 свидетеля и совершил поездки из Вашингтона в Чикаго, Лондон, Берлин, Франкфурт и Неаполь. В результате расследования были собраны и изучены копии документов, фотографии, более 100 письменных заявлений. Мэдден обращался к правительствам в Варшаве и Москве с просьбой предоставить материалы и ответы на вопросы о Катыни. МИД Польши проинформировал Мэддена о том, что они не намерены возвращаться к этому вопросу, который уже был окончательно решен. Москва же ограничилась тем, что направила в советское посольство в Вашингтоне доклад комиссии Бурденко без дальнейших объяснений [29, pp. 180–181].

Первым свидетелем, заслушанным комитетом, был подполковник Д. Стюарт, позднее были заслушаны показания Ван Влита, Г. Шимански, У. Стэндли и Д. Эрла, а также представителей американской прессы, присутствовавших при работе комиссии Бурденко. Показания также дали В. Андерс, Ю. Чапский, бывший генеральный секретарь польского Красного Креста К. Скаржинский, а также несколько «зашифрованных» свидетелей, выступавших на заседаниях в масках, опасаясь за жизнь своих родственников в ПНР.

Американские конгрессмены придавали особое значение заключению Международной медицинской комиссии, работавшей под эгидой Германии. На момент расследования три ее члена: словак Ф. Шубик, чех Ф. Гаек и болгарин М. Марков – проживали в прокоммунистических странах. Они дистанцировались от немецкого доклада о Катыни 1943 г. Комитет Мэддена пригласил Гаека и Маркова на слушания по почте, но письма до адресатов не дошли. Голландец Г. де Бурле, как бывший нацистский активист, приглашен не был. Бельгийца Р. Спелерса и финна А. Саксена уже не было в живых. Швейцарский судебно-медицинский эксперт Ф. Навиль, венгр Ф. Орсош, датчанин Х. Трамсен, итальянец В. Пальмиери, гражданин США хорватского происхождения Э. Милославич и румын А. Биркле также предстали перед Комитетом. Все они подтвердили, что их окончательный отчет был подготовлен без вмешательства и давления со стороны немцев. Милославич произвел сенсацию во время своего допроса, когда продемонстрировал члену комитета технику казни, применяемую НКВД, подобную той, которую описывали в своих показаниях анонимные свидетели-поляки. Тот факт, что болгарин Марко Марков не сомневался по поводу виновности советской стороны, был подтвержден Р.-К. фон Герсдорфом, который как штабной офицер группы армий «Центр» в 1943 г. находился в Смоленске и лично общался с Марковым [29, pp. 187–188].

В своих выводах комитет единогласно пришел к выводу, что НКВД СССР ответственен за совершение массовых казней польских офицеров и интеллигенции в Катынском лесу. В выво-

дах доклада содержится резкая критика Рузвельта и его советников по внешней политике за то, что они проигнорировали многочисленные документы, которые убедительно указывали на «советское вероломство» [29, р. 191]. Комитет также рекомендовал создать международный трибунал для расследования массовых казней, где бы они ни происходили. Комитет отметил сходство между судьбой польских офицеров в Катыни и возможной судьбой солдат ООН, захваченных в Корее [18, pp. 973–974].

Международный резонанс американского расследования по Катыни. Вердикт комитета Конгресса по Катыни вызвал ликование Полонии. В радиопередачах видные политики из обеих основных партий выступали за свободу Польши и продолжали осуждать русских. Каждый крупный польско-американский центр в стране стал местом проведения поминальных служб в память о жертвах НКВД, на которых зрителям часто показывали немецкие фильмы о месте экзгумации. Все тридцать пять отделений ПАК одновременно проводили кампанию по сбору подписей, призывающих ООН передать катынское дело на рассмотрение Международного суда. Розмарек в многочисленных выступлениях ратовал за разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом и восточноевропейскими режимами [28, р. 422].

22 мая 1952 г. посол США в СССР Д. Кеннан сообщал в Вашингтон, что катынская тема, очевидно, является предметом патологической чувствительности в Москве и есть основания подозревать, что она связана с конфузами чрезвычайно деликатного внутривластного характера. «Возобновление этого вопроса комитетом Конгресса в нашей стране этой зимой явно уязвило Кремль в самое больное место». Он предсказал, что в ответ на предпринятое в США расследование СССР «бросится в атаку и выдвинет встречные обвинения» [18, pp. 973–974]. Действительно, 16 июня 1952 г. посол СССР в США А. Панюшкин в разговоре с представителем управления Госдепартамента по Восточной Европе У. Барбуrom, говоря об антисоветских кампаниях в американской прессе, особо упомянул «усилия, предпринимаемые некоторыми конгрессменами, чтобы возложить вину за “гитлеровскую катынскую резню” на Советы» [18, pp. 985–986].

7 июля 1952 г. Госдепартамент инструктировал американскую миссию при ООН относительно заседаний седьмой сессии Генеральной ассамблеи ООН и упоминал, что в рамках антисоветской кампании, как один из вариантов, можно поднять вопрос о катынском деле [17, р. 12]. Немногом ранее член Палаты представителей от штата Массачусетс и лидер большинства в Конгрессе США Д. Маккормак (дем.) 12 мая 1952 г. в сообщении главе ЦРУ говорил о широком пропагандистском успехе за рубежом у расследования комитета и интересовался, нельзя ли создать подобные комитеты по другим резонансным случаям для успешного ведения «психологической войны» [7]. Однако 24 сентября 1952 г. в Белом доме было решено не поднимать данный вопрос на заседании ООН [17, р. 30].

10 февраля 1953 г. отчет о слушаниях Комитета был передан Генеральному секретарю ООН Т. Ли [18, pp. 973–974], после чего документ был направлен в архив. Победивший на президентских выборах республиканец Д. Эйзенхауэр решил не привлекать внимания ООН к Катыни: в начале марта ушел из жизни И. В. Сталин, после чего наметились подвижки в деле прекращения войны в Корее, и новая администрация избегала шагов, которые Кремль мог бы воспринять как провокацию. Занявший пост государственного секретаря Д. Даллес, являвшийся одним из инициаторов расследования катынского дела, теперь придерживался этой линии. Таким образом, тема Катыни перестала быть актуальной и ушла из политической повестки Вашингтона и из заголовков СМИ [29, pp. 192–193].

Заключение. Таким образом, американская позиция в отношении событий в Катыни в 1943–1953 гг. носила прагматичный характер. Ее эволюцию можно разделить на несколько этапов. На первом этапе (1943–1945 гг.) американское руководство, заинтересованное в сохранении союзнических отношений с СССР, игнорировало имеющиеся уже с 1942 г. сведения о причастности советского руководства к исчезновению польских офицеров, взятых в плен РККА в 1939 г., подавляло распространение данной информации в американском обществе. На втором этапе (1945–1949 гг.), после смерти президента Рузвельта, окончания Второй мировой войны и появления первых признаков биполярного противостояния, табуирование данной темы постепенно было ослаблено. Важными элементами данного этапа были противодействие американской стороны советским попыткам официально на международном уровне переложить ответственность за Катынь на немцев на Нюрнбергском процессе, а также активизация деятельности американской Полонии и ряда американских общественных активистов и политиков с целью распространения информации о событиях в Катыни. Кульминацией данного этапа становится создание в конце 1949 г. Американского комитета по расследова-

нию катынского дела. Начало Корейской войны способствовало наступлению третьего этапа (1950–1953 гг.) в американской политике в отношении Катыни, апогеем которого стало формирование специального комитета Конгресса США по расследованию событий в Катыни с вовлечением широких слоев американского общества в обсуждение данной проблемы.

Расследование проходило в преддверии избирательной кампании 1952 г. Республиканцы активно использовали замалчивание администрацией Рузвельта известных фактов о событиях в катынском лесу, в том числе и для того, чтобы привлечь на свою сторону избирателей – этнических выходцев из Восточной Европы от демократов.

Администрация Эйзенхауэра, хорошо знакомая с историческим контекстом катынского дела, предпочла не заострять внимание на этой проблеме. На катынской трагедии в течение нескольких последующих десятилетий продолжала лежать печать недосказанности. Неоднократно в США пытались воспользоваться этим обстоятельством для ведения психологической войны против СССР в рамках биполярного противостояния. Только с окончанием холодной войны и признанием руководством СССР/России ответственности за действия НКВД в отношении польских военнопленных весной 1940 г. для американского руководства была окончательно снята всякая актуальность в этом вопросе.

Список литературы

1. Немчанинов Д. Г. Советизация Польши: восприятие и политика США, 1945–1949 гг. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 6. С. 106–122.
2. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2012. 952 с.
3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.). URL: http://ww2.kulichki.net/ustav_tribunal.htm (дата обращения: 21.04.2024).
4. Юнгблуд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб. : Образование, 1996. 221 с.
5. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. : РОССПЭН, 2009. 517 с.
6. Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle. Berlin : Zentralverlag der NSDAP, 1943. 331 S.
7. Archive CIA. General CIA records. Use of Congressional Committees for propaganda purposes. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp91-00682r000300100020-9> (дата обращения: 25.04.2024).
8. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Stanisława Mikołajczyka. Subject file, 1941–1963. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2109883> (дата обращения: 25.04.2024).
9. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Władysława Andersa. Materials Filed by Document Number. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2110947?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=3&_jednostka_id_jednostki=2110947 (дата обращения: 26.04.2024).
10. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1939–1943. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104288?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=5&_jednostka_id_jednostki=2104288 (дата обращения: 25.04.2024).
11. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1941–1944. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104285?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=2&_jednostka_id_jednostki=2104285 (дата обращения: 26.04.2024).
12. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1943–1944. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104292?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=2&_jednostka_id_jednostki=2104292 (дата обращения: 25.04.2024).
13. FRUS (Foreign Relations of United States). Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.
14. FRUS. 1942. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1961. 844 p.
15. FRUS. 1943. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1963. 1125 p.
16. FRUS. 1944. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1965. 1446 p.
17. FRUS. 1952–1954. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1979. 1581 p.
18. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1988. 1435 p.
19. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. Rząd Polski na Emigracji. Komunikaty Polskiej Agencji Telegraficznej: orędzia, oświadczenia i odezwy Rządu RP, przemówienia Prezydenta RP, premiera i ministrów. URL: <https://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nar=701&nrzesp=9&sygn=12&handle=701.180/930&seria=0> (дата обращения: 25.04.2024).
20. International Military Tribunal. Nuremberg Archives. H-2786. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/gk247nn1558/gk247nn1558.pdf#page=53> (дата обращения: 21.04.2024).
21. Katyn: A Crime Without Punishment / eds. by A. Cienciala, N. Lebedeva, W. Materski. New Haven ; London : Yale University Press, 2007. 624 p.
22. Katyn Forest Massacre. Final Report. Washington : United States Government Printing Office, 1952. 49 p.

23. Katyn Forest Massacre. Interim Report. Washington : United States Government printing office, 1952. 31 p.
24. Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 1. Indictment: Count Three – War Crimes. VIII. Statement of the Offence. URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/count3.asp> (дата обращения: 21.04.2024).
25. Stanford G. Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, justice and memory. London : Routledge, 2009. 266 p.
26. Szymczak R. A Matter of Honor: Polonia and the Congressional Investigation of the Katyn Forest Massacre // Polish American Studies. 1984. № 1. Pp. 25–65.
27. Szymczak R. Cold War Crusader: Arthur Bliss Lane and the Private Committee to Investigate the Katyn Massacre, 1949–1952. Polish American Studies. 2010. № 2. Pp. 5–33.
28. Szymczak R. The vindication of memory: The Katyn case in the West, Poland and Russia, 1952–2008. The Polish Review. 2008. № 4. Pp. 419–443.
29. Urban T. The Katyn Massacre 1940: History of a Crime. Barnsley, South Yorkshire : Pen and Sword Military, 2020. 296 p.
30. Weber C. Krieg der Täter. Die Massenerschießungen von Katyn. Hamburg : Hamburger Edition, 2015. 471 S.
31. Wnuk R. Za pierwszego Sowietu. Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej i Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 463 s.

Katyn in the assessments and policies of the American leadership (1940–1953)

Nemchaninov Daniil Grigorievich

PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Humanities and Social Sciences, Kirov State Medical University. Russia, Kirov. ResearcherID: AHB-7155-2022. ORCID: 0000-0001-6115-6349.
E-mail: nemchaninovd@gmail.com

Abstract. This article considers the American policy regarding the shooting of Polish servicemen in Katyn in the spring of 1940. The main determinants and stages of evolution of foreign policy decisions of the United States leadership on this issue are highlighted. Conclusions were made about the influence of American interest during World War II in the preservation of the anti-Hitler coalition and, as a result, Washington's reluctance to publicize the details of this event. In the post-war period, there is a weakening of state regulation of assessments of these events and increasing the interest of the American public in the topic of Katyn. Representatives of the Polish diaspora played a major role in the popularization, who actively collected and disseminated information about the events in Katyn. Of particular interest are the actions of the United States delegation at the Nuremberg Trials, which did not support the position of the USSR on this issue. At the third stage, a special committee is formed in the Congress of the United States to investigate all the circumstances of the death of Polish servicemen in Katyn, the published results of which caused a wide public response. The 1952 election campaign in the United States was of significant importance, during which representatives of the Republican Party used the silence of the available facts about the events in Katyn by the F. D. Roosevelt's administration to defeat the Democrats. This contributed to attracting a large group of voters from Eastern European countries to the side of the Republicans. After the end of the Korean War, interest in this topic decreased and intensified only periodically as an element of psychological war within the framework of bipolar confrontation.

Keywords: Cold War, Poland, Katyn, Department of State, Soviet-American relations.

References

1. Nemchaninov D. G. *Sovetizatsiya Pol'shi: vospriyatie i politika SShA, 1945–1949 gg.* [Sovietization of Poland: The United States Perceptions and Policy, 1945–1949] // *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. No. 6. Pp. 106–122.
2. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the XX century. Essays on political history]. M., Indrik. 2012. 952 p.
3. *Ustav Mezhdunarodnogo Voennogo Tribunala dlya Duda i nakazaniya glavnykh voennykh prestupnikov evropeyskikh stran osi* (London, 8 avgusta 1945 g.) [Agreement for the Prosecution and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis, and Charter of the International Military Tribunal. London, 8 August 1945]. Available at: http://ww2.kulichki.net/ustav_tribunal.htm (date accessed: 21.04.2024).
4. Yungblud V. T. *Era Ruzvel'ta: diplomaty i diplomatiya* [Roosevelt Era: diplomats and diplomacy]. SPb., Obrazovanie (Education). 1996. 221 p.
5. Yazhborovskaya I. S., Yablokov A. Yu., Parsadanova V. S. *Katynskiy sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossijsko-pol'skikh otnosheniyah* [Katyn syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. M., ROSSPEN. 2009. 519 p.
6. Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle. Berlin : Zentralverlag der NSDAP, 1943. 331 S.

7. Archive CIA. General CIA records. Use of Congressional Committees for propaganda purposes. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp91-00682r000300100020-9> (date accessed: 25.04.2024).
8. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Stanisława Mikołajczyka. Subject file, 1941–1963. Available at: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2109883> (date accessed: 25.04.2024).
9. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Władysława Andersa. Materials Filed by Document Number. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2110947?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=3&_Jednostka_id_jednostki=2110947 (date accessed: 26.04.2024).
10. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1939–1943. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104288?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=5&_Jednostka_id_jednostki=2104288 (date accessed: 25.04.2024).
11. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1941–1944. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104285?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=2&_Jednostka_id_jednostki=2104285 (date accessed: 26.04.2024).
12. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1943–1944. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104292?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=2&_Jednostka_id_jednostki=2104292 (date accessed: 25.04.2024).
13. FRUS (Foreign Relations of United States). Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.
14. FRUS. 1942. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1961. 844 p.
15. FRUS. 1943. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1963. 1125 p.
16. FRUS. 1944. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1965. 1446 p.
17. FRUS. 1952–1954. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1979. 1581 p.
18. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1988. 1435 p.
19. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. Rząd Polski na Emigracji. Komunikaty Polskiej Agencji Telegraficznej: orędzia, oświadczenia i odezwy Rządu RP, przemówienia Prezydenta RP, premiera i ministrów. Available at: <https://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nrrar=701&nrrzesp=9&sygn=12&handle=701.180/930&seria=0> (date accessed: 25.04.2024).
20. International Military Tribunal. Nuremberg Archives. H-2786. Available at: <https://stacks.stanford.edu/file/gk247nn1558/gk247nn1558.pdf#page=53> (date accessed: 21.04.2024).
21. Katyn: A Crime Without Punishment / eds. by A. Cieniala, N. Lebedeva, W. Materski. New Haven ; London : Yale University Press, 2007. 624 p.
22. Katyn Forest Massacre. Final Report. Washington : United States Government Printing Office, 1952. 49 p.
23. Katyn Forest Massacre. Interim Report. Washington : United States Government printing office, 1952. 31 p.
24. Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 1. Indictment: Count Three – War Crimes. VIII. Statement of the Offence. Available at: <https://avalon.law.yale.edu/imt/count3.asp> (date accessed: 21.04.2024).
25. *Stanford G.* Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, justice and memory. London : Routledge, 2009. 266 p.
26. *Szymczak R.* A Matter of Honor: Polonia and the Congressional Investigation of the Katyn Forest Massacre // Polish American Studies. 1984. No. 1. Pp. 25–65.
27. *Szymczak R.* Cold War Crusader: Arthur Bliss Lane and the Private Committee to Investigate the Katyn Massacre, 1949–1952. Polish American Studies. 2010. No. 2. Pp. 5–33.
28. *Szymczak R.* The vindication of memory: The Katyn case in the West, Poland and Russia, 1952–2008. The Polish Review. 2008. No. 4. Pp. 419–443.
29. *Urban T.* The Katyn Massacre 1940: History of a Crime. Barnsley, South Yorkshire : Pen and Sword Military, 2020. 296 p.
30. *Weber C.* Krieg der Täter. Die Massenerschießungen von Katyn. Hamburg : Hamburger Edition, 2015. 471 S.
31. *Wnuk R.* Za pierwszego Sowietą. Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej i Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 463 s.

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Принята к публикации: 11.12.2025

Холокост как метанарратив коллективной памяти: проблемы деконструкции

Ходячих Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, независимый исследователь. Россия, г. Москва. ResearcherID: 873177.
ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: hodyachih@yandex.ru

Аннотация. В фокусе исследования – концепт метанарратива в отношении Холокоста в постнеклассическом типе научной рациональности. Анализируются причины, по которым Холокост не может быть деконструирован как метанарратив коллективной памяти, также автор пытается ответить на вопрос, каковы последствия для науки и памяти при отказе от метанарратива. Рассматриваются политические, этические, методологические и культурные контексты, не позволяющие исследователю выстроить метанаррацию применительно к описаниям событий второй четверти XX в. Приводятся мнения историков и философов, которые рассматривают Холокост с позиций культурного, философского и политического подходов. Также в вопросе о создании метанарратива важную роль играет этический аспект, наиболее полно исследованный Ханной Арендт. С методологической точки зрения, попытки построения универсального метанарратива о Холокосте оказываются несостоятельными из-за приверженности историков микроисторическому подходу, что существенно упрощает сложные реальности и не учитывает множество локальных факторов. Автор статьи приходит к выводу, что в рамках постнеклассической рациональности создание метанарратива в отношении Холокоста оказывается невозможным из-за уникальности события, множественности свидетельств и этических обязательств перед жертвами. Результаты исследования могут быть значимы для специалистов, занимающихся изучением проблем памяти – историков, философов, социологов и политологов.

Ключевые слова: Холокост, метанарратив, постнеклассическая рациональность, коммеморация, микроисторический подход, травма.

Введение. В последней трети XX в. произошли кардинальные трансформации в структуре социогуманитарного знания, во многом эти изменения носили парадигмальный характер. В социальные и гуманитарные науки вошел целый ряд новых, но при этом неаутентичных понятий, которые нужно было осмыслить и дать им концептуальное объяснение. Одним из таких понятий стало понятие *травмы*, которое пришло из медицины и обрело иное, специфическое значение в контексте последствий войны во Вьетнаме.

Говоря о травме в разрезе европейской коллективной памяти, в первую очередь возникает ассоциация с Холокостом, центральным и наиболее травматичным событием прошлого столетия. Начиная со второй половины 1970-х гг., Холокост занял главное место не только в историческом, но и в общественно-политическом дискурсе, авангардом этих тенденций стали США [4, с. 166]. Тогда же историки, философы и социологи задались вопросами: способны ли коммеморативные практики стать выразителем Холокоста, и какое место в этих конструкциях отводится метанарративу?

Если в рамках классической модели исторической науки основу «естественной» коммеморации составляет как раз метанарратив, в неклассическом типе научной рациональности происходит разрушение этой коммеморации, то в постнеклассической парадигме начинается ее новое конструирование, сопровождающееся процессом ренарративизации [8, с. 16]. После того как «недоверие к метанарративам» в состоянии постмодерна провозгласил французский философ Жан-Франсуа Лиотар [6, с. 10], идея невозможности отображения Холокоста вышла на новый уровень и получила поддержку среди представителей интеллектуальной элиты Запада, ранее с подобными тезисами выступили философ Теодор Адорно [1, с. 322–325] и писатель Эли Визель [13, р. 1].

По словам историка и культуролога Алейды Ассман, «мнение, будто травма Холокоста невоспроизводима, проходит лейтмотивом через весь мемориальный дискурс» [4, с. 258]. Положение о том, что для Холокоста невозможен соответствующий нарратив, уже стало общим местом. Это относится и к метанарративам, которые в научном и культурном дискурсах в традиционной научной парадигме играли важную роль, обеспечивая структуры для понима-

ния исторического процесса и прогресса, а в условиях постнеклассической рациональности подвергаются резкой критике. Наиболее непримиримую позицию в отношении метанарративов занял американский историк Хейден Уайт, согласно которому события XX в. не вписываются ни в одну из привычных форм репрезентации, обычно используемых для изучения прошлого. По его мнению, эти события, в том числе Холокост, «не только не могли случиться до XX столетия, но саму их природу и размах ни один из предшествующих веков не мог даже помыслить» [12, р. 20], поэтому «любая попытка представить их в форме традиционного нарратива всегда будет означать «убийство» реальности, ее «одомашнивание», в особенности когда речь заходит о таком явлении, как Холокост [7, с. 122].

В данной статье предпринимается попытка дать ответ на вопросы: почему Холокост как историческое явление не может быть деконструирован при помощи метанарратива в рамках постнеклассической рациональности, и каковы последствия для науки и памяти при отказе от метанарратива.

Проблемы метанарратива в контексте Холокоста. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» дается следующее определение метанарратива: это «универсальная система понятий, знаков, символов, метафор и т.д., направленная на создание единого типа описания» [9, с. 489]. Иными словами, метанарратив – это всеобъемлющая история или теория, объясняющая различные исторические события и процессы в единой картине. Он предполагает не только обобщение, но и подведение итога сложной совокупности событий под одну концептуальную основу. При наличии множества мнений и интерпретаций метанарратив претендует на статус окончательной истины.

Метанарративы стремятся упорядочить истории, предоставляя общие рамки для понимания исторических событий. В постнеклассической рациональности акцент сделан на деконструкции таких универсальных историй в пользу множества локальных и конкурирующих нарративов. Согласно постмодернистским теоретикам (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Д. Ваттимо, Ж. Деррида), метанарративы дискредитированы в современном мире из-за их подавляющей природы и неспособности уважать многообразие человеческого опыта [6, с. 9–13].

Попытки создать единый метанарратив о Холокосте неизменно сталкиваются с теоретическими, этическими и методологическими трудностями, вследствие чего сам метанарратив подвергается критическому анализу, переосмыслению и ставит под сомнение саму возможность деконструкции. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Разнообразие опыта Холокоста. Одной из главных причин невозможности создания метанарратива Холокоста является присутствие многоголосия нарративов и разнообразие индивидуальных историй и свидетельств. Существует большое количество личных рассказов жертв, выживших и очевидцев, и каждое подобное свидетельство предлагает уникальную интерпретацию Холокоста. Такие авторы, как Примо Леви и Эли Визель, подчеркивают в своих работах субъективность и уникальность личных переживаний [5, с. 104–111; 14, pp. 3–120]. «У нас нет сомнения в том, что любой человеческий опыт достоин осмысления и анализа, а уж тем более тот особый опыт, о котором здесь идет речь; изучение его позволяет сделать хотя и неутешительные, но бесспорные выводы», – к такому заключению приходит итальянец Леви, ставший свидетелем ужасов Аушвица [5, с. 104].

Зачастую сенсационные репрезентации, имея огромную резонансную силу, оттесняют менее слышимые, но не менее важные точки зрения. В данном случае сложность заключается в том, что абсолютно все истории имеют право на признание и уважение, и попытка их обобщения в единую картину неизбежно приводит к потере важных нюансов и деталей, которые составляют суть каждого отдельного опыта. Разные этно-национальные группы, такие как еврейские общины, другие многочисленные жертвы нацистского режима, историки и специалисты по социально-гуманитарным наукам в целом, создают свои собственные нарративы о Холокосте, что порождает конфликтующие интерпретации. Этому конфликту способствуют культурные и политические моменты, в рамках которых происходит осмысление Холокоста, вместе с возрастанием интереса к вопросам идентичности, постколониальности и памяти.

Политический и культурный контексты. Политический аспект интерпретации Холокоста также играет ключевую роль в формировании метанарратива. Историки Рауль Хильберг и Саул Фридлендер утверждают, что Холокост был не только еврейской катастрофой, но и важнейшим политическим событием, повлиявшим на мировой порядок и идентичность европейских обществ. В своих работах они показывают, как социально-экономические и политические условия различались в разных регионах и как эти различия влияли на события и

восприятие Холокоста. Так, Хильберг приходит к выводу, что Холокост был результатом системной бюрократической организации, а не просто проявлением насилия со стороны нацистов. Также он выделяет многообразие социально-экономических условий, которые варьировались от страны к стране: ситуации в Германии, Польше, Франции и других регионах Европы не были идентичными, что влияло на реализацию антисемитских политик [11, pp. 157–219]. В свою очередь, Фридлендер предлагает более культурный и философский подход к пониманию Холокоста. Он исследует, каким образом разные общества воспринимали антисемитскую политику, а также как память о Холокосте формировалась в послевоенный период. Фридлендер акцентирует внимание на роли местных коллаборационистов, их статусе и положении, что изменяло динамику отношений между местными жителями и еврейскими общинами. Он приходит к выводу, что население Польши и стран Балтии часто участвовало в разработке антисемитских акций, что указывает на наличие социальных факторов, внутренних конфликтов и конкуренции за ресурсы, которые усугубляли территориальную динамику Холокоста [10, pp. 143–315].

По мнению философа Олега Аронсона, который в своих работах частично затрагивает политический дискурс Холокоста, «будучи переведенным в режим «большого повествования», претендующего на метанаррацию, Холокост становится политическим мероприятием и получает естественную критику в вымысле, втягиваясь в бесконечную тяжбу аргументов «за» и «против». Это происходит потому, что «образ символической жертвы, с которой отождествились евреи, апроприировав понятие «Холокост», сильнее и больше любого повествования. Это уже вымысел. Но вовсе не потому, что не было катастрофы уничтожения еврейского народа во время войны, а по совершенно иной причине – трагедия и повествование о трагедии разошлись, повествование стало частью политики, а «образ жертвы» одной из дискурсивных стратегий» [3, с. 94]. Главный вывод, к которому приходит Аронсон – «ужас геноцида и Холокоста состоит не только в том, что «это было», но и в том, что это неизбежно становится рассказом, а значит, вымыслом в том числе» [3, с. 91].

Еще один важный фактор – политизация истории и манипулирование памятью о Холокосте. В последние десятилетия наблюдается активное использование памяти о Холокосте в политическом дискурсе. Это привело к тому, что Холокост стал объектом манипуляции, когда различные политические группы стремятся утвердить свои позиции и отдельные исторические нарративы через призму этого трагического события. В результате, отсутствие единой точки зрения на Холокост не просто создает разрозненные нарративы, но и затрудняет целостное понимание его значения в рамках мировой истории.

Постнеклассическая рациональность требует учитывать эти аспекты как часть комплексного анализа, противоречащего упрощенным объяснениям.

Этические вопросы. Поскольку Холокост затрагивает фундаментальные моральные проблемы, такие как природа зла, ответственность и память, то в вопросе о создании метанарратива важную роль играет этический аспект. В своей самой известной работе «Банальность зла» Ханна Арендт подчеркивает, что попытки создать общую интерпретацию не могут адекватно отразить и передать истинной моральной сложности трагических событий [2, с. 329–347]. Она утверждает, что универсальные объяснения часто упрощают реальность и нивелируют уникальные черты, присущие специфическим историческим и личным контекстам. Более того, любые интерпретации, стремящиеся объяснить Холокост, склонны к явному или скрытому морализаторству, которое способно подменить реальное понимание сути данного явления. Это приводит к представлению истории в терминах «исключительного добра» против «абсолютного зла», игнорируя сложные моральные дилеммы, с которыми сталкивались индивиды и общество. Таким образом, риск обобщения заключается в преобразовании судеб миллионов в статистику или схему, что этически неприемлемо. Именно поэтому противостояние созданию метанарратива – это уважение к уникальности травматического опыта каждого человека, ответственность за тщательное документирование и интерпретацию деталей, которые могут быть потеряны в случае обобщения.

Методологические проблемы. С точки зрения методологии, при создании метанарратива о Холокосте у ученых также возникает ряд трудностей. В своих исследованиях историки подчеркивают необходимость микроисторического подхода, который фокусируется на локальных деталях и контексте, что делает создание универсального нарратива невозможным. При этом микроисторический подход позволяет не только выявить уникальные аспекты, но и почтить память тех, чьи истории часто остаются незамеченными в более обширных исследованиях.

Заключение. Постнеклассическая рациональность, с ее акцентом на плюрализм, сложность и уважение к индивидуальным историям, делает невозможным создание метанарратива о Холокосте, который рискует упростить и обесценить многообразие и глубину опыта его жертв и участников. Холокост как историческое событие требует комплексного и многоуровневого анализа, который будет учитывать все его многочисленные аспекты. Вместо универсального метанарратива необходимо развивать множественные подходы, сочетающие в себе разнообразие свидетельств и способов памяти о Холокосте – именно они смогут обеспечить понимание и дать наиболее полное представление об этом трагическом событии мировой истории. В свою очередь, научное сообщество должно стремиться к децентрализованным и многоаспектным подходам, которые будут деконструировать память о Холокосте, обеспечивая платформу для многообразных голосов и интерпретаций. Соответственно, задача историков заключается в понимании и передаче множества различных нарративов, а не в приведении их к общей формулировке.

Список литературы

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М. : Научный мир, 2003. 374 с.
2. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М. : Европа, 2008. 424 с.
3. Аронсон О. В. Приключения вымысла // Искусство кино. 2002. № 12. С. 90–95.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Леви П. Человек ли это? М. : Текст, 2001. 205 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
7. Мусик М. А. Историописание «Постсовременности»: несколько слов о причинах недоверия к метанарративам и макроистории // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 120–123.
8. Румянцева М. Ф. Проблема коммеморации метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. 1248 с.
10. Friedlander S. Nazi Germany and the Jews, 1933–1945. New York : Harper Perennial, 2009. 482 p.
11. Hilberg R. The Destruction of the European Jews. New York : Holmes & Meier, 1985. 360 p.
12. White H. The Modernist Event // The Persistence of History: Cinema, Television and the Modern Event. New York : Routledge, 1996. Pp. 17–38.
13. Wiesel E. In Holocaust Art, Even Death Can Be Trivialized // The New York Times. 1989. June 11. Section 2. P. 1.
14. Wiesel E. Night. New York : Hill and Wang, 2006. 121 p.

The Holocaust as a metanarrative of collective memory: problems of deconstruction

Khodyachikh Sergey Sergeevich

PhD in Historical Sciences, independent researcher. Russia, Moscow. ResearcherID: 873177.
ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: hodyachih@yandex.ru

Abstract. The focus of this article is the concept of metanarrative in relation to the Holocaust in the post-non-classical type of scientific rationality. The reasons why the Holocaust cannot be deconstructed as a metanarrative of collective memory are analyzed, and the author also tries to answer the question of what are the consequences for science and memory when rejecting the metanarrative. The political, ethical, methodological and cultural contexts that do not allow the researcher to construct a metanarrative are considered. The opinions of historians and philosophers who consider the Holocaust from the standpoint of cultural, philosophical and political approaches are given. Also, in the issue of creating a metanarrative, an important role is played by the ethical aspect, most fully studied by Hannah Arendt. She argues that the main risk in studying this topic is the maximum generalization, namely, the transformation of the fates of millions of victims of National Socialism into statistics or a simplified scheme, which is ethically unacceptable. From a methodological point of view, attempts to construct a universal metanarrative about the Holocaust prove untenable due to the commitment of historians to a microhistorical approach, which significantly simplifies complex realities and does not take into account many local factors. The author of the article comes to the conclusion that within the framework of post-non-classical rationality, the creation of a metanarrative regarding the Holocaust proves impossible due to the uniqueness of the event, the multiplicity of testimonies and ethical obligations to the victims. The results of the study may be significant for specialists studying memory issues – historians, philosophers, sociologists and political scientists.

Keywords: Holocaust, metanarrative, post-nonclassical rationality, commemoration, microhistory, trauma.

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. M. Scientific world, 2003, 374 p.
2. Arendt H. *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil]. M., Europe, 2008, 424 p.
3. Aronson O. V. *Priklyucheniya vymysla* [The Adventures of Fiction] // *Iskusstvo kino* – The art of Cinema. 2002. No. 12. Pp. 90–95.
4. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memory, Culture and Memory Politics]. M., New Literary Review, 2014, 328 p.
5. Levi P. *Chelovek li eto?* [If This Is a Man]. M., Text, 2001. 205 p.
6. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. M., Institute of Experimental Sociology ; SPb., Aletya, 1998. 160 p.
7. Misik M. A. *Istoriopisanie "Postsovremennosti": neskol'ko slov o prichinakh nedoveriya k metanarrativam i makroistorii* [Historiography of "Postmodernity": a few words about the reasons for distrust of metanarratives and macrohistory] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 2004. No. 281. Pp. 120–123.
8. Rumyantseva M. F. *Problema kommemoratsii metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizatsiya* [A problem of commemoration Metanarrative – places of memory – re-narration] // *Dialog so vremenem* – Dialogue with time. 2016. Is. 54. Pp 16–31.
9. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. M., Canon+, 2009. 1248 p.
10. Friedlander S. *Nazi Germany and the Jews, 1933–1945*. New York : Harper Perennial, 2009. 482 p.
11. Hilberg R. *The Destruction of the European Jews*. New York : Holmes & Meier, 1985. 360 p.
12. White H. *The Modernist Event, The Persistence of History: Cinema, Television and the Modern Event*. New York : Routledge, 1996. Pp. 17–38.
13. Wiesel E. *In Holocaust Art, Even Death Can Be Trivialized* // *The New York Times*. 1989. June 11. Section 2. P. 1.
14. Wiesel E. *Night*. New York : Hill and Wang, 2006. 121 p.

Поступила в редакцию: 23.05.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

УДК 94(410)

EDN: MMVTBQ

Фракция пилитов: социальный портрет

Рахманова Александра Евгеньевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.

E-mail: aleksandrarahmanowa@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен просопографический анализ фракции пилитов – членов парламента, проголосовавших за введение свободной торговли в Англии в 1846 г., с целью объяснить, какое влияние на голосование имели такие факторы, как избирательный округ, возраст и сфера деятельности парламентария, и выбрать ключевой из них. С помощью количественного метода автором построены и проанализированы шкалы порядка, представленные в виде диаграмм, показывающих пропорциональное распределение пилитов по трем указанным признакам. К анализу также были привлечены письма сельских джентльменов, опубликованные в мемуарах Р. Пиля и демонстрирующие наличие особого этоса данного сословия. Это дополнительно объясняет, почему во фракции преобладали представители земельного интереса, а не торгового, как ожидалось первоначально. Результатом просопографического анализа стал вывод о том, что решающую роль в голосовании 1846 г. сыграло не социальное положение или принадлежность парламентариев к определенному поколению, а потребности избирательных округов, которые они представляли. Зачастую пилиты, в большинстве своем происходившие из среды земельной аристократии, избирались от развивающихся индустриальных и торговых городов, которым была необходима отмена протекционизма. Это можно охарактеризовать как «Тамвортский тренд», запущенный самим Р. Пилем еще в 1834 г. и заключавшийся во внимании политика к избирателю, а также в проведении политики в национальных, а не в партийных или личных интересах. Эта стратегия очень сильно повлияла на формирование того прагматичного стиля управления Р. Пиля, который называют либеральным консерватизмом.

Ключевые слова: пилиты, консерватизм, Великобритания, фритред, сэр Роберт Пиль.

Пилитами принято называть группировку сторонников Р. Пиля, которые, проголосовав в июне 1846 г. за отмену хлебных законов, вышли из Консервативной партии и представляли отдельную фракцию в парламенте 1847 г. [4, р. 431] В историографии существует дискуссия относительно числа пилитов, так как формирование их группы можно отсчитывать как с голосования об отмене хлебных законов, так и с последующих выборов 1847 г. Ю. И. Кузнецова называет цифру 112, при этом показывая, что на последующих выборах пилиты получили уже 117 мест [2, с. 183–184]. С. Ю. Торопова говорит о 114 консерваторах-фритредерах, покинувших партию вместе с Р. Пилем и получивших на выборах только 100 мест [3, с. 26, 28]. В зарубежной литературе также называются разные цифры: 116 [8, р. 160], 89 [5, р. 75], 93 [10, р. 50]. Автор статьи опирался на результаты исследований профессора Дж. Конакера [7, р. 238] и Ю. И. Кузнецовой ввиду наибольшей на сегодняшний день актуальности данных, использованных этими историками.

Мотивы голосования за введение свободы торговли являются еще одним спорным вопросом. Отечественные историки М. П. Айзенштат и С. Ю. Торопова писали об экономических факторах, таких как необходимость подъема и дальнейшего развития промышленности [1, с. 135] и решение проблемы ирландского голода [3, с. 25]. Оценки зарубежных исследователей варьируются. Например, крупнейший биограф Р. Пиля Н. Гэш считал, что реформа была проведена в интересах неимущих классов, чтобы показать заботу правительства о них [10, pp. 241–242]. Другие историки отдавали предпочтение политическим причинам голосования: сохранению мест в парламенте [13, р. 51], интересам избирательных округов и перспективам для дальнейшего собственного переизбрания [15, р. 117], противодействию «демократической агитации» [4, р. 142].

Сам автор рассматривает пилитов как парламентскую фракцию, а не как избирательную коалицию, поэтому считает началом ее существования выборы 1847 г., когда к Р. Пилю присоединились бывшие сторонники других партий, голосовавшие за фритред (например, либерал Дж. Бротертон). Дополнительно автор использовал данные парламентской базы DODS People [9] для уточнения биографических характеристик пилитов и в дальнейшем будет использовать число 116. Мемуары сэра Роберта Пиля за 1845–1846 гг. [14] послужили дополнительным источником.

Автор прибегает к просопографическому анализу с целью составить наиболее точный социальный портрет фракции пилитов и определить, какие его аспекты оказали наибольшее влияние на голосование летом 1846 г. Данный метод представляется актуальным и ценным, поскольку в историографии ранее не предпринималось попыток составления комплексного социального портрета пилитов. Без этого, на наш взгляд, невозможно дать полноценное объяснение повороту британских аристократов в сторону фритреда в 1846 г. Количественный метод (построение шкал порядка) использован для наглядной демонстрации результатов исследования.

Чтобы понять, почему эти 116 человек 28 июня 1846 г. проголосовали за отмену хлебных законов и объединились во фракцию, получившую название «пилиты», мы проанализировали несколько их характеристик (регион Великобритании, к которому относится избирательный округ пилита; возраст на момент голосования; сфера деятельности или происхождение) и составили диаграммы результатов.

Для начала рассмотрим, к каким регионам принадлежали избирательные округа пилитов (рис. 1). Если джентльмен за время своей политической карьеры представлял больше одного округа, мы выбирали соответствующий 1846 г.

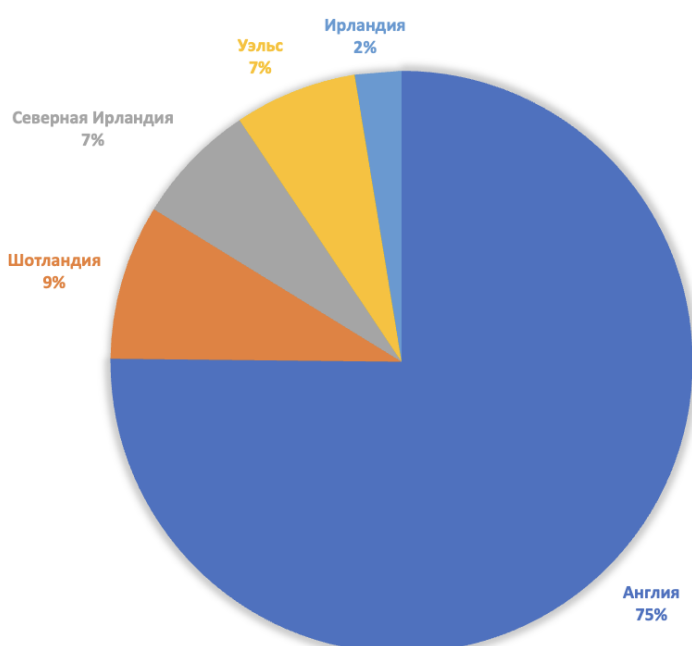

Рис. 1. Распределение избирательных округов

Большинство парламентариев (87 чел.) представляли города и графства Англии (75 %), что традиционно и ожидаемо. Следом, с достаточно большим отрывом (10 чел.), шла Шотландия (8,6 %). Одинаковое количество пилитов (по 8 чел.) представляли Уэльс и Северную Ирландию (Ольстер) (6,8 %). Наконец, Ирландия была представлена меньшинством в 3 человека (2,58 %). Если соотнести эти данные с результатами общего парламентского голосования [8, р. 5], то получится, что наибольшую долю пилиты составляли среди парламентариев-валлийцев (ровно 1/4), среди англичан и шотландцев были представлены одинаково (чуть меньше 1/5), а среди ирландцев их, напротив, было меньшинство (1/10).

Зная, что «картофельная холера» сильнее всего поразила урожай именно в Ирландии, а также в Шотландии, можно было предположить, что парламентарии именно из этих регионов поддержат Р. Пиля. Заметим также и то, что большинство ирландских пилитов представляло именно Северную Ирландию, хотя более пострадали от болезни картофеля южные графства [12, р. 158]. С другой стороны, такое распределение голосов можно связать с тем, что во фритреде были заинтересованы консерваторы от индустриально развитых городов и графств, преимущественно в Англии, как полагает исследователь Шерил Шонхардт-Бэйли [16, р. 90, 117]. Пилиты, таким образом, действовали как делегаты от своих избирательных округов, склонявшихся к фритреду, и защищали их, а не партийные интересы [15, р. 581, 602].

Теперь обратимся к возрастному разграничению фракции пилитов (рис. 2).

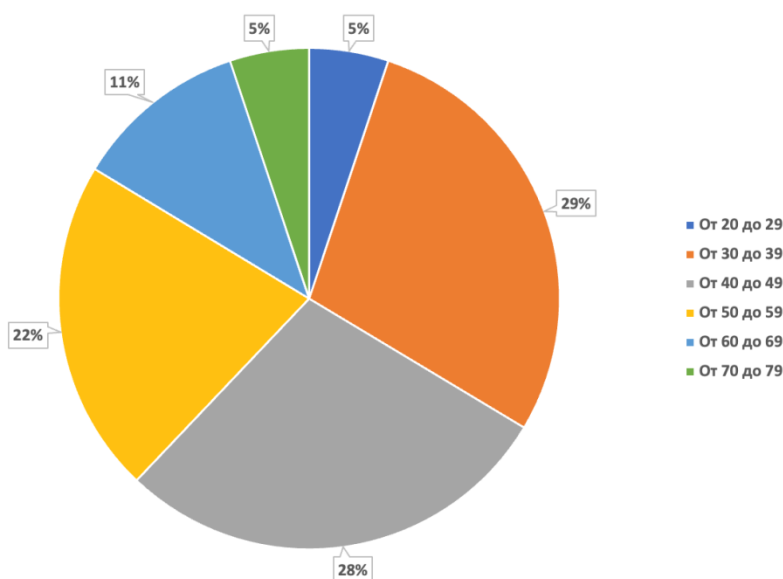

Рис. 2. Возрастная дифференциация пилитов

Равные доли занимают парламентарии от 30 до 39 и от 40 до 49 лет (по 28,4 %). Далее следуют пилиты от 50 до 59 (21,5 %) и от 60 до 69 (11,2 %). Одинаковые наименьшие доли занимают самые молодые и самые пожилые парламентарии в возрасте от 20 до 29 и от 70 до 79 лет соответственно (по 5,1 %).

Анализ возрастной дифференциации не позволяет сделать вывод о том, что сторонниками Р. Пиля стали лишь впечатлительные молодые джентльмены. С другой стороны, именно возрастные категории от 30 до 49 лет, родившиеся на рубеже XVIII и XIX вв., были ближе знакомы с развивающимися идеями Манчестерской экономической школы, продвигавшей фритред, а значит, более восприимчивы к ним.

Последней важной метрикой нашего исследования стала сфера деятельности пилитов. Так как фритред должен был принести выгоду торговым кругам и нанести вред британским землевладельцам, производящим хлеб, кажется очевидным, что за него должны были голосовать именно первые.

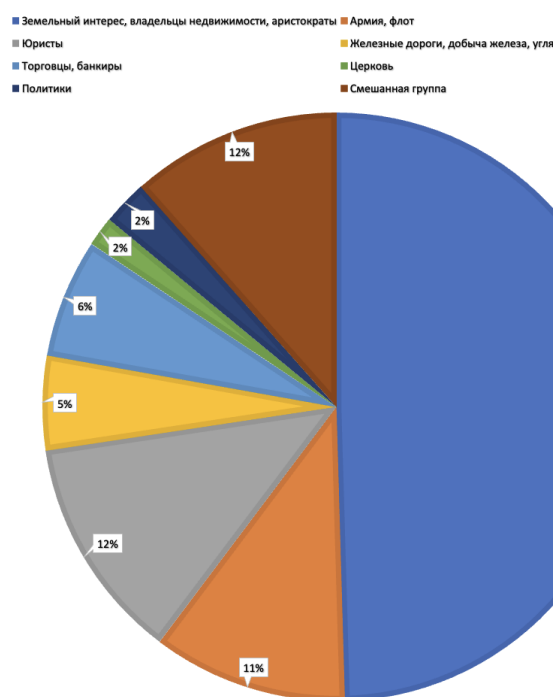

Рис. 3. Сфера деятельности пилитов

Обратимся к получившейся диаграмме (рис. 3). Мы выделили 8 основных сфер деятельности, а также смешанную группу из 14 пилитов, объединяющих несколько интересов (например, землевладелец, служащий в армии, как капитан Генри Мейнелл, или юрист, одновременно председательствовавший в правлении железной дороги, как Уильям Джон Гамильтон). Доля этой категории примерно равна доле юристов, адвокатов и барристеров (по 12 %). Следом идут представители армии и флота (11,2 %). Торговцы, банкиры и представители Ост-Индской компании неожиданно не составляют большинства (всего 6,8 %). Наименьшие доли получили пилиты, связанные с железными дорогами и добычей полезных ископаемых (5,4 %), церковью (1,7 %) или сделавшие политическую карьеру (2,6 %). Таким образом, большую часть пилитов (51,7 %) составляли владельцы земли или другой недвижимости, аристократы и наследники титулов.

Продолжая развивать теорию о значении интересов избирательного округа, можно объяснить такую дифференциацию тем, что, хотя пилиты и представляли традиционную социальную опору тори – сельских джентльменов и аристократов, они были заинтересованы в продвижении экономических интересов своих избирательных округов, все больше ориентировавшихся на экспортную индустрию. Поддерживая выгодную этим регионам экономическую политику, делегаты увеличивали собственные шансы на переизбрание в будущем [16, р. 87]. Менее очевидным, чем политический аспект, является аспект ментальности самих землевладельцев. О наличии особого этоса сельских джентльменов, связанного с ответственностью и стремлением помочь, свидетельствуют несколько писем, опубликованных в мемуарах Р. Пиля. В них три джентльмена предлагают помощь в решении проблемы ирландского голода: организовать церковную подписку на пожертвование [14, pp. 151–152], платить вознаграждение за ловлю и засолку рыбы, а также за раннюю просушку пшеницы в целях сохранения урожая [14, р. 153], подумать, как поддержать фермеров-арендаторов [14, pp. 153–154]. Сам Р. Пиль, комментируя эти письма, подчеркнул, что такая заинтересованность землевладельцев в проблеме и их готовность помочь делает им честь [14, р. 155].

Проанализировав три метрики, приведенные выше, нельзя сделать однозначных выводов. Начиная исследование, мы полагали, что наибольшее влияние на голосование оказала сфера деятельности пилитов. Но, как следует из результатов просопографического анализа и диаграмм, яркой зависимости тут нет. Поэтому мы считаем, что ключевым фактором было стремление парламентариев проводить политику, ориентированную на свой избирательный округ. Эту тенденцию можно охарактеризовать как «Тамвортский тренд», запущенный самим Р. Пилем в 1834 г. и заключающийся во внимании политика к избирателю. Пилиты так и не стали четко организованной политической партией, оставаясь лишь фракцией в парламенте, во многом зависевшей от своего лидера [6, р. 433]. Они, как можно было увидеть на графиках, не имели магистральной характеристики, которая связала бы абсолютно все интересы, поэтому их политическое объединение было неустойчивым, и вскоре после смерти Р. Пиля в 1850 г. пилиты разошлись по разным партиям.

Список литературы

1. Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М. : ИВИ РАН, 2009. 398 с.
2. Кузнецова Ю. И. Сэр Роберт Пиль и парламентские группировки в Англии в 1846–1850 гг. (по постановке проблемы) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 182–187.
3. Торопова С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии. Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1998. 84 с.
4. Bentley M. Politics Without Democracy: Great Britain, 1815–1914. Perception and Preoccupation in British Government. L. : Fontana Press, 1984. 446 p.
5. Blake R. The Conservative party from Peel to Churchill: Based on the Ford lectures delivered before the Univ. of Oxford in the Hilary term of 1968. L. : Eyre & Spottiswoode, 1970. 305 p.
6. Conacher J. B. Peel and Peelites, 1846–1850 // The English Historical Review. 1958. Vol. 73, № 288. Pp. 431–452.
7. Conacher J. B. Peelites and The Party System, 1846–52. Newton Abbot : David & Charles, 1972. 248 p.
8. Craig F. W. S. British Electoral Facts: 1832–1987. Dartmouth : Gower and Rallings, 1989. 210 p.
9. DODS People // DODS People. URL: <https://www.dodspeople.com/Page.aspx?pageid=447>.
10. Gash I. Aristocracy and people: Britain, 1815–1865. Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1979. 375 p.
11. Halévy E. A history of the English people. Vol. 4: 1841–1852: The age of Peel and Cobden. 1947. P. 374.
12. Kinealy C. The Irish Famine 1845–52 // North Irish Roots. 1990. Vol. 2, № 5. Pp. 158–161.
13. McLean I. Rational choice and British politics: an analysis of rhetoric and manipulation from Peel to Blair. Oxford : Oxford univ. press, 2001. 256 p.

14. *Peel R.* Memoirs by The Right Honourable Sir Robert Peel. L. : John Murray, 1857. 358 p.
15. *Schonhardt-Bailey C.* Ideology, Party and Interests in the British Parliament of 1841–47 // British Journal of Political Science. 2003. Vol. 33, № 4. Pp. 581–605.
16. *Schonhardt-Bailey C.* Linking Constituency Interests to Legislative Voting Behaviour: The Role of District Economic and Electoral Composition in the Repeal of the Corn Laws // Parliamentary Histor. 1994. Vol. 13, № 1. Pp. 86–118.

The social portrait of the Peelites

Rakhmanova Alexandra Evgenevna

master's student, Saint Petersburg State University. Russia, Saint Petersburg.

E-mail: aleksandrarahmanowa@yandex.ru

Abstract. The article attempts to consider the social portrait of the Peelite faction through the prism of the prosopographic analysis using such metrics as constituency, age and occupation in order to choose the key voting factor. The author used the quantitative approach to make three charts and analyze the resulting scales of the Peelites. Additionally, the article considers the letters of gentry from Sir R. Peel's Memoirs to prove the existence of a special gentry's ethos and to understand, why the landed interest prevailed in the Faction instead of trading one as it had been previously supposed. The author comes to the following conclusion of the prosopographic analysis: the interests of constituencies were the key voting factor in 1846, instead of the social or generational ones. The most of the Peelites belonged to the gentry class but was elected from different developing industrial cities which required the abandonment of the protection. Therefore, the issue of constitutional advantages mattered more than partial or personal due to the "Tamworth trend" which had been started by Sir Robert Peel himself in 1834. Overall, this strategy meant a national policy despite all partial and personal interests and had an impact on the formation of Sir Robert Peel's pragmatic style of government, known as "liberal conservatism".

Keywords: the Peelite faction, conservatism, Great Britain, Free Trade, Sir Robert Peel.

References

1. *Ajzenshtat M. P.* *Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850* [Rule and Society in Britain 1750–1850]. M., IVI RAN, 2009. 398 p.
2. *Kuznecova U. I.* *Ser Robert Pil' i parlamentskie gruppirovki v Anglii v 1846–1850 gg. (postanovka problemy)* [Sir Robert Peel and the parliament factions in England in 1846–1850 (statement of the problem)] // *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 2. Istoriya* – Bulletin of SPbU. Series 2. History. 2016. No. 2. Pp. 182–187.
3. *Toropova S. U.* *Stanovlenie i evolyuciya dvuhpartijnoj sistemy viktorskoj Anglii* [Formation and evolution of the bipartisan system in Victorian England]. Yaroslavl', Yaroslavl State University, 1998. 84 p.
4. *Bentley M.* *Politics Without Democracy: Great Britain, 1815–1914. Perception and Preoccupation in British Government*. L. : Fontana Press, 1984. 446 p.
5. *Blake R.* *The Conservative party from Peel to Churchill: Based on the Ford lectures delivered before the Univ. of Oxford in the Hilary term of 1968*. L. : Eyre & Spottiswoode, 1970. 305 p.
6. *Conacher J. B.* Peel and Peelites, 1846–1850 // *The English Historical Review*. 1958. Vol. 73, No. 288. Pp. 431–452.
7. *Conacher J. B.* *Peelites and The Party System, 1846–52*. Newton Abbot : David & Charles, 1972. 248 p.
8. *Craig F. W. S.* *British Electoral Facts: 1832–1987*. Dartmouth : Gower and Rallings, 1989. 210 p.
9. *DODS People* // *DODS People*. Available at: <https://www.dodspeople.com/Page.aspx?pageid=447>.
10. *Gash N.* *Aristocracy and people: Britain, 1815–1865*. Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1979. 375 p.
11. *Halévy E.* *A history of the English people*. Vol. 4: 1841–1852: The age of Peel and Cobden. 1947. P. 374.
12. *Kinealy C.* *The Irish Famine 1845–52* // *North Irish Roots*. 1990. Vol. 2, No. 5. Pp. 158–161.
13. *McLean I.* *Rational choice and British politics: an analysis of rhetoric and manipulation from Peel to Blair*. Oxford : Oxford univ. press, 2001. 256 p.
14. *Peel R.* Memoirs by The Right Honourable Sir Robert Peel. L. : John Murray, 1857. 358 p.
15. *Schonhardt-Bailey C.* Ideology, Party and Interests in the British Parliament of 1841–47 // British Journal of Political Science. 2003. Vol. 33, No. 4. Pp. 581–605.
16. *Schonhardt-Bailey C.* Linking Constituency Interests to Legislative Voting Behaviour: The Role of District Economic and Electoral Composition in the Repeal of the Corn Laws // *Parliamentary Histor.* 1994. Vol. 13, No. 1. Pp. 86–118.

Поступила в редакцию: 26.08.2025

Принята к публикации: 03.09.2025

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(560)

EDN: NZZGDM

Анализ внешней политики Турции в Восточном Средиземноморье в период правления Партии справедливости и развития

Жаворонкова Екатерина Александровна

старший преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока,
Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации. Россия, г. Москва. ResearcherID: IST-3526-2023. ORCID: 0009-0007-8836-873X.
E-mail: kate28112010@mail.ru

Аннотация. В период холодной войны Восточное Средиземноморье рассматривалось исключительно как пространство обеспечения интересов на Ближнем Востоке. Однако сейчас значимость данного пространства увеличилась: Восточное Средиземноморье начало обретать свою субъектность в 2010-х гг. В данной статье предпринята попытка проанализировать восточносредиземноморский вектор внешней политики Турции, который начал формироваться в отдельное направление. Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи: 1) рассмотреть особенности внешней политики в период правления Партии справедливости и развития (далее – ПСР), в том числе и эволюцию внешнеполитических установок от «ноль проблем с соседями» до «века Турции»; 2) на основе речей президента Турции в рамках сессий ГА ООН и установочных документов МИД Турции определить значимость Восточного Средиземноморья для Турции; 3) определить роль Турции в региональном балансе. Исследование ограничено временными рамками: с момента прихода к власти в Турции ПСР в 2002 г. и до 2025 г.

Постепенная переориентация внешней политики Турции с приходом к власти ПСР (с Запада на Восток) была тернистой: активизация деятельности Турции в Средиземном море вызвала негативную реакцию соседей, страна оказалась на грани полной региональной изоляции. Формирование отдельного восточносредиземноморского внешнеполитического вектора в Турции происходило постепенно в 2017–2024 гг. За это время Турция сумела преодолеть противодействие «балансирующей антитурецкой коалиции», выйти из изоляции, получить статус региональной державы и расширить свое влияние в Восточном Средиземноморье, вплоть до того, что страна смогла сформировать отдельный полюс силы в регионе. Теперь перед Турцией стоят новые региональные вызовы.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, политика «ноль проблем с соседями», доктрина «Голубая Родина», тезис «мир больше пяти», установка «век Турции».

В период холодной войны Восточное Средиземноморье не выделялось в отдельный регион, но рассматривалось как пространство обеспечения стратегических интересов на Ближнем Востоке. Однако в последнее десятилетие ученые говорят о появлении новых факторов, которые позволяют выделить Восточное Средиземноморье в отдельный регион.

Подробно об этих факторах рассказано в коллективной монографии отечественных исследователей ИМЭМО РАН под редакцией профессора И. Д. Звягельской «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции» [3]. Книга вышла в 2022 г., и в ней уделено большое внимание внешним игрокам и их интересам в Восточном Средиземноморье. Также стоит отметить коллективные монографии международных исследователей «Восточное Средиземноморье в неизведанных водах: взгляд на новые геополитические реалии» (Eastern Mediterranean in Uncharted Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities) [34] и «Борьба за Восточное Средиземноморье. Энергетика и геополитика» (The Scramble for the Eastern Mediterranean. Energy and Geopolitics) [35].

Внешняя политика Турции в начале XXI в. проанализирована в коллективной монографии «Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики» [5], выпущенной Институтом востоковедения РАН

в 2023 г., а также монографиях И. И. Ивановой «Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016)» [14] и «Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв.» [15].

Восточное Средиземноморье стало темой исследования ученых из Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (П. Гуднёв [10], И. Ибрагимов, Ю. Квашнин, Л. Самарская, И. Свистунова [19], Н. Сурков, П. Тимофеев) [6]. А внешней политике Турции посвятили свои труды А. Г. Гаджиев [8], Н. Ю. Ульченко [20], П. В. Шлыков [22] и др.

Особенности проведения внешней политики Турецкой Республики в период правления Партии справедливости и развития. В 2002 г. Партия справедливости и развития (далее – ПСР) одержала победу на парламентских выборах в Турции, и в марте 2003 г. Р. Т. Эрдоган был избран премьер-министром. Перемена власти в стране повлияла на внутренние процессы, с этого началось формирование нового внешнеполитического курса страны, который стал гораздо менее ориентированным на Запад и больше на ближайшее окружение стран.

Именно 2002 г. закрепился как некий рубеж в изучении внешней политики Турецкой Республики. Многие исследователи (И. И. Иванова, Н. Ю. Ульченко, А. Г. Гаджиев и другие) берут его за точку отсчета при подготовке своих научных работ.

Хотя российский турколог П. В. Шлыков предположил, что правительство Р. Т. Эрдогана не в одночасье изменило внешнюю политику, а постепенно, по его мнению, вернее говорить не о смене внешнеполитической парадигмы как таковой, а о том, что в 2000-е гг. в Турции начался «поиск адекватных ответов на меняющуюся глобальную и региональную конъюнктуру» [22, с. 147].

Вообще, окончание холодной войны усугубило проблемы региональной безопасности для Турции. Эта тенденция продолжилась и в начале XXI в., когда политика западных союзников Турции США и ЕС все меньше отвечала интересам Турции [22, с. 137–138]. Так, например, вторжение США в Ирак в 2003 г. привело к формированию курдской автономии в Эрбиле, что было болезненным вопросом для Турции.

Это подталкивало Турцию к постепенному пересмотру приоритетов и ориентиров внешней политики, в которой за исследуемый период сменилось несколько парадигм.

Первая парадигма была сформирована на базе книги А. Давутоглу «Стратегическая глубина: международные позиции Турции». Книга вышла в 2001 г., в то время А. Давутоглу был профессором Стамбульского университета. Можно утверждать, что он создал контур будущей внешней политики Турции: опора на историческое наследие, «ноль проблем с соседями», гибкое тактическое маневрирование, стратегическое планирование, активный внешнеполитический курс, расширение сфер влияния, усилия по предотвращению кризисов [14, с. 221].

А. Давутоглу предполагал, что для отстаивания национальных интересов важно соблюдать шесть принципов:

- 1) баланс между свободой и безопасностью (безопасность одного государства принесет пользу остальным, но она не должна обеспечиваться за счет свободы);
- 2) обнуление проблем с соседями;
- 3) развитие сотрудничества в области безопасности с соседними странами на базе принципа «безопасность для всех»;
- 4) стремление к взаимодополняющим действиям с основными игроками на мировой арене;
- 5) активное использование международных форумов и новых инициатив для решения вопросов;
- 6) создание при помощи общественной дипломатии «нового образа» Турецкой Республики [13, с. 61–62].

Упрощенно данный политический курс называют политикой «ноль проблем с соседями». Было заявлено, что он нацелен на «видение нового мироустройства» и на «творческий подход к решению конфликтов» [13, с. 62]. Она начала проводиться с самого начала прихода ПСР к власти. Доктор экономических наук Н. Ю. Ульченко отмечает, что в программе правительства, сформированного после выборов 2002 г., указывалось, что стабильное положение дел в Турции позволяет ей активнее принимать участие в разрешении кризисных ситуаций, находящихся поблизости [20, с. 96].

Эта политика дала положительный результат: Турции удалось улучшить отношения с Грецией, Сирией, Россией и другими странами. Также важно отметить попытку урегулирования Кипрского вопроса при помощи плана Аннана, которая была осуществлена при поддержке ПСР, только начинавшей работать в качестве правящей партии.

К 2007 г. внешнеполитические цели Турции стали амбициознее. Если ранее говорили о том, что страна стремится приобрести статус «региональной державы», то теперь предполагалось превратить страну в «глобального игрока». Для этого было необходимо перестать занимать оборонительные позиции во внешней политике, а «вооружиться» и стать силой, которая оказывает влияние на характер международных отношений [20, с. 97].

Как одно из направлений внешнеполитической деятельности, Турецкая Республика активизировала свои инструменты «мягкой силы». Наряду с работающим еще с 1990-х Турецким агентством по сотрудничеству и координации (TİKA), в 2007 г. был создан культурный центр Турции институт Юнуса Эмре.

Подобная активность Турции привела к ухудшению отношений со всеми странами региона, а также к политической и экономической изоляции Турции. В наиболее тяжелые пики напряженности критики ПСР начали говорить об изменении политики «ноль проблем с соседями» на политику «ноль соседей без проблем» [21, с. 8].

Вообще, с момента прихода ПСР к власти Турция осуществила своеобразный «прорыв» [14, с. 243] в арабские страны, но сотрудничество было налажено именно с действующими на тот момент лидерами и режимами. Грядущие события «арабской весны», с одной стороны, дали Турции возможность усилить свою роль в регионе, а с другой – ухудшили отношения Турции с некоторыми странами. Помимо этого «арабская весна» превратила некоторые страны (Сирию и Ливию) в зоны затяжных конфликтов и вызвала опасения у руководства Турции в связи с возможностью распространения революционных настроений на их территориях.

Также в начале 2010-х гг. Турция столкнулась с серьезными вызовами, требующими от нее конкретных решений. Так, например, в 2010 г. захват израильским спецназом Флотилии свободы¹, в составе которой шло турецкое судно «Мави Мармара», стал одним из факторов резкого ухудшения турецко-израильских отношений.

На этом фоне появляется два важных направления турецкой внешней политики. Первое касается Турции как «глобальной державы», это тезис «мир больше пяти», который Р. Т. Эрдоган впервые выдвинул в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в 2014 г. [28]. В данном тезисе заключена идея реформ ООН, в первую очередь расширения числа постоянных членов Совета Безопасности.

Второе направление имеет региональный характер, это доктрина «Голубая Родина» (Mavi Vatan). Данная доктрина была разработана еще в 2006 г., однако только в 2013 г. она была принята в Турции в качестве официального политического курса [1, с. 120]. В ней указаны морские зоны, которые должны быть под контролем Турции. Первоначальная задача разработки такой карты – это ответ на неофициальную, но оспариваемую Турцией Севильскую карту 2000 г.

Начиная с 2016 г. внешнюю политику Турции уже можно охарактеризовать как более решительную. Смену курса символизировало назначение соратника Р. Т. Эрдогана Б. Йылдырыма новым премьер-министром в мае 2016 г. [23].

Однако на саму смену курса повлияли как внутренние, так и внешние факторы. Внутренние условия включают в себя: увеличение военных и экономических возможностей Турции; возрастание ощущения враждебности окружающего мира; расширение полномочий президента в вопросах внешней политики после референдума в апреле 2017 г.; партнерство правящей Партии справедливости и развития и Партии националистического движения после 2015 г. [24].

Помимо событий «арабской весны» на ощущение враждебности окружающего мира в Турции во многом повлияла и попытка госпереворота в 2016 г., которая стала своеобразным апогеем данного состояния [24].

К внешним факторам относят ухудшение отношений Турции с западными союзниками, в первую очередь ЕС и США.

На отношения Турции с ЕС очень сильно влияет кипрский вопрос. В 2013 г. ЕС выступил с резкой критикой в адрес руководства Турции из-за действий во время массовых протестов, которые берут свое начало с демонстрации в парке Гези. Также Турция всегда выступала против распространения европейской сети Ф. Гюлена, что часто омрачало отношения между странами [24].

¹ Флотилиями свободы называют международные акции гражданских активистов и правозащитных организаций по организации конвоев для доставки гуманитарных грузов в сектор Газа. Такие акции начали проводиться в ответ на введение полной экономической блокады сектора Газа со стороны Израиля.

На отношениях с США особенно негативно отразились двусмысленное поведение США во время неудачной попытки государственного переворота, признание Иерусалима столицей Израиля в декабре 2017 г. и частичный уход США при первой администрации Д. Трампа из международной политики, который создал вакуум силы в регионе [24].

С этого момента Турция перешла к ведению более решительной внешней политики, нацеленной на увеличение влияния страны в мире в целом. Страна начала предпринимать решительные действия по отношению к соседним странам (провела серию трансграничных военных операций). При этом наблюдается активизация проектов в рамках применения «мягкой силы», то есть можно говорить о том, что Турция в своей внешней политике использует комбинацию «мягкой» и «жесткой» силы, что принято называть «умной силой».

В связи с этим укрепляется новый трек внешнеполитической деятельности – посредничество. Создание дипломатического хаба способствует повышению международного авторитета Турции. Само понятие о стране-хабе пришло из международного газового сотрудничества в связи со стремлением Турции развивать трубопроводный путь по доставке газа в Европу.

В 2023 г. в Турции была провозглашена новая внешнеполитическая установка, которая получила название «Век Турции». Среди заявленных направлений работы в рамках данной политики на сайте министерства иностранных дел Турции указаны: укрепление регионального мира и безопасности, расширение институционализации, экономический рост и процветание, преобразование глобальной системы международных отношений [36]. Это свидетельствует о том, что Турция намерена проводить независимую внешнюю политику с учетом поставленных национальных приоритетов, направленных в том числе на укрепление позиций Турции как в регионе, так и в мире в целом.

Становление политики Турции в Восточном Средиземноморье как отдельного вектора. Восточное Средиземноморье начало обретать свою субъектность только в 2010-х гг. Именно на тот период пришлось открытие газоносных бассейнов, которые и стали первопричиной повышенного интереса к данному региону.

«Арабская весна» привела к трансформации многих политических режимов в регионе и изменила всю региональную подсистему международных отношений не только на Ближнем Востоке, но и в Восточном Средиземноморье. Сирия, Ливия и Египет – региональные лидеры, которые сильно пострадали из-за внутренней трансформации и утратили свои позиции в регионе.

Это позволило Турции активизировать свое участие в формировании регионального порядка в Восточном Средиземноморье. Конечно, говорить о том, что в данном регионе был прежний порядок с некими государствами-лидерами, некорректно, поскольку данное пространство еще не начало оформляться в отдельный регион. Однако Сирия, Ливия и Египет находятся в географических границах Восточного Средиземноморья, и ослабление этих стран все равно повлияло на то, какие страны и с каких позиций включились в региональную борьбу.

По мнению исследователя из Института востоковедения РАН С. М. Гасратян, ухудшение отношений Турции с Россией после сбитаго турецкими ВВС российского самолета Су-24 в воздушном пространстве Сирии 24 ноября 2015 г. подтолкнуло Турцию к диалогу с партнерами в регионе [9].

Восстановление российско-турецких отношений произошло за месяц до попытки государственного переворота в Турции. 15 июля 2016 г. стало знаковой датой, в том числе и для внешней политики государства. После 2016 г. наблюдается возрастание международной активности Турции, в первую очередь в Восточном Средиземноморье. Резкие действия Турции, которые порой могли быть охарактеризованы как «агрессивные» [2, с. 316], начали отталкивать региональных партнеров от сотрудничества. Это создало условия для постепенного формирования коалиции государств с антитурецким характером на базе трехстороннего сотрудничества Израиля, Греции и Кипра, которое укреплялось в регионе с 2010 г. Однако даже в этот период само Восточное Средиземноморье как термин не было включено в политический дискурс Турецкой Республики.

Один из способов проанализировать декларируемые основные принципы, приоритеты и интересы внешней политики государства – это анализ выступлений в рамках работы Генеральной Ассамблеи ООН.

Ниже представлен обзор выступлений президента Турции Р. Т. Эрдогана в ООН. Цель данного обзора – выяснить, когда именно начали применять термин «Восточное Средиземноморье» и какое место данный регион занимает во внешней политике Турции. В обзоре особый акцент сделан на изменении понимания данного региона и его важности.

Так, в 2017 г. Р. Т. Эрдоган впервые в своем выступлении упомянул Восточном Средиземноморье, однако данная мысль заняла буквально строчку. Он выразил надежду, что Турция сделает все возможное, чтобы недавно открытые месторождения газа послужили установлению мира, стабильности и благосостояния в регионе [29].

В 2018 г. Восточное Средиземноморье было упомянуто только в перечислении с другими регионами (Балканы, Северная Африка, Центральная Африка, Персидский залив), где Турция прилагает «искрение и конструктивные усилия» для решения потенциальных проблем [37].

В следующем 2019 г. Восточному Средиземноморью было уделено больше внимания в контексте позиции Турции по кипрскому вопросу, а также призыва к справедливому доступу к энергоресурсам. Р. Т. Эрдоган отметил, что видит возможности для работы, которая будет выгодна всем (*kazan-kazan anlayışıyla*) [30]. Примечательно, что все остальные вопросы, такие как ливийский вопрос, сирийский вопрос и другие, были рассмотрены отдельно. Тогда еще не было окончательно сформировано понимание о том, что собой представляет данный регион.

А в 2020 г. понятие Восточного Средиземноморья было расширено. Турция призывала все страны, имеющие выход к восточной части Средиземного моря, к диалогу и сотрудничеству [32]. Это говорит о том, что границы Восточного Средиземноморья во внешней политике Турции раздвинулись. Отмечалось, что Турция пока вынуждена самостоятельно решать проблемные вопросы в этом регионе, хотя предпочла бы откровенный диалог имеющимся недопониманиям [32], хотя все равно основным конфликтом обозначен кипрский вопрос.

В 2021 г. прозвучал призыв разрешить спор о морских границах в Восточном Средиземноморье в рамках международного права и в атмосфере добрососедства. Однако предложение Турции о проведении конференции всех акторов в регионе для решения этого вопроса все еще не получило ответа (*hala masadadır*) [33]. Примечательно, что подразумевались не только сами страны, имеющие выход в восточную часть Средиземного моря, но и внешние игроки. При этом было отмечено, что у Турции самая длинная береговая линия в Восточном Средиземноморье и игнорировать ее интересы не получится [33].

В 2022 г. Р. Т. Эрдоган отметил, что Турция будет до конца бороться за свои интересы в Восточном Средиземноморье и в районе Эгейского моря [31]. Примечательно, что он осудил греческую политику в Восточном Средиземноморье, нацеленную на подстрекательство и увеличение напряженности, в противовес Турции, которая предлагает проведение конференции по Восточному Средиземноморью [31]. Важно, что теперь больше проблем, связанных с регионом, поскольку до этого в основном отмечался только кипрский вопрос.

В 2023 г. Р. Т. Эрдоган отметил, что Турция хочет стабильности в Восточном Средиземноморье и что все стороны должны уважать права друг друга [26].

В 2024 г. Турция была вновь выделена как «ключевая страна» Восточного Средиземноморья в силу протяженности своей береговой линии и других факторов. Р. Т. Эрдоган также призвал все стороны к сотрудничеству в сфере энергетики и защиты окружающей среды [27].

Таким образом, подводя итоги из приведенного выше анализа, следует, что Восточное Средиземноморье с 2018 г. начало занимать свое место во внешнеполитических приоритетах Турции, притом что изначально это пространство ассоциировалось только с энергоресурсами на шельфе острова Кипр, а впоследствии стало восприниматься как регион, который требует координации действий всех заинтересованных сторон.

Сопоставление хронологии высказываний с событиями в регионе дает более объемную картину. Так, например, создание Газового форума в 2019 г., на который Турция не была приглашена, привело к мыслям о возможности взаимной выгоды при достижении справедливого соглашения о доступе к ресурсам. Подписание меморандума с Ливией в ноябре 2019 г., которое вызвало резкое осуждение мирового сообщества, отразилось в речи 2020 г. тем, что Турция вынуждена самостоятельно решать проблемы. И особенно интересно, что в связи со сложившейся к 2021 г. фактически полной политической изоляцией в регионе могла стать причиной появления предложения о конференции по Восточному Средиземноморью.

По мнению А. Т. Парлановой, именно с 2021 г. Восточное Средиземноморье стало рассматриваться как отдельный регион, притом она отмечает, что это направление приобрело «первостепенное значение» для внешней политики Турции [18].

Министр иностранных дел Х. Фидан в ноябре 2024 г. представил бюллетень «Решительная и сильная внешняя политика Турции в эпоху неопределенностей» (*Belirsizlikler çağında kararlı ve güçlü Türk dış politikası*) комитету планирования и бюджета Великого национального собрания Турции. В этом бюллетене представлены актуальные внешнеполитические цели и методы, а также оценки вопросов, стоящих на повестке дня в 2025 г. [25].

В документе раздел, посвященный Восточному Средиземноморью и Эгейскому морю, стоит первым, сразу после основных принципов внешней политики «Век Турции». Это свидетельствует о важности данного пространства для Турции. Таким образом, регион имеет первостепенное значение.

Политика Турции в отношении Восточного Средиземноморья представлена двумя измерениями. Первое – делимитация морских зон. Турция декларирует, что готова к переговорам по данному вопросу со всеми прибрежными странами, в том числе и с Грецией. Второе измерение – отстаивание законного права турок-киприотов доступа к разработке природного газа на своем континентальном шельфе [25].

Турция в региональном балансе сил Восточного Средиземноморья на современном этапе. Рассмотрение регионального баланса сил проведено на основе этноцивилизационных кластеров, которые, по мнению крупного российского специалиста по Ближнему Востоку академика В. В. Наумкина, являются основной особенностью Восточного Средиземноморья [17, с. 25]. Выделяют три таких кластера (арабский, греческий, турецкий) и Израиль. У каждого кластера есть свой лидер, который претендует на звание региональной державы и является опорой для существующего баланса сил.

В состав арабского кластера входят арабские государства Восточного Средиземноморья, арабские общины в других государствах, а также беженцы, которые были вынуждены покинуть свои дома из-за конфликтов. Во время гражданской войны большое количество сирийцев пытались добраться до Европы через Турцию и Грецию, где многие вынуждены были остаться.

На сегодняшний день самым устойчивым государством данного кластера представляется Египет, так как другие сильные державы, Сирия и Ливия, были отодвинуты с авансцены событиями «арабской весны». Это не означает, что Египет не пострадал от внутривосточной турбулентности в 2011–2013 гг., однако сейчас он показывает наиболее стабильную динамику развития. Египет способен выступать противовесом Турции в регионе, поэтому с ним активно развивают отношения те, кто стремится создать так называемую антитурецкую коалицию.

В системе кластеров Израиль выделен в отдельный кластер, в который входит только он один. Израиль – сильный региональный игрок, в том числе и за счет своего постоянного союзника США.

Во втором десятилетии XXI в. Израиль начал придерживаться нового политического курса. «Периферийная стратегия 2.0», или Новая периферийная стратегия, подразумевает поиск новых союзников в смежных регионах [3, с. 113], которые должны сдерживать окружающих Израиль «радикальных исламских акторов» [16, с. 137], к их числу относят и Турцию. Так, к 2020 г. в аналитических материалах Управления военной разведки Израиля, а также Иерусалимского института стратегии и безопасности Турция была названа «вызовом» для Израиля [3, с. 116].

В таком контексте укрепление отношений с Грецией и Кипром как противовесам Турции в Восточном Средиземноморье вполне вписывается в израильскую «Периферийную стратегию 2.0».

Греция и Республика Кипр составляют основу греческого кластера. Страны плотно сотрудничают и противопоставляют себя Турции, что отчасти вызвано конфликтами в отношениях между странами. Главная проблема, которая осложняет турецко-греческие отношения, – это делимитация морских границ, но при этом Турция не готова рассматривать ее отдельно от кипрской проблемы. При этом центром данного кластера вернее всего назвать именно Грецию, поскольку Республика Кипр тяготеет к Греции.

И наконец, Турция – глава турецкого этноцивилизационного кластера. Она оказывает сильное влияние на другие группы, которые входят в этот кластер. Так, например, самой мощной такой группой является община турок-киприотов, которая в ноябре 1983 г. провозгласила о своей независимости. Теперь Турция прилагает все усилия, чтобы добиться всеобщего признания Турецкой Республики Северного Кипра независимым государством [4, с. 168–170].

Вообще, к началу второго десятилетия XXI в. активная внешняя политика Турции в регионе начала отталкивать от нее других региональных игроков. Создались условия для формирования «балансирующей коалиции», берущей свое начало от «энергетического треугольника» (Израиль, Греция, Кипр), который начал складываться с 2010 г.

Как один из вариантов институализации данной коалиции выступает Газовый форум стран Восточного Средиземноморья, включающий в себя всё большинство стран региона, а

также внешних акторов: Италию, Иорданию, Францию как участников, а также США, ЕС и Группу Всемирного банка в качестве наблюдателей. Данный форум, помимо газовой политики региона и торгового аспекта, имеет также политическую и военную подоплеку.

В апреле 2021 г. в городе Пафосе состоялась встреча министров иностранных дел Израиля, Греции, Кипра и ОАЭ в рамках стратегического форума. На встрече стороны обсудили вызовы региональной стабильности и крупные региональные проекты в сфере туризма и энергетики [2, с. 314].

Таким образом, в Восточном Средиземноморье де-факто начала оформляться антитурецкая коалиция. Турция сочла, что Газовый форум носит антитурецкий характер, и провела ряд военных учений в регионе. Страна оказалась на грани изоляции.

Чтобы как-то сбалансировать создание Газового форума и утвердить свои права на доступ к энергоресурсам Восточного Средиземноморья, Турция 19 ноября 2019 г. подписала с ливийским Правительством национального согласия меморандум о взаимопонимании между Турцией и Ливией по разграничению морских зон. Данный документ вызвал резкое осуждение на мировой арене в первую очередь со стороны Израиля, Греции и Кипра [10, с. 67–72].

Состояние близкое к региональной изоляции сохранялось до 2022–2023 гг., когда наблюдалось резкое увеличение дипломатических контактов Турции со странами региона. Таким образом, страна предпринимает самые активные действия по преодолению сложившейся ситуации. Появилась позитивная динамика в отношениях с Египтом, Израилем и Грецией, как раз с ведущими лидерами этноцивилизационных кластеров.

Во многом успеху турецкой дипломатии в отношениях с соседями по Восточному Средиземноморью послужило использование комбинации «мягкой» и «жесткой» силы. Турция расширила свое влияние и стремится упрочить свои позиции в регионе [7, с. 22]. Нельзя не согласиться с А. Г. Гаджиевым: за время правления ПСР Турция смогла занять позиции регионального лидера в Восточном Средиземноморье [7, с. 12].

В октябре 2023 г. обострившийся ближневосточный конфликт, смена власти в Сирии в декабре 2024 г., а также активные действия Израиля стали новым вызовом для Турции как для региональной державы.

Выводы. За период правления в Турции ПСР произошла эволюция внешнеполитических установок, начиная от нормализации отношений с соседними государствами до усиления роли Турции на международной арене. На данном этапе можно говорить о том, что Турция – региональная держава, которая сформировала отдельный полюс силы в Восточном Средиземноморье.

В отдельное направление внешнеполитической деятельности восточносредиземноморский вектор выделился не сразу. Несмотря на то что регион начал приобретать субъектность в начале 2010-х гг., только в 2017 г. состоялось первое упоминание данного региона в речи Р. Т. Эрдогана в рамках сессии ГА ООН. Однако от года к году внимание к Восточному Средиземноморью возрастало. На основе установочных документов МИД Турции 2024 г. можно сделать вывод о первостепенном значении данного региона.

Список литературы

1. Агазаде М. М., Павлова П. М., Николова Г. А. Большое Средиземноморье как комплекс безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 117–122.
2. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений : монография / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. М. : Аспект Пресс, 2023. 664 с.
3. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции : коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской ; ИМЭМО РАН. М. : Аспект Пресс, 2022. 288 с.
4. Васильева Е. А. Кипрский вопрос во внешней политике Турции в период правления ПСР // Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики : коллективная монография. М. : Институт востоковедения РАН, 2023. С. 156–170.
5. Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики : коллективная монография. М. : Институт востоковедения РАН, 2023. 338 с.
6. Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов / П. Гудев, И. Ибрагимов, Ю. Квашнин и др. // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 3 (66). С. 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.7.
7. Гаджиев А. Г. Глава 1. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турции в период правления ПСР // Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики : коллективная монография. М. : Институт востоковедения РАН, 2023. С. 12–22.

8. Гаджиев А. Г. Проблемы Восточного Средиземноморья в отношениях между Турцией и ЕС (2018–2020 гг.) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2022. № 5. С. 204–222.
9. Гасратян С. Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор // Международная жизнь. 2016. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474> (дата обращения: 15.06.2025).
10. Горбунова Н. М., Иванова И. И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2(12). С. 67–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79.
11. Гудев П. А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 472. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486.
12. Гудев П. А. Конфликтный потенциал Восточного Средиземноморья // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 3. С. 130–138. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-130-138.
13. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8, № 1. С. 61–70.
14. Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М. : Аспект Пресс, 2017. 424 с.
15. Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. / под ред. А. В. Штанова ; МГИМО МИД России. М. : Издатель Воробьев А. В., 2019. 380 с.
16. Костенко Ю. И. «Новая периферия» как фактор укрепления израильских позиций на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 134–144.
17. Наумкин В. В. Глава 1. Восточное Средиземноморье в окружающем мире // Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции : коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской. М. : Аспект Пресс, 2022. С. 18–32.
18. Парланова А. Т. Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье // Конфликтология / nota bene. 2023. № 2. С. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40119 (дата обращения: 15.06.2025).
19. Свистунова И. А. Турецко-греческие отношения на новом этапе: от напряженности к потеплению // Восточная аналитика. 2024. Т. 15, № 2. С. 103–112. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-02-103-112.
20. Ульянов Ю. Ю. Новый путь Турции? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 90–101.
21. Ульянов Ю. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / отв. ред.: В. В. Наумкин. М. : Институт востоковедения РАН, 2014. 95 с.
22. Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 130–152.
23. Ak Parti'de yeni Basbakan Binali Yıldırım oldu // Akşam. 20.05.2016. URL: <https://www.aksam.com.tr/yasam/ak-partide-yeni-basbakan-ne-zaman-aciklanacak/haber-517181/> (дата обращения 25.05.2016.).
24. Bardakçı M. Turkey and the Major Powers in the Eastern Mediterranean Crisis from the 2010s to the 2020s // Comparative Southeast European Studies. 11.10.2022. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/soeu-2021-0071/html> (дата обращения: 05.07.2025).
25. Belirsizlikler çağında kararlı ve güçlü Türk dış politikası // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/belirsizlikler-caginda-kararli-ve-guclu-turk-dis-politikasi-2025-kitap-cik.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
26. Birleşmiş Milletler Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 19.09.2023. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/149577/birlesmis-milletler-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).
27. Birleşmiş Milletler Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2024. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/153717/birlesmis-milletler-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).
28. Birleşmiş Milletler 69'uncu Genel Kurulu Genel Görüşmelerinde Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2014. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/2936/birlesmis-milletler-69uncu-genel-kurulu-genel-gorusmelerinde-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 15.06.2025).
29. Birleşmiş Milletler 72. Genel Kurulunda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 19.09.2017. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/87252/birlesmis-milletler-72-genel-kurulunda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).
30. Birleşmiş Milletler 74. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2019. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/109804/birlesmis-milletler-74-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).
31. Birleşmiş Milletler 77. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 20.09.2022. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/139774/birlesmis-milletler-77-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).
32. BM Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Т. С. Cumhurbaşkanlığı. 22.09.2020. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/122156/bm-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).

33. BM 76. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 21.09.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/130649/bm-76-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).

34. Eastern Mediterranean in Uncharted Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities / ed. M. Tanchum // Konrad-Adenauer-Stiftung. Ankara. 2021. 132 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep28863> (дата обращения: 01.06.2025).

35. The Scramble for the Eastern Mediterranean. Energy and Geopolitics / ed. V. Talbot // Ledizioni Le-diPublishing Via Antonio Boselli, 10 – 20136 Milan. 2021. 147 p. URL: <https://directory.doabooks.org/handle/20500.12854/79253> (дата обращения: 15.06.2025).

36. "Türkiye Yüzyili"nda Milli Dış Politika // T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (дата обращения: 05.04.2025).

37. Birleşmiş Milletler Genel Kurulunda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 25.09.2018. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/98783/73-birlesmis-milletler-genel-kurulunda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 05.07.2025).

Analysis of Turkey's Foreign Policy in the Eastern Mediterranean during the Reign of the AKP

Zhavoronkova Ekaterina Alexandrovna

senior lecturer at Department of Middle East Languages, Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Russia, Moscow. ResearcherID: IST-3526-2023.

ORCID: 0009-0007-8836-873X. E-mail: kate28112010@mail.ru

Abstract. During the Cold War, the Eastern Mediterranean was viewed solely as a space for securing interests in the Middle East. However, the importance of this region has increased in recent years, and the Eastern Mediterranean has begun to assert its own identity in the 2010s. This article aims to analyze the Eastern Mediterranean dimension of Turkey's foreign policy, which has begun to emerge as a distinct focus. To achieve this goal, the following tasks must be completed: first, to examine the features of foreign policy during the rule of the Justice and Development Party (AKP), including the evolution of foreign policy attitudes from "zero problems with neighbors" to "the century of Turkey"; second, based on the speeches of the Turkish President at the UN General Assembly sessions and the guidelines of the Turkish Ministry of Foreign Affairs, to determine the significance of the Eastern Mediterranean for Turkey; third, to identify Turkey's role in the regional balance. The study is limited in time frame: from the time of the AKP's coming to power in Turkey in 2002 until 2025.

The gradual reorientation of Turkey's foreign policy since the AKP came to power (from the West to the East) has been a challenging process: Turkey's increased activity in the Mediterranean has led to negative reactions from its neighbors, and the country has been on the verge of complete regional isolation. The formation of a distinct Eastern Mediterranean foreign policy in Turkey has been a gradual process that has taken place over the years 2017–2024. During this time, Turkey has managed to overcome the opposition of the "balancing anti-Turkish coalition", emerge from isolation, gain the status of a regional power, and expand its influence in the Eastern Mediterranean, to the point where it has become a separate power in the region. Now Turkey faces new regional challenges.

Keywords: the Eastern Mediterranean, the policy "zero problems with neighbors", the doctrine "Blue Motherland", the thesis "the world is more than five", the setting "century of Turkey".

References

1. Agazade M. M., Pavlova P. M., Nikolova G. A. *Bol'shoe Sredizemnomor'e kak kompleks bezopasnosti* [The Greater Mediterranean region as a security complex] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* – Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2021. Vol. 8, Is. 3 (31). Pp. 117–122.

2. *Bol'shoe Sredizemnomor'e kak formiruyushchayasya podsystema mezhdunarodnykh otnoshenij: monografiya* [The Greater Mediterranean as an emerging subsystem of international relations: a monograph] / ed. D. A. Degte-rev, M. M. Agazade. M., Aspect Press, 2023. 664 p.

3. *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e: interesy i ambicii: collect. monografiya* [The Struggle for the Eastern Mediterranean. Interests and Ambitions: collect. monograph] / ed. I. D. Zvyagelskaya; IMEMO. M., Aspect Press, 2022. 288 p.

4. Vasilyeva E. A. *Kiprskiy vopros vo vneshnej politike Turcii v period pravleniya PSR* [The Cyprus Issue in Turkey's Foreign Policy during the Period of the AKP] // *Vneshnyaya politika Turcii v period pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya (2002–2023 gg.). K 100-letiyu respubliki: kollektivnaya monografiya* – Turkey's Foreign Policy during the AKP Rule (2002–2023). Towards the 100th Anniversary of the Republic: a collective monograph. M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 156–170.

5. *Vneshnyaya politika Turcii v period pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya (2002–2023 gg.). K 100-letiyu respubliki : collect. monografiya* [Turkey's Foreign Policy during the AKP Rule (2002–2023). Towards the 100th Anniversary of the Republic : a collective monograph. M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023, 338 p.
6. *Vostochnoe Sredizemnomor'e v poiskah novogo balansa interesov* [Eastern Mediterranean in a Search of a New Balance of Interests] / P. Gudev, I. Ibragimov, Y. Kvashnin et al. // *Mezhdunarodnye processy* – International Trends. 2021. Vol. 19, No. 3 (66). Pp. 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.7.
7. *Gadzhiev A. G. Glava 1. Evolyuciya konceptual'nyh osnov vneshnej politiki Turcii v period pravleniya PSR* [Chapter 1. Evolution of the Conceptual Foundations of Turkish Foreign Policy during the AKP Governance] // *Vneshnyaya politika Turcii v period pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya (2002–2023 gg.). K 100-letiyu respubliki : kollektivnaya monografiya* – Turkey's Foreign Policy during the AKP Rule (2002–2023). Towards the 100th Anniversary of the Republic : a collective monograph. M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 12–22.
8. *Gadzhiev A. G. Problemy Vostochnogo Sredizemnomor'ya v otnosheniyah mezhdur Turciej i ES (2018–2020 gg.)* [Eastern Mediterranean Issues in Turkey-EU Relations (2018–2020)] // *Ekonomicheskie, social'no-politicheskie, etnokontsional'nye problemy afro-aziatskih stran* – Economic, socio-political, and ethno-religious problems of African and Asian countries. 2022. No. 5. Pp. 204–222.
9. *Gasratyan S. Otnosheniya Izrailya i Turcii na sovremennom etape i islamskij faktor* [Relations between Israel and Turkey at the Present Stage and the Islamic Factor] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International Life. No. 4, 2016. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474> (date accessed: 15.06.2025).
10. *Gorbunova N. M. Bor'ba za shel'f Vostochnogo Sredizemnomor'ya: itogi i perspektivy* [Rivalry over the Gas Deposits in the Eastern Mediterranean: Results and Prospects] // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* – Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 2 (12). Pp. 67–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79.
11. *Gudev P. A. Osnovy tureckih prityazaniy v Vostochnom Sredizemnomor'e* [Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2021. Vol. 21, No. 3. P. 472. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486.
12. *Gudev P. A. Konfliktnyj potencial Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [The Conflict Potential of the Eastern Mediterranean] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66, No. 3. Pp. 130–138. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-130-138.
13. *Davutoglu A. Vneshnyaya politika Turcii i Rossiya* [Turkey's Foreign Policy and Russia] // *Rossiya v global'noj politike* – Russia in Global Politics. 2010. Vol. 8, No. 1. Pp. 61–70.
14. *Ivanova I. I. Evolyuciya blizhnevostochnoj politiki Tureckoj Respubliki (1923–2016)* [The Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic (1923–2016)]. M., Aspect Press, 2017. 424 p.
15. *Ivanova I. I. Evolyuciya blizhnevostochnoj politiki Tureckoj Respubliki v XX–XXI vv.* [The Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic XX–XXI century] / ed. A. V. Shtanov // MGIMO-University. M., Vorobyov A. V., 2019. 380 p.
16. *Kostenko Yu. I. "Novaya periferiya" kak faktor ukrepleniya izrail'skih pozicij na Blizhnem Vostoke* ["New Periphery" as a Factor for Strengthening the Positions of Israel in the Middle East] // *Vestnik MGIMO Universiteta* – MGIMO Review of International Relations. 2016. No 2 (47). Pp. 134–144.
17. *Naumkin V. V. Glava 1. Vostochnoe Sredizemnomor'e v okruzhayushchem mire* [Chapter 1. The Eastern Mediterranean in the World around It] // *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e: interesy i ambicii : kollektivnaya monografiya* – The Struggle for the Eastern Mediterranean. Interests and Ambitions : collective monograph / ed. I. D. Zvyagelskaya // IMEMO. M., Aspect Press, 2022. Pp. 18–32.
18. *Parlanova A. T. Turciya vs Egipet v Vostochnom Sredizemnomor'e* [Turkey vs Egypt in the Eastern Mediterranean] // *Konfliktologiya* – Conflict Studies / nota bene. 2023. No. 2. Pp. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40119 (date accessed: 15.06.2025).
19. *Svistunova I. A. Turecko-grecheskie otnosheniya na novom etape: ot napryazhennosti k potepleniyu* [Turkish-Greek Relations at a New Stage: from Tension to Warming] // *Vostochnaya analitika* – Eastern Analytics. 2024. Vol. 15, No. 2. Pp. 103–112. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-02-103-112.
20. *Ulchenko N. Yu. Novyj put' Turcii?* [The New Path of Turkey?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World Economy and International Relations. 2012. No. 6. Pp. 90–101.
21. *Ulchenko N. Yu., Shlykov P. V. Dinamika rossijsko-tureckih otnoshenij v usloviyah narastaniya global'noj nestabil'nosti* [Dynamics of Russian-Turkish Relations in the Context of Growing Global Instability] / ed. V. V. Naumkin / M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. 95 p.
22. *Shlykov P. V. Vneshnyaya politika Turcii v postbipolyarnoj sisteme koordinat* [Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar Coordinate System] // *Mezhdunarodnaya analitika* – International Analytics. 2021. Vol. 12, No. 2. Pp. 130–152. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152.
23. *Ak Parti'de yeni Basbakan Binali Yildirim oldu* // Akşam. 20.05.2016. Available at: <https://www.aksam.com.tr/yasam/ak-partide-yeni-basbakan-ne-zaman-aciklanacak/haber-517181/> (date accessed 25.05.2016.).
24. *Bardakçı M. Turkey and the Major Powers in the Eastern Mediterranean Crisis from the 2010s to the 2020s* // *Comparative Southeast European Studies*. 11.10.2022. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/soeu-2021-0071/html> (date accessed: 05.07.2025).

25. Belirsizlikler çağında kararlı ve güçlü Türk dış politikası // T. C. Dışişleri Bakanlığı. Available at: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/belirsizlikler-caginda-kararli-ve-guclu-turk-dis-politikasi-2025-kitap-cik.pdf (date accessed: 02.05.2025).
26. Birleşmiş Milletler Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 19.09.2023. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/149577/birlesmis-milletler-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
27. Birleşmiş Milletler Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2024. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/153717/birlesmis-milletler-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
28. Birleşmiş Milletler 69'uncu Genel Kurulu Genel Görüşmelerinde Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2014. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/2936/birlesmis-milletler-69uncu-genel-kurulu-genel-gorusmelerinde-yaptiklari-konusma> (date accessed: 15.06.2025).
29. Birleşmiş Milletler 72. Genel Kurulunda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 19.09.2017. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/87252/birlesmis-milletler-72-genel-kurulunda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
30. Birleşmiş Milletler 74. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 24.09.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/109804/birlesmis-milletler-74-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
31. Birleşmiş Milletler 77. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 20.09.2022. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/139774/birlesmis-milletler-77-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
32. BM Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 22.09.2020. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/122156/bm-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
33. BM 76. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 21.09.2021. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/130649/bm-76-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).
34. Eastern Mediterranean in Uncharted Waters: Perspectives on Emerging Geopolitical Realities / ed. M. Tanchum // Konrad-Adenauer-Stiftung. Ankara. 2021. 132 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep28863> (date accessed: 01.06.2025).
35. The Scramble for the Eastern Mediterranean. Energy and Geopolitics / ed. V. Talbot // Ledizioni Le-diPublishing Via Antonio Boselli, 10 – 20136 Milan. 2021. 147 p. Available at: <https://directory.doabooks.org/handle/20.500.12854/79253> (date accessed: 15.06.2025).
36. "Türkiye Yüzyılı"nda Milli Dış Politika // T.C. Dışişleri Bakanlığı. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (date accessed: 05.04.2025).
37. Birleşmiş Milletler Genel Kurulunda Yaptıkları Konuşma // T. C. Cumhurbaşkanlığı. 25.09.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/98783/73-birlesmis-milletler-genel-kurulunda-yaptiklari-konusma> (date accessed: 05.07.2025).

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

УДК 327(470+519.3)"1991/2024"

EDN: OEXBLF

Роль дипломатии на высшем уровне в отношениях РФ и КНДР (1991–2024 гг.)

Комелев Антон Игоревич

аспирант факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы. Россия, г. Москва. E-mail: komelev1997@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье выявляются ключевые этапы и механизмы дипломатии на высшем уровне в отношениях РФ – КНДР (1991–2024 гг.) через призму неформальных практик. Актуальность обусловлена отсутствием работ, системно анализирующих роль символических жестов и личных отношений лидеров в условиях санкций. Проблема исследования заключается в недостаточной научной проработке дипломатии на высшем уровне как ключевого инструмента поддержания российско-северокорейских отношений в период с 1991 по 2024 г. Методологической основой исследования выступил комплексный подход, включающий историко-политический анализ, элементы сравнительного метода и контент-анализ официальных заявлений, соглашений и визитов высших должностных лиц. Источниковая база включает материалы МИД РФ, официальные сообщения информационных агентств, а также экспертные публикации российских и зарубежных аналитиков. В результате исследования установлено, что дипломатия на высшем уровне является ключевым инструментом развития двусторонних отношений между обеими странами. Анализ показал, что визиты лидеров, переговоры и подписанные соглашения способствовали укреплению политического диалога, особенно в периоды международной напряженности.

Ключевым выводом исследования является то, что была установлена нелинейная зависимость между уровнем формализации отношений и их практической эффективностью: пик результативности (82 % реализованных инициатив) приходится на 2000–2010 гг., когда сочетались юридические и неформальные механизмы; был выявлен феномен «кризисной консолидации»: в периоды усиления санкционного давления в 2014, 2017, 2022 гг. частота личных контактов возрастала на 40 % по сравнению со «спокойными» периодами. В дополнение к вышесказанному в исследовании была доказана стратификация дипломатических каналов: верхний уровень (лидеры) – решение стратегических вопросов; средний уровень (МИД) – техническая координация; неформальные каналы (послы, спецпредставители) – проработка сенситивных тем.

Ключевые слова: КНДР, Российская Федерация, двусторонние отношения, ядерная проблематика, денуклеаризация, санкции Совета Безопасности ООН, сотрудничество, поддержка.

Введение. Взаимоотношения между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) представляют собой один из наиболее устойчивых и стратегически значимых векторов внешнеполитического курса России в Восточной Азии. С конца XX в. эти отношения претерпели значительные трансформации, обусловленные сменой глобального баланса сил, усилением санкционного давления, а также переориентацией внешнеполитических приоритетов Москвы. Особую роль в этом процессе играет дипломатия на высшем уровне – официальные визиты, встречи лидеров государств и подписанные в их ходе соглашения, формирующие каналы политического диалога и определяющие содержание межгосударственного взаимодействия.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что дипломатия на высшем уровне играет ключевую роль в формировании и поддержании двусторонних отношений между государствами, особенно в условиях геополитической нестабильности. Отношения между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) с 1991 по 2024 г. прошли через несколько этапов: от относительного охлаждения в 1990-х до стратегического партнерства в 2020-х. Несмотря на наличие работ, посвященных внешней политике России и КНДР, системный анализ роли личных контактов лидеров, их встреч и подписанных соглашений остается недостаточно изученным. Между тем именно визиты высших должностных лиц зачастую задавали долгосрочную динамику в развитии отношений.

Целью данного исследования является комплексный анализ механизмов, форм и эффективности дипломатии на высшем уровне в отношениях между РФ и КНДР с 1991 по 2024 г.

Для ее достижения поставлены следующие **задачи**: 1) выделить ключевые этапы двусторонних отношений и определить роль дипломатических контактов в их развитии; 2) про-

анализировать влияние личных встреч лидеров (Путина, Ким Чен Ира, Ким Чен Ына) на политический диалог; 3) оценить, насколько дипломатия на высшем уровне способствовала преодолению кризисов (ядерные испытания, санкции ООН).

Методология настоящего исследования основывается на историко-политическом анализе, включающем изучение архивных материалов МИД РФ, совместных деклараций и официальных заявлений. Кроме того, в работе были использованы следующие методы: контент-анализ медиаисточников (ТАСС [38], KCNA [46]) для оценки тональности дипломатических контактов; сравнительный метод для сопоставления эффективности дипломатии на высшем уровне в отношениях между РФ и КНДР в разные периоды.

Научная новизна данной работы определяется комплексным анализом роли личных отношений, а также «дипломатии жестов» во взаимоотношениях лидеров РФ и КНДР в разные периоды в преодолении кризисов.

Основная часть. Россия и КНДР являются важными партнерами, и их отношения имеют длительные исторические корни. В настоящее время российско-северокорейские отношения стали подниматься на все более высокий уровень, чему в немалой степени способствует дипломатия первых лиц двух государств.

Известно, что СССР для КНДР играл важную роль при создании государства, и в первые годы его существования Советский Союз оказал Северной Корее существенную помощь, особенно во время Корейской войны (1950–1953 гг.). В 1961 г. между двумя странами был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», на котором основывались двусторонние отношения вплоть до распада Советского Союза [16, с. 173].

После распада СССР в 1991 г. Россия начала переходить к рыночной экономике, что требовало инвестиций и перехода к новым, более современным технологиям. В данной ситуации внешняя политика президента Б. Н. Ельцина была нацелена на сближение с Республикой Корея, обладавшей современными на тот период технологиями, которые были необходимы России. Из-за сближения между Республикой Корея и Россией взаимоотношения между РФ и КНДР пошли на спад. В свою очередь, в 1996 г. истек срок «Договора о дружбе» между двумя государствами, и Б. Н. Ельцин не стал настаивать на его пролонгации.

Уже во второй половине 1990-х гг. стало очевидно, что Запад не намерен идти на сближение с Россией, и России стало понятно, что необходимо усиливать другие векторы своей внешней политики. Свою роль в российском повороте на Восток сыграла и позиция министра иностранных дел России Е. М. Примакова (1996–1998 гг.) о том, что сближение с восточными странами способствует укреплению положения России в мировых делах [3]. Примаков подчеркивал важность укрепления отношений России с азиатскими и ближневосточными странами-партнерами в контексте меняющейся геополитической обстановки.

В 2000 г. президентом России стал В. В. Путин. С его приходом внешняя политика РФ была значительно пересмотрена, и уже в «Концепции внешней политики РФ», утвержденной В. В. Путиным 28 июня 2000 г., отмечалась важность отношений со странами Запада, однако в то же время делался акцент на следующем: «Важное и все возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия, что обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока» [21]. Также поворот на Восток был связан с тем, что В. В. Путин хотел уменьшить зависимость от западных стран [17].

В первую очередь Россия развивала отношения с Китаем, и после урегулирования пограничных вопросов в 2001 г. между РФ и Китаем был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [22]. Отношения двух государств стали развиваться в духе стратегического партнерства, что укрепляло позиции России в международных отношениях. Также позитивно стали развиваться отношения России с Индией, Вьетнамом, Индонезией.

Начиная с 2000 г. Россия стала развивать отношения и с Северной Кореей на различных уровнях. Сближению бывших союзников способствовал целый ряд факторов, одним из основных стал геополитический. Россия и КНДР имеют общие геополитические интересы, включая обеспечение стабильности в регионе Восточной Азии и противодействие проникновению влияния в регионе других стран. Россия и КНДР имеют общую цель в укреплении своих позиций на международной арене и защите своих национальных интересов. Существенную роль сыграл экономический фактор, где Северная Корея находилась под давлением санкций Запада и нуждалась в выходе из изоляции. Обе страны были заинтересованы в развитии торговых отношений.

В июле 2000 г. В. В. Путин впервые посетил Северную Корею, где встретился с Председателем Государственного Комитета обороны КНДР Ким Чен Иром. Главы двух государств «прове-

ли откровенный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и представляющим взаимный интерес международным проблемам», и в результате 19 июля 2000 г. была подписана Совместная российско-корейская декларация, в которой говорилось о том, что «Россия и КНДР намерены активно развивать двусторонние торгово-экономические и научно-технические связи, создавая для этого благоприятные правовые, финансово-экономические условия» [23].

Визит российского президента В. В. Путина в Северную Корею был положительно оценен в обеих странах, так как, несмотря на наложенные Западом санкции на КНДР, Россия продемонстрировала желание укреплять сотрудничество в различных сферах со своим недавним союзником. По мнению Г. Д. Толорая, визит президента России в Северную Корею был неожиданным для всех государств. Однако, по мнению автора, в этом не было ничего неожиданного, так как Москва и Пхеньян контактировали друг с другом и в течение долгого времени обсуждали совместный саммит двух государств [34, с. 181].

Таким образом, визит В. В. Путина в 2000 г. стал знаковым событием для обоих государств, сформировавшим новую парадигму двусторонних отношений. Он не только имел символическое значение для обеих стран, как первый визит постсоветского лидера, но и принес практическое значение в отношении РФ и КНДР конкретными институциональными результатами: был создан механизм ежегодных консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел [33], был дан политический «сигнал» западным странам о пересмотре односторонней ориентации России, о начале многовекторной политики (что подтверждается синхронной активизацией контактов с Китаем и Индией).

Как отмечает корейский исследователь Пак Чан Гю, данный визит ознаменовал переход взаимоотношений между странами от «идеологического партнерства советского образца к «практическому взаимодействию»» в новых геополитических реалиях [47].

Трактовка северокорейских СМИ отличалась от отечественной: Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК) представило визит В. В. Путина в Пхеньян как «исторический переворот к равноправному сотрудничеству», делая акцент на термине «равноправие» (кор. 평등), который отсутствовал в советской дипломатической риторике [39].

В свою очередь, в 2001 г. свой первый официальный визит в Россию совершил северокорейский руководитель Ким Чен Ир на своем бронепоезде. В ходе визита была подписана Московская декларация, в которой стороны отметили «историческую значимость совместной российско-корейской декларации, подписанной руководителями двух стран 19 июля 2000 г., и Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 г. и договорились расширять и развивать дружественные отношения на основе этих документов в интересах достижения мира и стабильности в Северо-Восточной Азии и во всем мире» [24]. Стороны согласовали конкретные направления и меры по дальнейшему развитию двустороннего сотрудничества в различных областях: политики, экономики, военного дела, науки и техники, культуры. Г. Д. Толорая отмечает, что Московская декларация дала положительные результаты для обоих государств. Политические отношения между Москвой и Пхеньяном только углубляются, также Россия готова оказать любое содействие в улучшении отношений между такими государствами, как Южная Корея, США и Япония [35, с. 195].

В 2002 г. состоялся второй визит Ким Чен Ира в Россию. Руководитель Северной Кореи прибыл на Дальний Восток, где посетил авиационное производственное объединение им. Гагарина в Комсомольске-на-Амуре, Амурский судостроительный завод, химико-фармацевтическое предприятие, русский православный храм, хлебопекарное предприятие «Владхлеб», корабль тихоокеанского флота «Адмирал Пантелеев». Ким Чен Ир подробно ознакомился с состоянием социально-экономического развития данного региона в целях расширения и развития двустороннего сотрудничества. Во Владивостоке он встретился с президентом России В. В. Путиным, где они обсудили отношения между Москвой и Пхеньяном. Данный визит главы КНДР открывал широкие перспективы для дальнейшего развития двусторонних отношений в соответствии с требованиями нового века.

По мнению А. В. Торкунова, визит был назван историческим, так как к этому времени был реализован крупный проект экономического сотрудничества, включая реконструкцию железной дороги Раджин – Хасан и модернизацию порта Раджин [36, с. 942].

В конце 2002 г. на Корейском полуострове возник второй ядерный кризис, «когда в Вашингтоне было объявлено о том, что Корея осуществляет секретную ядерную программу» [4, с. 6]. Обнаружение этой программы со стороны США привело к нарушению соглашения о неразработке ядерного оружия со стороны Северной Кореи. В январе 2003 г. Северная Корея вышла

из Договора о нераспространении ядерного оружия (подписан в 1985 г.). КНДР также вышла из МАГАТЭ, так как считала, что единственным способом обеспечить свою безопасность и сохранить суверенитет является наличие собственного ядерного оружия [6].

Выход КНДР из МАГАТЭ вызвал озабоченность международного сообщества, включая Россию. В ответ на него был проведен ряд переговоров, в которых были задействованы Россия, США, Китай, Япония и Южная Корея. Россия играла активную роль в поиске дипломатического решения проблемы ядерной программы Северной Кореи и участвовала в шестисторонних переговорах, созданных в 2003 г., которые проводились с целью достижения соглашения о денуклеаризации полуострова [44].

Шестисторонний формат переговоров (или переговоры «шестерки») был создан в 2003 г. и включал в себя Россию, США, Китай, Северную Корею, Южную Корею и Японию. Их целью было разрешение ядерной проблематики Корейского полуострова. Необходимо отметить, что для этого создавались различные форматы: трехсторонний, четырехсторонний. Как отмечает Г. Д. Толорая, «шестисторонний формат – это единственный метод придать этому процессу хоть какую-то предсказуемость и устойчивость. Переговоры должны были включать в себя вопросы региональной безопасности и безопасность Северной Кореи» [37].

Во время данного кризиса в 2003 г. Россия выступила с предложением о «Пакетном решении» по ядерной проблематике КНДР для того, чтобы урегулировать ядерную проблему. Предложение России о «Пакетном решении» заключалось в том, чтобы стороны соблюдали ранее подписанный договор о ДНЯО (Договор о нераспространении ядерного оружия), обеспечили безъядерный статус на Корейском полуострове, обеспечили гарантии безопасности КНДР и возобновили гуманитарные и экономические программы, которые действовали ранее на Корейском полуострове [15].

Для выполнения договоренностей все участники «шестерки» разделили поровну все обязательства для решения проблемы, связанной с нераспространением ядерного кризиса на Корейском полуострове. Россия выполнила свою часть договоренности и организовала поставку мазута для энергетической системы КНДР. КНДР также выполнила свою часть договоренностей [42]: 1) согласилась приостановить ядерные испытания; 2) согласилась на постепенное сокращение своей ядерной программы; 3) приняла участие в переговорах о возможном прекращении военных учений и строительстве доверительных отношений с Южной Кореей; 4) приняла участие в переговорах с США и другими странами по вопросу о безопасности региона и денуклеаризации Корейского полуострова. Однако США не выполнили договоренности со своей стороны, а именно о предоставлении экономической помощи и льгот для КНДР, вследствие чего данные переговоры потеряли весь смысл и завершились.

Российская Федерация в период с 2000 по 2007 г. тесно сотрудничала с Северной Кореей по вопросу создания железнодорожного пути между обоими государствами. Например, в 2006 г. Россия и КНДР начали переговоры о создании Транскорейской железной дороги. Переговоры о создании железной дороги проходили во Владивостоке в рамках трехсторонней встречи между РФ, РК и КНДР. Строительство железной дороги началось в 2008 г., она проходила через станцию Хасан в порт Раджин [25]. Также в этом же году было подписано соглашение между ОАО «РЖД» и «РасонКонТранс» сроком на 49 лет, и российская сторона инвестировала в данный проект большую часть денег на строительство железной дороги [7].

В мае 2009 г. Северная Корея провела второе ядерное испытание, что вызвало недовольство в международном сообществе. По словам северокорейского правительства, ядерные испытания были проведены с целью защиты высших интересов государства, защиты суверенитета страны и нации, в то время как угроза со стороны США по отношению к КНДР усиливается [8]. Россия вместе с другими странами осудила это действие и поддержала введение санкций в отношении Северной Кореи в Совете Безопасности ООН (Резолюция СБ ООН 1874 от 12 июня 2009 г.) [1]. Тем не менее после введенных санкций в отношении КНДР Россия не хотела терять такого партнера, как Северная Корея, и стала выступать против любых односторонних санкций, которые принимаются в СБ ООН [9]. Россия в свою очередь считает, что решение кризиса на Корейском полуострове может быть достигнуто только через диалог и переговоры, а не через санкции [18].

В 2011 г. состоялся третий по счету визит северокорейского главы Ким Чен Ира в Россию. На этот раз лидер Северной Кореи посетил несколько регионов Дальнего Востока и Сибири, в том числе Улан-Удэ. Переговоры проходили с президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, в ходе которых были обговорены двухсторонние отношения между двумя

государствами, а также ядерная проблематика Корейского полуострова [26]. Результатом саммита стало решение проблемы задолженности, накопленной КНДР со времен СССР. Россия списала 90 % долга. Другие 10 % должны были использоваться на совместные с РФ проекты в области здравоохранения, образования и энергетики на территории КНДР.

После смерти Ким Чен Ира в конце 2011 г. новым руководителем Северной Кореи стал Ким Чен Ын. С приходом к власти нового лидера Россия не изменила свой курс в отношении Северной Кореи. Все предыдущие договоренности были соблюдены, и двустороннее сотрудничество продолжилось [45].

Существенное влияние на двусторонние отношения РФ и КНДР оказал украинский кризис. В 2014 г., когда в ООН начались голосования по поводу принадлежности Крыма (Резолюция ГА ООН 68/262) [27], КНДР поддержала Россию в том, чтобы Крымский полуостров вошел в состав Российской Федерации. После поддержки КНДР РФ и Северная Корея начали активно вести свою экономическую деятельность между двумя государствами. Например, была проведена политика по переходу на расчеты в рублях, для того чтобы стимулировать рост российского бизнеса в КНДР [10]. Немаловажным является тот факт, что Северная Корея в СБ ООН всегда выступала на стороне Российской Федерации, когда проходили голосования по проблемам в отношениях России и Украины.

В 2017 г. Северная Корея провела свои шестые по счету ядерные испытания, что вызвало резкую негативную реакцию коллективного Запада. На заседании Совета Безопасности ООН в августе 2017 г. было принято решение наложить экономические санкции против Пхеньяна. Российская Федерация поддержала данные санкции, и это немного ухудшило торгово-экономические отношения между двумя государствами [19, с. 59]. Россия оценивала данные санкции как сдерживающий фактор ядерной программы КНДР, и введение санкций было ответом на нарушение режимом Пхеньяна резолюций Совета Безопасности ООН, направленных на ограничение ядерных испытаний и ракетных запусков [48].

В то же время на Корейском полуострове вырос уровень угрозы вооруженного конфликта между КНДР и США. В 2017 г. Россия и Китай составили проект «дорожной карты» для урегулирования конфликта, который предусматривал [20]:

- приостановку тесных отношений между Южной Кореей и США;
- заключение трехсторонних соглашений между Южной Кореей, США и Северной Кореей;
- многосторонние переговоры для достижения мира и безопасности в Северо-Восточной части Азии.

Отношения между РФ и КНДР вышли на новый уровень, когда в конце 2018 г. в Москве прошла трехсторонняя встреча между заместителями министров иностранных дел Китая, КНДР и России. На данной встрече было обговорено, что необходимо денуклеаризировать Корейский полуостров и создать атмосферу мира и безопасности, которые приведут к нормализации отношений между государствами. Помимо всего этого были пересмотрены ранее введенные санкции Совета Безопасности ООН в отношении КНДР и был поднят вопрос об их смягчении, однако большинство членов СБ ООН отклонили данное предложение [28; 47].

Весной 2019 г. состоялся первый официальный визит северокорейского лидера Ким Чен Ына в Россию [29]. 24–26 апреля он встретился во Владивостоке с В. В. Путиным. Лидеры двух стран обсудили состояние торгово-экономических отношений, научно-технического сотрудничества, а также вопросы о денуклеаризации и установлении прочного мира на Корейском полуострове.

В 2020 г. пандемия коронавируса приостановила взаимодействия между РФ и КНДР. Это случилось из-за того, что КНДР жестко ограничила свои контакты с внешним миром, были закрыты все границы и все транспортные сообщения между государствами. Во времена пандемии поддерживался контакт между двумя странами посредством дипломатов. Как отмечает Л. В. Захарова, основная проблема в данный период заключалась в том, что из-за пандемии коронавируса торгово-экономические отношения приостановились и торговля упала на самый низкий уровень [5].

После ослабления ковидных ограничений оба государства возобновили свои торгово-экономические отношения, были открыты железнодорожные сообщения, возобновились поставки угля.

После начала специальной военной операции (СВО) на Украине Северная Корея и Россия стали сближаться друг с другом. В марте 2022 г. в ходе голосования на СБ ООН о выводе российских войск с территорий ЛНР и ДНР КНДР проголосовала против [30], тем самым подтвердив свои намерения о сближении с Россией.

Поддержка КНДР, представленная в российских СМИ как «акт солидарности», в северокорейских источниках трактовалась как «логичное противодействие гегемонизму» [49], что демонстрирует разницу пропагандистских нарративов.

Первый крупным официальным визитом после пандемии коронавируса и после начала СВО стал визит министра обороны РФ С. Шойгу летом 2023 г. [11]. Данный визит был посвящен 70-летию окончания Корейской войны. В ходе своего визита в КНДР министр обороны России посетил выставку военной техники в Пхеньяне, где было представлено большое количество современного вооружения северокорейского производства. Кроме того, С. Шойгу встретился с главой КНДР Ким Чен Ыном, где передал послание от В. В. Путина, контекст которого так и не был раскрыт широкой публике.

Из-за пандемии коронавируса Ким Чен Ын не выезжал за пределы Северной Кореи, но по приглашению В. Путина он посетил Россию в сентябре 2023 г. [12]. Встреча президента России и северокорейского лидера состоялась на космодроме «Восточный» на Дальнем Востоке. Во время встречи двух лидеров были обсуждены вопросы двусторонних взаимодействий между двумя государствами по всем экономическим и гуманитарным направлениям, а также международная обстановка в мире. По мнению посла в Северной Корее А. Мацегора, встреча двух лидеров продемонстрировала приверженность обоих государств к укреплению сотрудничества и взаимоотношений [13; 40].

После избрания в качестве президента РФ В. Путин впервые за 24 года с государственным визитом посетил столицу КНДР Пхеньян. Северокорейский лидер Ким Чен Ын лично встречал президента России в аэропорту. В ходе двусторонних переговоров между двумя лидерами Ким Чен Ын заявил, что Россия играет важную роль в укреплении мирового порядка, а также в очередной раз выразил поддержку в проведении специальной военной операции [31]. Важным моментом встречи стало подписание «Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве» [32; 41]. Подписанный 19 июня 2024 г. Договор определяет укрепление отношений между Российской Федерацией и Северной Кореей. Официальный представитель МИД России Мария Захарова подчеркнула, что данный договор не приветствует цели создания военного союза между обеими странами и он не направлен против какого-то государства. Основным пунктом договора является «Пункт 4», в котором отмечается, что в случае вторжения в одно из государств оба государства обязаны защитить друг друга от внешнего недруга, и это означает, что обе страны находятся в состоянии военного положения. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве вступил в силу 5 декабря 2024 г. [14].

По мнению российского корееведа К. Асмолова, визит В. Путина в КНДР продемонстрировал выход на новый уровень взаимоотношений между обоими государствами, тем самым определив, что Москва и Пхеньян готовы к долгому и плодотворному сотрудничеству [2].

По мнению западных аналитиков, Москве встреча с Ким Чен Ыном предоставила возможность укрепить свои позиции в Восточной Азии и продемонстрировать влияние на Корейском полуострове. Кроме того, обсуждение экономического сотрудничества, включая возможные проекты в области энергетики и транспорта, стало бы выгодной возможностью для развития для российской экономики. Северная Корея стремилась заручиться поддержкой РФ в условиях международных санкций и изоляции. Однако США и их союзники выражали обеспокоенность возможным ослаблением станционного режима в отношении КНДР и укреплением военного сотрудничества между Россией и Северной Кореей. В то же время Китай приветствовал диалог между двумя странами, рассматривая его как фактор стабильности в регионе [43].

Заключение. Дипломатия на высшем уровне выступала ключевым механизмом внешнеполитического взаимодействия России и Северной Кореи, адаптируясь к изменяющимся международным условиям. Дипломатические визиты, личные встречи лидеров и подписание стратегических документов оказывали заметное влияние на развитие двусторонних отношений, способствуя их укреплению в периоды внешнеполитической нестабильности и давления со стороны западных государств.

Дипломатия на высшем уровне была особенно эффективной в моменты, когда требовалось восстановление политического диалога (начало 2000-х гг.), согласование позиций в условиях ядерного кризиса на Корейском полуострове, а также выстраивание новых форматов экономического и стратегического сотрудничества на фоне санкционного режима. Посредством высшего дипломатического канала Россия смогла продемонстрировать готовность к самостоятельной политике в Восточной Азии, укрепить собственные позиции и получить поддержку КНДР в ключевых международных вопросах.

Вместе с тем механизм дипломатии на высшем уровне имел и свои ограничения: в условиях крупных международных кризисов, таких как обострение ядерной программы КНДР или введение жестких санкций со стороны СБ ООН, переговорные усилия оказывались недостаточными для предотвращения ситуации. Эффективность высшей дипломатии также зависела от широты возможностей обеих сторон влиять на международную повестку, что ограничивалось экономическими ресурсами и глобальной политической конфигурацией.

В целом дипломатия на высшем уровне в отношениях РФ и КНДР продемонстрировала свою высокую ценность как инструмент поддержания и развития стратегических отношений, хотя ее воздействие имело наибольший успех в сферах, где обе страны стремились к взаимной политической поддержке и координации действий, но оказывалось менее действенным при решении структурных международных вопросов.

Список литературы

1. Арбатова А. Дворкина В. Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. М. : Российская политическая энциклопедия. 2011. 511 с.
2. Асмолов К. Современное состояние и перспективы отношений РФ и КНДР // РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-otnosheniy-rf-i-kndr/>.
3. Барский К. «Восточный вектор» начертил Примаков // Международная жизнь. 2016. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1746>.
4. Денисов В. И. Кореysкая ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются. М. : МГИМО-Университет, 2006. С. 6.
5. Захарова Л. В. Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-kndr-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-2020-2021/viewer>.
6. Информационное агентство ТАСС: история ядерной программы КНДР. URL: <https://tass.ru/info/15705573>.
7. Информационное агентство «ТатарИнформ»: завтра состоится официальная церемония открытия реконструированной Транскорейской магистральной. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/zavtra-sostoitsya-ofitsialnaya-tseremoniya-otkrytiya-rekonstruirovannoy-transkoreyskoy-magistrali>.
8. Информационный портал Portalostranah: Радио Пхеньяна (Голос Кореи) по-русски о подземном испытании атомного оружия и ядерной программе КНДР (запись вещания) и основная доктрина нынешней КНДР – «сонгун». URL: <https://portalostranah.ru/view.php?id=42>.
9. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / сост. И. Н. Тимофеев, В. А. Морозов, Ю. С. Тимофеева. М., 2020. 454 с.
10. Информационное агентство Интерфакс: Россия и Северная Корея в июне начнут расчеты в рублях. URL: <https://www.interfax.ru/business/379700>
11. Информационное агентство РБК: выставка оружия, концерт и парад: как прошел визит Сергея Шойгу в КНДР. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/28/07/2023/64c0d7719a794753893be62a>.
12. Информационный ресурс РБК: Ким Чен Ын пригласил Путина посетить Северную Корею. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2023/650240729a79470be233f8ca>.
13. Информационное агентство Lenta.RU: посол в КНДР рассказал о впечатлениях Ким Чен Ына от поездки в Россию. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/17/dovoln/>.
14. Информационное агентство РБК: стратегический договор между Россией и Северной Кореей вступил в силу. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2024/6751487e9a79477730b68b39>.
15. Клоков Н. С. Позиция и роль России в шестисторонних переговорах по севернокорейской ядерной проблеме. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-i-rol-rossii-na-shestistoronnih-peregovorah-po-severo-koreyskoy-yadernoy-probleme/viewer>.
16. Ланьков А. И. Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995. С. 173.
17. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток». М., 2007. С. 179–183.
18. Морозов Ю. В. Северокорейская ядерная проблема и возможные пути ее решения совместными усилиями России и Китая. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severokoreyskaya-yadernaya-problema-i-vozmozhnyye-puti-ee-resheniya-sovmestnymi-usiliyami-rossii-i-kitaya/viewer>.
19. Михеев В. В., Федоровский А. Н. Кризис и новая повестка дня для Корейского полуострова региональных держав. М. : ИМЭМО РАН, 2018. С. 69.
20. Международный дискуссионный клуб Валдай: Син Гуанчэн. Двойная заморозка и дорожная карта: роль российско-китайской инициативы в урегулировании корейского кризиса. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dvoynaya-zamorozka-dorozhnaya-karta/>.
21. Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/785>.

22. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>.
23. Совместная российско-корейская декларация // Официальный сайт Президента России. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/38435>.
24. Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1685959/.
25. Северокорейский путь России // Официальный информационный ресурс Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2303219>.
26. История визитов лидеров КНДР в СССР и Россию // Официальное информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/%206370930>.
27. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 марта 2014 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/455/19/pdf/n1345519.pdf?token=wOkoNOJxTgZHA1JmF1&fe=true>.
28. Совместное информационное коммюнике о трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел РФ, КНР и КНДР // Официальный сайт Посольства РФ в КНДР. URL: https://dprk.mid.ru/ru/consular%2520otdel/obyavleniya_konsulskogo_otdela/sovmestnoe_informatsionnoe_kommyunike_o_trehstoronnikh_konsultatsiyakh_zamestiteley_ministrov_inost/.
29. Ким Чен Ын первые приехал в Россию // Официальный информационный ресурс РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190424/1553006396.html>.
30. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 г. // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/293/39/pdf/n2229339.pdf?token=Keyu7lPkZfVlZU0rD&fe=true>.
31. Российско-корейские переговоры // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74330>.
32. Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой о Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1959693/.
33. Текст совместной российско-корейской декларации // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/1639356/>.
34. Толорая Г. Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. М., 2019. С. 181.
35. Там же. С. 195.
36. Торкунов А. В. Хакчун Ким. Российско-корейские отношения в формате параллельной истории. М., 2022. С. 942.
37. Толорая Г. Д. Политика и право в современной Азии. Региональная политика. Современная государственная политика России и зарубежных стран. М., 2022.
38. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/>.
39. ЦТАК: Российско-корейская совместная декларация.
40. Klinger B. Special Report: Strengthened North Korea – Russian relations poses risk to the US and its allies // The National Committee on North Korea. 2025. URL: <https://ncnk.org/node/2479>.
41. East Asia Forum: Russia swoops to secure influence in a nuclearised Korean peninsula. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/07/17/russia-swoops-to-secure-influence-in-a-nuclearised-korean-peninsula/>.
42. Foreign Policy Research Institute: Russia-China-North Korea Relations: Obstacles to a Trilateral Axis. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/03/russia-china-north-korea-relations-obstacles-to-a-trilateral-axis/>.
43. Rozman G. North Korea's importance for Putin's "Turn to the East" // 38 North. URL: <https://www.38north.org/2024/10/north-koreas-importance-for-putins-turn-to-the-east/>.
44. Hawk D. Pursuing peace while advancing rights: The Untried Approach to North Korea. A U.S.-Korea Institute at SAIS Report, 2010. Pp. 36–46.
45. KCNA. The National Committee on North Korea. URL: <https://ncnk.org/node/2479>.
46. Official website of Korean Central News Agency. URL: <http://www.kcna.kp/>.
47. Park C. K., Tan E. W., Govindasamy G. The Revival of Russia's Role on the Korean Peninsula // Asian Perspective. 2013. 37 (1). Pp. 125–147.
48. Rinna A. V. Sanctions, Security and Regional Development in Russia's Policies Toward North Korea // Asian International Studies Review. 2019. 20 (1). Pp. 21–37.
49. Rodong Sinmun. URL: <http://www.rodong.rep.kp/en/>.

Relations between Russia and North Korea: diplomacy at the highest level (1991–2024)

Komelev Anton Igorevich

postgraduate student of the faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia
n. a. Patrice Lumumba. Russia, Moscow. E-mail: komelev1997@mail.ru

Abstract. This article identifies the key stages and mechanisms of high-level diplomacy in Russia-North Korea relations in 1991 to 2024, with a focus on informal practices. Its relevance of the topic lies in the lack of comprehensive studies analyzing the role of symbolic gestures and personal ties between leaders under the constraints of international sanctions. The problem of the research lies in the insufficient scholarly attention paid to high-level diplomacy as a key tool in shaping and sustaining Russian-North Korean relations over the period from 1991 to 2024. The research is based on a comprehensive methodological approach that combines historical and political analysis, elements of the comparative method and content analysis of official statements, agreements and visits involving country's top leadership. The source database includes materials from the Russian Ministry of Foreign Affairs, official reports from news agencies, as well as analytical publications by Russian and foreign experts. The research concludes that high-level diplomacy is a key instrument in the development of bilateral relations between the two countries. The analysis shows that leaders' visits, negotiations and signed agreements contributed to the strengthening of political dialogue, particularly during periods of international sanctions.

The key findings of the research highlight a non-linear relationship between the level of formalization in bilateral relations and their practical effectiveness. The peak level of effectiveness is 82 % of initiatives implemented – was recorded between 2000 and 2010, a period characterized by a combination of legal and informal mechanisms. The research also identified the phenomenon of "crisis consolidation" during periods of intensified sanctions pressure in 2014, 2017 and 2022, the frequency of personal high-level contacts increased by 40 % compared to more stable periods. Additionally, to the above mentioned the research confirmed the stratification of diplomatic channels: the upper level (leaders) addresses strategic issues; the middle level (foreign ministries) is responsible for technical coordination; and informal channels (ambassadors, special envoys) are engaged in managing sensitive topics.

Keywords: DPRK, Russian Federation, bilateral relations, nuclear issues, denuclearization, sanctions of UN Security Council, cooperation, support.

References

1. Arbatova A. Dvorkina V. *Yadernaya perezagruska: sokrashenie i nerazprostranenie vooruzhenij* [Nuclear Reset: Arms Reduction and Non-Proliferation]. M., ROSSPEN, 2011. p. 511.
2. Asmolov K. *Sovremennoe sostoyanie i perspective otnoshenij RF i KNDR* [Current Situation and Prospects of Relations between the Russian Federation and DPRK] // RIAC. 2024. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-otnosheniy-rf-i-kndr/>.
3. Barskij K. "Vostochnij vektor" nachertil Primakov ["Eastern Vector" as Charted by Primakov] // *Mezhdunaridnaya zhizn* – International Affairs. 2016. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1746>.
4. Denisov V. I. *Korejskaya yadernaya problema: vozmozhnosti politicheskogo uregulirovaniya sokhranyautsya* [Korean Nuclear Problem: Possibilities for a Political Settlement Persist]. M., MGIMO University, 2006. P. 6.
5. Zakharova L. V. *Otnosheniya Rossii i KNDR v usloviyakh pandemii koronavirusa* [Relations between Russia and the DPRK under the Conditions of the Coronavirus Pandemic]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-kndr-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-2020-2021/viewer>.
6. *Informatsionnoe agentstvo TASS: Istoriya yadernoj programmy KNDR* [TASS News Agency: History of the Nuclear Program of the DPRK]. Available at: <https://tass.ru/info/15705573>.
7. *Informatsionnoe agentstvo "TatarInform": zavtra sostoyitsya ofitsial'naya tseremoniya otkrytiya rekonstruirovannoj Transkorejskoj magistrali* [TatarInform News Agency: The Official Opening Ceremony of the Reconstructed Trans-Korean Railway Will Be Held Tomorrow]. Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/zavtra-sostoitsya-ofitsialnaya-tseremoniya-otkrytiya-rekonstruirovannoy-transkoreyskoy-magistrali>.
8. *Informatsionnyj portal Portalostranah: Radio Phen'jana (Golos Korei) po -russki o podzemnom ispytanii atomnogo oruzhiya i yadernoj programme KNDR (zapis' veshchaniya) i osnovnaya doktrina nyneshnej KNDR – "songun"* [Portalostranah Information Portal: Pyongyang Radio (Voice of Korea) in Russian About the Underground Nuclear Weapon Test and the DPRK's Nuclear Program (Broadcast Recording) and the Main Doctrine of the Current DPRK – "Songun"]. Available at: <https://portalostranah.ru/view.php?id=42>.
9. *Politika sankcij: celi, strategii, instrumenty* [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Instruments] / comp. I. S. Ivanov, A. V. Kortunov, I. N. Timofeev. 2020. 454 p.
10. *Informatsionnoe agentstvo Interfaks: Rossiya i Severnaya Koreya v iyune nachnut raschety v rublyakh* [Interfax News Agency: Russia and North Korea to Start Settlements in Rubles in June]. Available at: <https://www.interfax.ru/business379700>.

11. *Informatsionnoe agentstvo RBK: "Vystavka oruzhiya, kontsert i parad: kak proshel vizit Sergeya Shoigu v KNDR"* [RBC News Agency: "Weapons Exhibition, Concert and Parade: How Sergei Shoigu's Visit to the DPRK Went"]. Available at: <https://www.rbc.ru/photoreport/28/07/2023/64c0d7719a794753893be62a>.
12. *Informatsionnyj resurs RBK: Kim Chen Yn priglasil Putina posetit' Severnuyu Koreyu* [RBC Information Resource: Kim Jong Un Invited Putin to Visit North Korea]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2023/650240729a79470be233f8ca>.
13. *Informatsionnoe agentstvo Lenta.RU: Posol v KNDR rasskazal ob vpechatleniyakh Kim Chen Yna ot poezdki v Rossiyu* [Lenta.RU News Agency: The Ambassador to the DPRK Told About Kim Jong Un's Impressions from His Trip to Russia]. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/09/17/dovolen/>.
14. *Informatsionnoe agentstvo RBK: Strategicheskij dogovor mezhdu Rossiej i Severnoj Koreej vstupil v silu* [RBC News Agency: Strategic Treaty Between Russia and North Korea Enters into Force]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2024/6751487e9a79477730b68b39>.
15. *Klokov N. S. Pozitsiya i rol' Rossii v shestistoronnih peregovorah po severno -korejskoj yadernoj probleme* [The Position and Role of Russia in the Six -Party Talks on the North Korean Nuclear Problem]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-i-rol-rossii-na-shestistoronnih-peregovorah-po-severo-koreyskoj-yadernoj-probleme/viewer>.
16. *Lankov A. I. Severnaya Koreya: vchera i segodnya* [North Korea: Yesterday and Today]. 1995. P. 173.
17. *Luzianin S. G. Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashchenie Rossii na "Bolshoj Vostok"* [Vladimir Putin's Eastern Policy. Russia's Return to the "Greater East"]. 2007. Pp. 179–183.
18. *Morozov Yu. V. Severokorejskaya yadernaya problema i vozmozhnye puti ee resheniya sovmestnymi usiliyami Rossii i Kitaya* [The North Korean Nuclear Problem and Possible Ways to Solve it Through Joint Efforts of Russia and China]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/severokorejskaya-yadernaya-problema-vozmozhnye-puti-ee-resheniya-sovmestnymi-usiliyami-rossii-i-kitaya/viewer>.
19. *Mikheev V. V., Fedorovskij A. N. Krizis i novaya povestka dnya dlya Korejskogo poluostrova regional'nyh derzhav* [Crisis and a New Agenda for the Korean Peninsula of Regional Powers]. M., IMEMO RAN. 2018. P. 69.
20. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub Valdaj: Sin Guangcheng. Dvojnaya zamorozka i dorozhnaya karta: rol' rossijsko-kitajskoj iniciativy v uregulirovanii korejskogo krizisa* [Valdai International Discussion Club: Xin Guangcheng. Double Freeze and Roadmap: The Role of the Russian-Chinese Initiative in Resolving the Korean Crisis]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dvoynaya-zamorozka-dorozhnaya-karta/>.
21. *Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation] // Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/785>.
22. *Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federatsiej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj* [Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China] // Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>.
23. *Sovmestnaya rossijsko-korejskaya deklaratsiya* [Joint Russian -Korean Declaration] // Official Website of the President of Russia. Available at: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/38435>.
24. *Moskovskaya deklaratsiya Rossijskoj Federatsii i Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki* [Moscow Declaration of the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea] // Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1685959/.
25. *Severokorejskij put' Rossii* [Russia's North Korean Path] // Official News Agency Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2303219>.
26. *Istoriya vizitov liderov KNDR v SSSR i Rossiyu* [History of Visits of DPRK Leaders to the USSR and Russia] // Official News Agency TASS. Available at: <https://tass.ru/info/%206370930>.
27. *Rezolyutsiya, prinyataya General'noj Assambleej 27 marta 2014 goda* [Resolution Adopted by the General Assembly on 27 March 2014] // Official UN Website. Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/455/19/pdf/n1345519.pdf?token=wOkNOjxTgZHA1Jmf1&fe=true>.
28. *Sovmestnoe informatsionnoe kommyunike o trekhstoronnikh konsul'tatsiyakh zamestitelej ministrov inostrannykh del RF, KNR i KNDR* [Joint Information Communiqué on Trilateral Consultations of Deputy Foreign Ministers of the Russian Federation, the People's Republic of China and the DPRK] // Official Website of the Embassy of the Russian Federation in the DPRK. Available at: https://dprk.mid.ru/ru/consular%2520otdel/obyavleniya_konsul'skogo_otdela/sovместное_информационное_коммюнике_o_trekhstoronnikh_konsultatsiyakh_zamestiteley_ministrov_inost/.
29. *Kim Chen Yn v pervye priekhal v Rossiyu* [Kim Jong Un Visits Russia for the First Time] // Official News Agency RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20190424/1553006396.html>.
30. *Rezolyutsiya, prinyataya General'noj Assambleej 2 marta 2022 goda* [Resolution Adopted by the General Assembly on 2 March 2022] // Official UN Website. Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/293/39/pdf/n2229339.pdf?token=Keyu7lPkZfVvZU0rD&fe=true>.
31. *Rossijsko-korejskie peregovory* [Russian -Korean Negotiations] // Official Website of the President of Russia. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/74330>.
32. *Kommentarij ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M. V. Zakharovoj o Dogovore o vseob'emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Rossijskoj Federatsiej i Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respublikoj*

[Commentary by the Official Spokesperson of the Russian MFA M. V. Zakharova on the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea] // Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1959693/.

33. *Tekst sovместnoj rossijsko-korejskoj deklaratsii* [Text of the Joint Russian-Korean Declaration] // Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available at: <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/1639356/>.

34. *Toloraya G. D. U vostochnogo poroga Rossii. Eskizy korejskoj politiki nachala XXI veka* [At the Eastern Threshold of Russia. Sketches of Korean Policy at the Beginning of the 21st Century]. 2019. P. 181.

35. Ibid. P. 195.

36. *Torkunov A. V., Khakchun Kim. Rossijsko-korejskie otnosheniya v formate parallel'noj istorii* [Russian-Korean Relations in the Format of Parallel History]. 2022. P. 942.

37. *Toloraya G. D. Politika i pravo v sovremennoj Azii. Regional'naya politika. Sovremennaya gosudarstvennaya politika Rossii i zarubezhnykh stran* [Politics and Law in Modern Asia. Regional Policy. Modern State Policy of Russia and Foreign Countries]. 2022.

38. *Informatsionnoe agentstvo TASS* [TASS News Agency]. Available at: <https://tass.ru/>.

39. *CTAK: Rossijsko-koreyskaya sovместnaya deklaratsiya* [KCNA: Russian-Korean Joint Declaration].

40. *Klinger B.* Special Report: Strengthened North Korea – Russian relations poses risk to the US and its allies // The National Committee on North Korea. 2025. Available at: <https://ncnk.org/node/2479>.

41. East Asia Forum: Russia swoops to secure influence in a nuclearised Korean peninsula. Available at: <https://eastasiaforum.org/2024/07/17/russia-swoops-to-secure-influence-in-a-nuclearised-korean-peninsula/>.

42. Foreign Policy Research Institute: Russia-China-North Korea Relations: Obstacles to a Trilateral Axis. Available at: <https://www.fpri.org/article/2025/03/russia-china-north-korea-relations-obstacles-to-a-trilateral-axis/>.

43. *Rozman G.* North Korea's importance for Putin's "Turn to the East" // 38 North. Available at: <https://www.38north.org/2024/10/north-koreas-importance-for-putins-turn-to-the-east/>.

44. *Hawk D.* Pursuing peace while advancing rights: The Untried Approach to North Korea. A U.S. -Korea Institute at SAIS Report, 2010. Pp. 36–46.

45. KCNA. The National Committee on North Korea. Available at: <https://ncnk.org/node/2479>.

46. Official website of Korean Central News Agency. Available at: <http://www.kcna.kp/>.

47. *Park C. K., Tan E.W., Govindasamy G.* The Revival of Russia's Role on the Korean Peninsula // Asian Perspective. 2013. 37 (1). Pp. 125–147.

48. *Rinna A. V.* Sanctions, Security and Regional Development in Russia's Policies Toward North Korea // Asian International Studies Review. 2019. 20 (1). Pp. 21–37.

49. Rodong Sinmun. Available at: <http://www.rodong.rep.kp/en/>.

Поступила в редакцию: 04.03.2025

Принята к публикации: 08.09.2025

Зарубежные походы русской армии на втором и третьем этапах Северной войны в историографии

Пелихов Александр Владимирович

аспирант кафедры истории России, Уральский федеральный университет.
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: pelikhoff@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы историографии зарубежных походов русской армии на втором и третьем этапах Северной войны. Исследуются оценки отечественных и зарубежных историков военного и дипломатического значения боевых действий, которые вела русская армия против Швеции в Германии и Финляндии. Автор уделяет внимание влиянию на данные оценки политического контекста, в котором были написаны исследования. В ходе исследования установлена недостаточная изученность зарубежных походов русской армии. Показано, что в историографии сложилось мнение о том, что Северная война была фактически выиграна в результате Полтавской битвы, и игнорировалось то, что Швеция за 10 лет могла восполнить людские потери. В результате историки практически не изучали ни сами боевые действия в Германии и Финляндии, ни их дипломатические последствия. В XX в. негативную роль в изучении этих походов сыграло стремление советских историков показать решающее значение действий русского флота на последнем этапе Северной войны. Также не были даны оценки способности Англии и других европейских стран отнять у России шведские территории в случае отказа царя заключить мир. Таким образом, в историографии зарубежных походов русской армии сложилось несколько важных особенностей, в том числе очень слабо изучены боевые действия русской армии в Германии и Финляндии: как сами эти кампании, так и отдельные сражения. Эти боевые действия оказались в тени Полтавского сражения, тем не менее, именно вследствие них был заключен победоносный Ништадтский мир. Следовательно, зарубежные походы русской армии нуждаются в тщательном комплексном исследовании, основанном на корреляции дипломатических шагов и конкретных сражений в Германии и Финляндии.

Ключевые слова: Россия, Швеция, Северная война, русская армия, дипломатия, историография.

Одной из наименее изученных и вместе с тем одной из наиболее известных тем являются зарубежные походы русской армии на втором и третьем этапах Северной войны¹. Широкая известность зарубежных походов несомненна: в любом исследовании по Северной войне можно найти перечисление мест сражений русской армии, а также их краткие итоги. Однако при внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что зарубежные походы всегда описывались крайне поверхностно, оставаясь в тени Полтавского сражения. Описание зарубежных походов русской армии встречается в первых исследованиях, посвященных Северной войне.

В опубликованной в 1736 г. книге А. Катиоро «Жизнь Петра Великого» приведена версия о том, что Петр I стремился получить место в рейхстаге Священной Римской империи. Автор отметил, что Штеттин был взят русскими войсками «лишь для того, чтобы вернуть королю Пруссии». Боевые действия в Финляндии он описал очень кратко, но особо подчеркнул захват русскими войсками Аландских островов, расположенных «буквально напротив Стокгольма». А. Катиоро подчеркнул, что Петр I стремился захватить для герцога Мекленбургского Висмар, и отказ Ганновера уступить этот город стал причиной разногласий России с Ганновером и Англией вплоть до смерти Петра I. Отказ Петра I от высадки в Сконе он объяснил тем, что русские войска могли «погибнуть от голода» в этом опустошенном шведами краю [17, с. 189–190, 194, 196–197, 205–207, 238, 240–253].

В конце XVIII в. российский историк И. И. Голиков рассматривал поход русской армии в Померанию как направленный «на сокрушение остальных сил Шведских, бывших еще в до-

вольной силе в Немецких их провинциях». Он также привел в дальнейшем повторяемую почти всеми последующими историками цитату из указания Петра I Ф. М. Апраксину о том, что завоевание Финляндии нужно для дальнейшего обмена ее на другие территории, а также для лишения Швеции снабжения из Финляндии. Он, кроме того, отметил, что Петр I «не имел намерения чинить в Шведских и Немецких землях завоеваний, но старался привести чрез оные Швецию к миру с собою». Голиков указал на важность завоевания Аландских островов, которые были подступом к Стокгольму [13, с. 3, 109, 189, 531].

Историк первой половины XIX в. Д. Н. Бантыш-Каменский в описании боевых действий А. Д. Меншикова в Померании ограничился изложением фактов, но, помимо того, отметил, что А. Д. Меншиков должен был «примечать за всеми поступками» польского короля [4, с. 56–57]. М. И. Богданович в лекциях о победах Петра I дошел до Полтавского сражения, после чего кратко отметил, что царь «деятельно помогал союзникам», Северная война прекратилась, Карл XII был готов принять условия царя, но из-за гибели короля пришлось войну возобновить [9, с. 84–85]. О кампаниях в Финляндии и в Померании Богданович даже не упомянул.

В исследовании «История России с древнейших времен» С. М. Соловьев показал сложные переговоры, которые велись правительствами ведущих европейских стран на фоне боевых действий русской армии. С. М. Соловьев описал кампанию в Финляндии очень кратко и пришел к выводу, что ее причиной была неспособность России склонить прусского короля и ганноверского курфюрста к активным действиям против Швеции.

С. М. Соловьев весьма скептически оценил роль Вены, отметив, что она была слишком слаба и потому могла вредить России «только словом, а не делом». Историк отметил, что Петр I не придал большого значения Венскому договору 1719 г., который «не привел ни к чему в Польше» [32, с. 16, 82, 319–320, 249].

Данное исследование привело к частичному пересмотру взглядов историков на значение зарубежных походов русской армии. А. Г. Брикнер, который активно использовал труд С. М. Соловьева, высоко оценил кампанию в Финляндии, указав, что из-за бездействия датского флота русскому флоту был закрыт выход из Финского залива. Кампанию в Померании он также оценил высоко, указав, что передачей Штеттина Россия приобрела Пруссию в качестве вернейшего союзника, и сделал вывод, что именно угроза разрыва с Пруссией под влиянием английских предложений заставила в 1719 г. Россию начать боевые действия в Швеции [12, с. 106, 108, 127].

В. О. Ключевский отрицательно оценил поход русской армии в Померанию, отметив, что вмешательство в дела Германии в итоге сделало союзников врагами России, при этом историк положительно отозвался о кампании в Финляндии, но не стал ее описывать [19, с. 413]. Негативное отношение к походу в Северную Германию продемонстрировал А. Заозерский, который отметил, что, пока русские войска шли в Померанию, союзники России перестали в них нуждаться [14, с. 120, 124–125].

В XIX в. в зарубежной историографии сохранилась оценка зарубежных походов русской армии как стремления Петра I к проникновению в Германию и Польшу. При этом немецкие историки настаивали, что Петр I стремился доминировать в Германии. Польские историки пытались доказать стремление России подчинить Польшу. Например, польский историк и австрийский государственный деятель М. Бобжиньский рассматривал зарубежные походы русской армии как стремление России укрепиться в Польше. Он выдвинул совершенно недостоверную версию о том, что в 1714 г. «окончательно побежденная в Лифляндии, Эстонии и Померании Швеция перед лицом новой войны с Англией и Данией обратилась наконец к Петру Великому», которому уступила «прибалтийские провинции», чем «склонила его к прекращению военных действий и тем самым развязала ему руки в отношении Польши». Венский договор 1719 г., к которому должна была примкнуть Швеция, оказавшаяся в 1717 г. после смерти Карла XII «под пятой России», по мнению М. Бобжиньского, гарантировал «целостность» Польши. Данный договор, по словам историка, заставил русские войска отступить «от границ» Польши [7, с. 473–475].

Оценки целесообразности зарубежных походов русской армии в период Северной войны не сопровождалась в русской историографии изучением конкретных сражений. В результате к концу XIX в. боевые действия в Померании и в Финляндии были практически не исследованы. В предисловии к сборнику документов, опубликованному в 1893 г., А. З. Мышлаевский констатировал: «Войны на Финляндском и Померанском театрах известны лишь в общих, далеко не верных чертах... некоторые кампании этой войны, как, напр., 1712 г. в Фин-

ляндии, настолько прочно забыты, что даже в наиболее полных военно-исторических исследованиях о них не говорится ни слова» [25, с. III]. В пособии для военных училищ «Обзор войн России от Петра Великого до Наполеона» под редакцией генерал-лейтенанта Г. А. Леера события Северной войны подробно описаны до 1709 г., а последующим боевым действиям уделено около одной страницы [28, с. 66–67].

В советской довоенной историографии сохранилась дореволюционная оценка зарубежных походов русской армии как малозначительных операций, которые произошли уже после того, как Полтавское сражение решило судьбу Северной войны. Сохранился и подход В. О. Ключевского о том, что Петр I своим вмешательством в дела Германии в ходе Померанской кампании серьезно осложнил положение России.

Примером такого подхода является опубликованное в 1920 г. исследование М. М. Богословского «Петр Великий и его реформа». В этом труде историк оценил боевые действия в Померании и Финляндии как второстепенные: «Борьбу вели гораздо больше дипломатическими интригами, чем военными движениями; больше скрипели перья в дипломатических канцеляриях, чем гремели выстрелы на полях сражений... война со Швецией тянулась вяло и нерешительно» [10, с. 64–66]. В исследовании 1940 г. В. А. Панов негативно оценил кампанию в Северной Германии, отметив, что русская армия «только напрасно тратила свое время и силы» [31, с. 92].

Интересной является позиция Т. К. Крыловой, высказанная в статье, опубликованной в 1947 г. Исследователь отметил, что невозможно точно определить замыслы Петра I: ограничивал ли он свою задачу утверждением России в Восточной Прибалтике или уже видел себя в недалеком будущем владельцем Карлскроны и Киля. Т. К. Крылова продемонстрировала критический подход к историческим источникам о замыслах русского монарха, указав, что журналисты того времени склонны были приписывать царю «замыслы самые грандиозные», а «русские дипломатические документы, может быть не без тайного умысла, усиленно подчеркивают умеренность политических планов Петра» в противовес «заносчивости и необузданности Карла XII» [22, с. 124, 134, 158]. К сожалению, столь ценное замечание Т. К. Крыловой осталось непринятым многими историками, которые вплоть до настоящего времени склонны слепо доверять то газетам петровского времени, то дипломатической переписке.

В исследовании 1948 г. Б. Б. Кафенгауз дал высокую оценку кампании в Финляндии, указав, что завоевание этой страны «и другие русские победы» побуждали Петра I «поставить вопрос о заключении выгодного мира со Швецией». В этой работе содержалась резко негативная оценка роли Великобритании: указывалось, что неудача в переговорах на Аландском конгрессе «была связана с происками английского правительства, не желавшего усиления России» [18, с. 44–46, 52–55, 59, 93, 95].

Главную роль в пересмотре взглядов на военные действия русской армии сыграл Е. В. Тарле, который объявил фактически о разрыве с дореволюционными взглядами на военную деятельность царя, заявив, что в «дореволюционной русской историографии, если (и то с большими оговорками) исключить С. М. Соловьева, Петр как полководец, в общем, был оценен недостаточно и ненаучно». Вместе с тем о походах русской армии после 1709 г. Е. В. Тарле сообщал кратко: шведы «утратили навсегда престиж и положение первоклассной сухопутной военной державы, и Карл XII утратил также решимость вновь лично встретиться с русскими на суше, хотя сухопутные битвы продолжались в Финляндии». Такое пренебрежительное отношение к зарубежным походам русской армии было необходимо автору, чтобы обосновать свой главный тезис: если бы у России было господство на Балтийском море, то Северная война закончилась бы в 1709 г. По мнению Е. В. Тарле, после 1709 г. Швеция, «не имея уже ни малейших шансов на победу или хотя бы на частичное возвращение потерянных земель, еще могла вести длительную, хотя и совершенно безрезультатную, войну на море, а главное, не теряла надежды отсидеться за морем и за своими шхерами и, даже избегая военных встреч с грозным неприятелем, не соглашаться на заключение мира». Амстердамский договор 1717 г. Е. В. Тарле рассматривал как документ, который не налагал ни на одну из сторон реальных обязательств [34, с. 26, 497, 511–513, 611–612].

В монографии Л. А. Никифорова, опубликованной в 1950 г., русский поход в Шведскую Померанию рассмотрен как угроза английским и австрийским интересам. Автор отметил, что боевые действия в Германии отвлекли бы силы Венского двора от борьбы с Францией, а Англия потеряла бы немецких наемников, составлявших значительную часть британских войск [27, с. 80].

Влияние концепции Е. В. Тарле о решающей роли русского флота в завершении Северной войны особенно заметно в монографии С. А. Фейгиной, опубликованной в 1959 г. По словам ученого, Тарле была впервые дана «надлежащая оценка русским десантным операциям на шведском побережье», которые заставили Швецию принять условия Петра Великого [36, с. 56].

В итоге у С. А. Фейгиной получилась противоречивая оценка результатов зарубежных походов (и в целом Северной войны) на 1716 г.: с одной стороны, Швеция потерпела военное поражение и была разорена, но все эти победы и занятие русскими войсками значительной части шведской территории не могли привести к миру. Одновременно С. А. Фейгина указала на Гавельсбергское соглашение 1716 г., которое, по сути, оформило русско-прусский военный союз, гарантировавший России при любом поведении Швеции закрепление за собой занятых во время зарубежных походов шведских территорий. Вероятно, С. А. Фейгина понимала, что Гавельсбергское соглашение является ударом по концепции о неизбежности десанта в Швеции. Поэтому автор попытался из высказываний прусского посланника Мардефельда 1718 г. о нецелесообразности оставления «за царем столько прекрасных земель и городов, лежащих так близко к Германии» и о том, что в случае смерти Петра I Швеция может получить обратно Ливонию, сделать вывод, что в 1718 г. прусские «дипломаты заговорили на другом языке». Но данный тезис исследователя об изменении политики Пруссии нельзя признать убедительным. Устные высказывания прусского посланника (к тому же шведского подданного), которого историк почему-то обозначил словом «дипломаты», могли в любой момент быть объявлены прусским королем как личное мнение Мардефельда, не имевшее ничего общего с волей его монарха. Декларация в Гавельсберге, сделанная от имени короля Пруссии, не могла быть объявлена неофициальным актом.

Описывая франко-русские переговоры, С. А. Фейгина вновь привела аргумент в пользу того, что для завершения Северной войны не требовался никакой десант на шведскую территорию. В мае 1717 г. русская делегация заявила французскому представителю Тессе, что Швеция на тот момент была «почти уничтоженная» страна. В донесении Тессе сообщил, что русские смеялись ему в лицо и говорили, что не нуждаются во французской гарантии будущего мира со Швецией.

В итоге С. А. Фейгина была вынуждена признать, что Франции была ясна «неизбежность для Швеции отказаться от значительной части всего завоеванного у нее Россией и пойти раньше или позже на русские условия мира». Аргументы в пользу того, что к 1717 г. вопрос признания завоеваний России был только делом времени, разбросаны по всему исследованию С. А. Фейгиной, чтобы читатель не пришел к этому выводу. Например, после описания не состоявшегося по инициативе России русско-датского десанта в Сконе в 1716 г. автор привел мнение Людовика XIV, высказанное в 1715 г., о том, что Швеция войну проиграла. Указание на это мнение в разделе о подготовке десанта в Сконе могло бы вызвать у читателя сомнение в необходимости этой операции в отношении Швеции, так как Людовик XIV считался опытным дипломатом и военачальником.

С. А. Фейгина говорит о том, что британский флот на Балтийском море никак не мог вернуть шведам их владения: английские корабли могли действовать только летом, причем в шхерах они вообще не могли ничего предпринять против русских галер в любое время года. Тем не менее в качестве важной научной новизны своего исследования С. А. Фейгина заявила, что показала «наступательные действия русского военного флота на шведском побережье в 1714–1721 гг., не привлекавшие до сих пор внимания наших историков», как важнейший фактор победы в Северной войне, который полностью компенсировал провал Аландского конгресса [36, с. 6, 89–90, 95–98, 107, 110, 128–129, 134–135, 138, 144–145, 152, 158, 202, 305, 318, 327, 401–402, 404, 483–484, 515].

Мы уделили столько места анализу монографии С. А. Фейгиной потому, что это исследование, по сути, стало наиболее подробным трудом по русской дипломатии второго и третьего этапов Северной войны в советской историографии послевоенного периода.

Л. Г. Бескровный в большом исследовании 1958 г. дал описание русской армии в XVIII в., где приведены сухие данные по каждому крупному сражению. Вместе с тем исследователь практически не коснулся дипломатического значения побед русской армии. Автор упомянул, что после поражений 1709 г. Карл XII предложил через генерала Мейерфельда мир, однако Петр I запросил Ингрию, часть Карелии с Выборгом, Нарву и Ревель, на что шведский король не согласился. Никакого дипломатического значения зарубежных походов русской армии исследователь не увидел, зато указал, что Амстердамский договор 1717 г. «и критическое внут-

ренное положение Швеции вынудило Карла XII согласиться на ведение мирных переговоров» [5, с. 215–216, 230, 232].

Н. Н. Молчанов в монографии, вышедшей в 1986 г., поставил вопрос о цели отправки русских войск в Померанию. Полемизируя с В. О. Ключевским и Т. К. Крыловой, Н. Н. Молчанов отметил, что операции в Шведской Померании были направлены на получение датского и саксонского признания российских завоеваний в Восточной Прибалтике, а также на использование датского флота для десантных операций в Швеции [24, с. 311].

В. С. Бобылев в монографии, опубликованной в 1990 г., сделал важный вывод о том, что после Прутского похода единственным путем к победе над Швецией было изгнание шведов из Южной Прибалтики и, возможно, высадка в Сконе. Автор расценил действия России в отношении Мекленбурга как установление русского протектората над герцогством. В оценке зарубежных походов В. С. Бобылев был краток: он считал, что русская дипломатия опиралась на успехи как русской армии, так и флота [8, с. 89, 96–99, 118, 129].

Особый интерес представляют исследования советских историков, которые в постсоветский период скорректировали свои взгляды. Речь идет о таких крупнейших специалистах, как Н. И. Павленко и Е. В. Анисимов.

В монографии «Полудержавный властелин», опубликованной в 1991 г., Н. И. Павленко дал следующую оценку зарубежным походам русской армии: «День 27 июля 1709 года решил исход войны, и если Швеция еще 12 лет тянула с подписанием мира, то объясняется это не ее способностью оказывать сопротивление, а неуязвимостью ее коренных земель – Россия не обладала достаточным флотом, чтобы угрожать ей вторжением... Кампания 1710 года позволила русским войскам без особого труда утвердиться на южном побережье Балтийского моря, были взяты крепости Рига, Ревель, Кексгольм, Динамюнде, а также Выборг». Эта цитата показывает отношение позднесоветской историографии к зарубежным походам русской армии: боевые действия не имели существенного значения до тех пор, пока русский флот не стал угрожать вторжением в Швецию. Одновременно историк привел мнение, которое опровергало позицию о незначительности боев в Померании. Король Дании писал, что уход русских войск из Померании положит на Данию всю «тягость войны». О походе в Финляндию автор писал вскользь: «Русские войска продолжали сражаться и на суше, вытесняя шведов из Финляндии» [30, с. 5–6, 95–96, 99, 102, 104].

В постсоветский период в исследовании «Петр I» Н. И. Павленко отметил, что в 1712 г. в Северной Германии союзники России «бесплодно» стояли у стен крепостей и для предотвращения распада союза Петру I пришлось отправиться в Померанию. Поход русской армии в Финляндию Н. И. Павленко описал кратко, указав, что, помимо прочих причин, потеря «опорных пунктов в Финляндии» нанесла «огромный ущерб экономическому и военному потенциалу» Швеции, которая «агонизировала», но без господства России на море Северную войну было невозможно завершить. Историк отметил, что в 1718 – первой половине 1719 г. военные действия со шведами были прекращены [29, с. 201, 207, 268].

В опубликованной в 1989 г. монографии «Время петровских реформ» Е. В. Анисимов взятие Штральзунда в декабре 1715 г. расценил как коренной перелом в Северной войне: «Империя шведов доживала последние дни». Поход русской армии в Германию автор рассматривал не только как «наиболее короткую дорогу к миру» с Карлом XII, но и как проявление «откровенно имперских замыслов, состоявших в расширении и упрочении влияния России как в соседних, так и в более отдаленных землях». Поход в Финляндию Е. В. Анисимов практически не описал. Но причинами согласия Швеции на Ништадтский мир Е. В. Анисимов назвал карательные десанты русских войск 1719–1721 гг. на побережье Швеции, общее разорение страны и пассивность Англии [2, с. 224–225, 232, 396, 405].

В постсоветский период взгляды Е. В. Анисимова несколько изменились: стало более мягкое отношение к Англии и более критичное отношение к Петру I. В статье 2021 г. исследователь расценил зарубежные походы в Германию и в Финляндию как политику «жесткого принуждения Швеции к миру» [1, с. 18–20, 22–23].

Негативное отношение к дипломатии Петра I в постсоветский период характерно не только для Е. В. Анисимова. В опубликованной в 2010 г. монографии С. Г. Нелиповича было отмечено, что в 1717 г. Петр I заключил против Вены союз с Францией и Голландией, который вскоре утратил «всякое значение», но сильно подорвал доверие к царю в Европе. По мнению С. Г. Нелиповича, после сражения между русско-прусским и ганноверским отрядами в 1719 г. у Вальсмюллена Петр I испугался «войны против почти всей Европы» и вывел русские войска из Мекленбурга [26, с. 9–13].

Современный историк А. В. Беспалов оценил союзные операции в Германии в 1711–1712 гг. как стояние на месте, в ходе которого каждый участник боев «стремился занять максимальное количество шведских владений и заявить на них свои права». Исследователь подчеркнул ключевую роль русских войск в разгроме шведов в Северной Германии и в их капитуляции там в 1713 г. [6, с. 300, 306] Вместе с тем А. В. Беспалов оставил без особого внимания боевые действия русских войск в Финляндии. Также историк не стал упоминать ни Амстердамский трактат 1717 г., ни Венский договор 1719 г.

Современный российский историк А. А. Стерликова отметила, что в 1714–1715 гг. Англия, Франция и Голландия неоднократно пытались навязать России, Дании и Пруссии мир со Швецией, при этом исследователь указал, что в том числе военные успехи русской армии в Прибалтике (без особого акцентирования на боевых действиях в Померании) и завоевание «части Финляндии» заставили крупные европейские государства заинтересоваться Северной войной [33, с. 56].

Российский историк Л. И. Ивонина повторила устоявшуюся точку зрения о том, что после 1709 г. результат Северной войны был «фактически предрешен» и что давление Англии заставило Петра I вывести русские войска из Мекленбурга [16, с. 115–116]. О роли похода русской армии в Финляндию Л. И. Ивонина даже не упомянула.

Возврат к оценкам А. Г. Брикнера проявился в исследовании современного российского историка Ю. А. Козловой. Исследователь, переоценивая сложившуюся в историографии оценку Мариенвердерского русско-прусского договора 1709 г. как незначительного соглашения, попытался доказать, что им «открывался новый фронт ведения войны, что само по себе для Швеции могло стать губительным». Тем самым Ю. А. Козлова отошла от традиционной позиции о том, что Швеция на тот момент проиграла Северную войну. Историк высоко оценил боевые действия в Померании, подчеркнув, что Пруссия оказала России «значительную помощь», направив в 1715 г. войско в Померанию.

Амстердамский договор 1717 г. Ю. А. Козлова оценила как не имевший существенного значения для русско-французских отношений, в чем историк солидаризировался с общепринятой историографической точкой зрения, но принципиальной новой была оценка исследователя этого трактата для русско-прусских отношений. Историк пришел к выводу, что это договор укрепил русско-прусские отношения, хотя тут же сделал противоречивое заключение о том, что Пруссия и так в 1709–1717 гг. «оставалась преданным российским союзником» [20, с. 268, 270, 272]. В данном случае позиция Ю. А. Козловой оказалась близка мнению А. Г. Брикнера о Пруссии как преданнейшем союзнике России.

Современные российские историки С. Н. Коротун и Е. А. Сучалкин отметили, что цели похода русской армии в Померанию были подстраховать датские войска и разбить оставшиеся там части шведов. Оба автора отвергли теорию немецких историков XIX в. о том, что Петр I стремился закрепиться в Германии, указав, что в ее основе лежат только «домыслы памфлетистов XVIII века» [21, с. 36, 39–40].

Неудивительно, что о зарубежных походах русской армии в российской историографии в настоящее время сложилось стереотипное мнение, выраженное в статье волгоградских историков С. А. и О. Н. Иванюк: в 1712–1713 гг. Петр I стремился перенести боевые действия на территорию Швеции, атаковав ее из Северной Германии и из Финляндии [15, с. 344–345]. Это мнение присутствует в большинстве работ по зарубежным походам русской армии.

Стоит также упомянуть и о трудах современных шведских историков. Они сконцентрировали свое внимание не на зарубежных походах русской армии, а на попытке Карла XII завоевать Норвегию. Шведский историк С. Уредсон отметил, что отказ Карла XII от «Акта о нейтралитете» 1710 г. привел к тому, что в Померанию вошла русско-саксонская армия. Ни Венский договор 1719 г., ни Амстердамский трактат 1717 г. С. Уредсон даже не упомянул, но отметил, что в сентябре 1718 г. Петр I взамен Прибалтики согласился предоставить Швеции территории своих бывших союзников – прежде всего Норвегию [3, с. 43–45, 51]. Другой шведский историк Г. Артеус подчеркнул, что только капитуляция армии Стенбока в Гольштейне «открыла для русского войска возможность оккупации Финляндии в 1713–1714 годах», и отметил, что Карл XII по непонятной причине бросил все силы на завоевание Норвегии. Г. Артеус также не упомянул ни Венский договор 1719 г., ни Амстердамский трактат 1717 г. и удивился тому, что для Карла XII оборона Прибалтики и Финляндии «явно не представлялась делом большой важности» [3, с. 132–133].

Здесь, с учетом изложенного, также стоит отметить мнение французской исследовательницы Ф.Д. Лиштенан, которая отмечает, что Петр I на переговорах в Берлине осенью

1717 г. со своим союзником Фридрихом Вильгельмом Пруссим в своих требованиях переходил все границы, с учетом фактического выигрышного положения, и «предпочитал продолжать конфликт, если надо, хоть двадцать лет» [23, с. 415].

Таким образом, в историографии зарубежных походов русской армии можно отметить несколько важных особенностей. Во-первых, очень слабо изучены боевые действия русской армии в Германии и Финляндии: как сами эти кампании, так и отдельные сражения. Эти боевые действия оказались в тени Полтавского сражения, которое рассматривается как решающее, после которого шло добивание Швеции. Следовательно, историки не видели смысла изучать вялые боевые действия в Померании или завоевание русскими войсками Финляндии. При этом игнорировался тот факт, что за 10 лет между Полтавским сражением и Аландским конгрессом при сохранении Померании и Финляндии Швеция могла восполнить людские потери от похода в Россию. Во-вторых, большую роль в изучении боевых действий в Померании всегда играла политизированность вопроса: в XIX в. благодаря немецким историкам сложилось представление о том, что Петр I хотел реализовать имперские замыслы, укрепившись в Германии. В-третьих, негативную роль сыграла позиция Е. В. Тарле, который отверг всю дореволюционную историографию и стал излишне подчеркивать роль русского флота, точнее десантных операций, на территории Швеции в 1719–1721 гг. В-четвертых, был прочно забыт фактор Аландских островов, важность захвата которых отмечали еще в XVIII в. А. Катиоро и И. И. Голиков. Дискуссионным является также вопрос о том, могли ли Англия и Священная Римская империя вмешаться в Северную войну, чтобы принудить Россию заключить мир со Швецией и выполнить Венский договор 1719 г. Все вышесказанное приводит к неизбежному пониманию того, что зарубежные походы русской армии нуждаются в тщательном комплексном исследовании, основанном на корреляции дипломатических шагов и конкретных сражений в Германии и Финляндии.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14(6). С. 7–29.
2. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л. : Лениздат, 1989. 496 с.
3. Артеус Г., Уредссон С. Царь Петр и король Карл XII. М. : Ломоносовъ, 2022. 208 с.
4. Бантыш-Каменский Д. Биографии Российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов. Ч. 1. М. : Тип-я третьего департамента министерства государственных имуществ, 1840. 303 с.
5. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М. : Воениздат, 1958. 606 с.
6. Беспалов А. В. Армия Карла XII: золотой век шведской армии. М. : Яуза-пресс, 2022. 416 с.
7. Бобжинский М. История Польши : в 2 т. Т. I. От зарождения государства до разделов Речи Посполитой. X–XVIII вв. / пер. с польского С. Ю. Чупрова. М. : Центрполиграф, 2024. 687 с.
8. Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : Издательство Университета дружбы народов, 1990. 168 с.
9. Богданович М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова: публичные лекции военной истории, читанные в 1846 году. СПб. : Типография Карла Крайя, 1846. 240 с.
10. Богословский М. Петр Великий и его реформа. М. : Издание Центрального Товарищества «Кооперативное издательство», 1920. 117 с.
11. Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/3543492
12. Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. 2. СПб. : Издание П.П. Сойкина, 1903. 284 с.
13. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из разных источников и расположенные по годам. Сочинение И.И. Голикова. Т. 5. М. : Тип-я Николая Степанова, 1838. 616 с.
14. Заозерский А. Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев. Портрет на фоне Петровской эпохи. М. : Ломоносовъ, 2022. 240 с.
15. Иванюк С. А., Иванюк О. Н. Стратегические успехи Петра I в Северной войне: переиграть и уничтожить // «Не чародей, а гений...»: личность Петра Великого на фоне эпохи : материалы XV Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022 года. СПб. : Европейский Дом, 2023. С. 320–346.
16. Ивонина Л. И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII века // Исторический формат. 2015. № 3. С. 107–119.
17. Катиоро А. Жизнь Петра Великого. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.
18. Кафенгауз Б. Б. Петр I и его время. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948. 172 с.
19. Ключевский В. О. Курс русской истории. М. : Директ-медиа, 2012. 719 с.
20. Козлова Ю. А. Русско-пруссские отношения в годы Северной войны (1709–1717 гг.) // Преподаватель XXI век. 2018. № 1. С. 267–274.

21. Коротун С. Н., Сучалкин Е. А. Что им было надобно, чрез славное оружие Вашего Величества получили, и ныне нас хотя бы и на свете не было». Противостояние России, союзных и нейтральных стран Европы на завершающем этапе Северной войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 35–40.
22. Крылова Т. К. Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий : сб. ст. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 104–167.
23. Лиштенан Ф. Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 567 с.
24. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М. : Международные отношения, 1986. 445 с.
25. Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г. (документы государственного архива). СПб. : Военная тип-я, 1893. 468 с.
26. Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М. : Квадрига : Объединенная редакция МВД России, 2010. 408 с.
27. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. : Госполитиздат, 1950. 276 с.
28. Павленко Н. И. Петр I. М. : Молодая гвардия, 2003. 428 с.
29. Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 422 с.
30. Панов В. А. Петр I как полководец. М. : Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1940. 131 с.
31. Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Кн. 9. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1963. 705 с.
32. Стерликова А. А. Россия и Европейские страны к середине Северной войны (1714–1715) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 4. С. 56–65.
33. Тарле Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. : АСТ, 2011. 704 с.
34. Фейгина С. А. Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 546 с.

Foreign campaigns of the Russian Army in the Second and Third stages of the Northern War in historiography

Pelikhov Alexander Vladimirovich

postgraduate student of Department of Russian History, Ural Federal University. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: pelikhoff@rambler.ru

Abstract. The article discusses the current problems of historiography of the foreign campaigns of the Russian army in the second and third stages of the Northern War. The article examines the assessments of domestic and foreign historians of the military and diplomatic significance of the military operations waged by the Russian army against Sweden in Germany and Finland. The author pays attention to the influence of the political context in which the research was written on the assessment data. The study revealed insufficient knowledge of the foreign campaigns of the Russian army. It is shown that historiography has formed the opinion that the Northern War was actually won as a result of the Battle of Poltava and ignored the fact that Sweden could make up for human losses in 10 years. As a result, historians have hardly studied the fighting itself in Germany and Finland, or its diplomatic consequences. In the 20th century, the desire of Soviet historians to show the decisive importance of the actions of the Russian fleet at the last stage of the Northern War played a negative role in the study of these campaigns. There was also no assessment of the ability of England and other European countries to take Swedish territories from Russia if the tsar refused to make peace. Thus, several important features have emerged in the historiography of the Russian Army's foreign campaigns. Among them, the Russian Army's military actions in Germany and Finland both the campaigns themselves and individual battles have been very poorly studied. These military actions were overshadowed by the Battle of Poltava, yet it was precisely as a result of them that the victorious Treaty of Nystad was concluded. Consequently, the Russian Army's foreign campaigns require a thorough, comprehensive study based on the correlation between diplomatic actions and specific battles in Germany and Finland.

Keywords: Russia, Sweden, Northern War, Russian army, diplomacy, historiography.

References

1. Anisimov E. V. *Vojna i mir Petra Velikogo* [War and peace of Peter the Great] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – MGIMO University Bulletin. 2021. No. 14 (6). Pp. 7–29.
2. Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform* [The time of Peter the Great's reforms]. L., Lenizdat, 1989. 496 p.
3. Arteus G., Uredsson S. *Car' Petr i korol' Karl XII* [Tsar Peter and King Charles XII]. M., Lomonosov, 2022. 208 p.
4. Bantysh-Kamenskij D. *Biografii Rossijskikh Generalissimov i General-Fel'dmarshalov. Ch. 1* [Biographies of Russian Generalissimos and Field Marshals. Part 1]. M., Printing house of the third department of the Ministry of State Property, 1840. 303 p.

5. Beskrovnyj L. G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki)* [The Russian Army and Navy in the 18th Century (Essays)]. M., Voenizdat, 1958. 606 p.
6. Bepalov A. V. *Armija Karla XII: zolotoj vek shvedskoj armii* [The Army of Charles XII: The Golden Age of the Swedish Army]. M., Yauza-press, 2022. 416 p.
7. Bobzhin'skij M. *Istoriya Pol'shi. V 2-h t.: T. I. Ot zarozhdeniya gosudarstva do razdelov Rechi Pospolitoj. X-XVIII vv.* [History of Poland. In 2 vols.: Vol. I. From the Birth of the State to the Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. 10th–18th centuries.] / transl. with Polish. S. Y. Chuprova]. M., Centrpoligraf, 2024. 687 p.
8. Bobylev V. S. *Vneshnyaya politika Rossii epohi Petra I* [Foreign policy of Russia in the era of Peter I.]. M., Publishing House of Peoples' Friendship University, 1990. 168 p.
9. Bogdanovich M. I. *Zamechatel'nejshie pohody Petra Velikogo i Suvorova: publichnye lekcii voennnoj istorii, chitannye v 1846 godu* [The most remarkable campaigns of Peter the Great and Suworov: public lectures on military history, delivered in 1846]. SPb., Karl Kray Printing House, 1846. 240 p.
10. Bogoslovskij M. *Petr Velikij i ego reforma* [Peter the Great and his reform]. M., Published by the Central Partnership "Cooperative Publishing House", 1920. 117 p.
11. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: https://old.bi-genc.ru/military_science/text/3543492.
12. Brikner A. G. *Illyustrirovannaya istoriya Petra Velikogo* [Illustrated History of Peter the Great]. Vol. 2. SPb., Published by P. P. Soikin, 1903. 284 p.
13. Golikov I. I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz raznyh istochnikov i raspolozhennye po godam. Sochinenie I. I. Golikova* [The Acts of Peter the Great, the Wise Transformer of Russia, Collected from Various Sources and Arranged by Year. A Work by I. I. Golikov]. Vol. 5. M., Nikolay Stepanov Printing House, 1838. 616 p.
14. Zaozerskij A. *Fel'dmarshal Boris Petrovich Sheremetev. Portret na fone Petrovskoj epohi* [Field Marshal Boris Petrovich Sheremetev. Portrait against the backdrop of the Peter the Great era]. M., Lomonosov, 2022. 240 p.
15. Ivanyuk S. A., Ivanyuk O. N. *Strategicheskie uspekhi Petra I v Severnoj vojne: Pereigrat' i unichtozhit' [Peter the Great's Strategic Successes in the Northern War: Outplay and Destroy] // "Ne charodej, a genij...": Lichnost' Petra Velikogo na fone epohi: Materialy XV Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa – "Not a Sorcerer, but a Genius...": The Personality of Peter the Great Against the Background of the Era: Proceedings of the XV International Peter the Great Congress. SPb., European House, 2023. Pp. 320–346.*
16. Ivonina L. I. *Padenie Shvedskoj imperii i mezhdunarodnye otnosheniya v Evrope konca XVII – nachala XVIII vv.* [The fall of the Swedish Empire and international relations in Europe in the late 17th – early 18th centuries] // *Istoricheskij format – Historical Format*. 2015. No. 3. Pp. 107–119.
17. Katiforo A. *Zhizn' Petra Velikogo* [The Life of Peter the Great]. M., New Literary Review, 2022. 456 p.
18. Kafengauz B. B. *Petr I i ego vremya* [Peter I and his time]. M., State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 1948. 172 p.
19. Klyuchevskij V. O. *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian history]. M., Direkt-media, 2012. 719 p.
20. Kozlova Yu. A. *Russko-prusskie otnosheniya v gody Severnoj vojny (1709–1717 gg.)* [Russian-Prussian relations during the Northern War (1709–1717)] // *Prepodavatel' XXI vek – Teacher XXI century*. 2018. No. 1. Pp. 267–274.
21. Korotun S. N., Suchalkin E. A. *"Chto im bylo nadobno, chrez slavnoe oruzhie Vashego Velichestva poluchili, i nyne nas hotya by i na svete ne bylo". Protivostoyanie Rossii, soyuznyh i nejtral'nyh stran Evropy na zaver-shayushchem etape Severnoj vojny* ["What they needed, they got through the glorious weapons of Your Majesty, and now, even if we were no longer in this world". The confrontation between Russia, the allied and neutral countries of Europe at the final stage of the Northern War] // *Voенно-istoricheskij zhurnal – Military History Journal*. 2021. No. 1. Pp. 35–40.
22. Krylova T. K. *Poltavskaya pobeda i russkaya diplomatiya* [The Poltava victory and Russian diplomacy] // *Petr Velikij : sbornik statej – Peter the Great : collected articles*. M. ; L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947. Pp. 104–167.
23. Lishtenan F. D. *Petr Velikij. Okno v Evropu. Rozhdenie Rossijskoj imperii* [Peter the Great. Window to Europe. The Birth of the Russian Empire]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 2021. 567 p.
24. Molchanov N. N. *Diplomatiya Petra Velikogo* [Diplomacy of Peter the Great]. M., International Relations, 1986. 445 p.
25. Myshlaevskij A. Z. *Severnaya vojna na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrah v 1708–1714 g. (dokumenty gosudarstvennogo arhiva)* [The Northern War in the Ingrian and Finnish theaters in 1708–1714 (documents of the state archive)]. SPb., Military Type, 1893. 468 p.
26. Nelipovich S. G. *Soyuz dvuglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII v* [The Union of Double-Headed Eagles: a Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century.]. M., Kvadriga, 2010. 408 p.
27. Nikiforov L. A. *Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I* [Russian-English relations under Peter the Great]. M., Gospolitizdat, 1950. 276 p.
28. Pavlenko N. I. *Petr I* [Peter I]. M., Molodaya gvardiya (Young Guard), 2003. 428 p.
29. Pavlenko N. I. *Poludержavnij vlastelin* [The semi-sovereign ruler]. M., Political Literature Publishing House, 1991. 422 p.

30. Panov V. A. *Petr I kak polkovodec* [Peter I as a Commander]. M., State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR, 1940. 131 p.
31. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. Kniga 9* [History of Russia from ancient times: Book 9]. M., Publishing House of Social and Economic Literature, 1963. 705 p.
32. Sterlikova A. A. *Rossiya i Evropejskie strany k seredine Severnoj vojny (1714–1715)* [Russia and European countries by the middle of the Northern War (1714–1715)] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Bulletin of the A. S. Pushkin Leningrad State University. 2008. No 4. Pp. 56–65.
33. Tarle E. V. *Severnaya vojna: Severnaya vojna i shvedskoe nashestvie na Rossiyu. Russkij flot i vneshnyaya politika Petra I* [The Great Northern War: The Great Northern War and the Swedish invasion of Russia. The Russian fleet and the foreign policy of Peter the Great.]. M., AST, 2011. 704 p.
34. Fejgina S. A. *Alandskij kongress: Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny* [The Åland Congress: Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War]. M., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 546 p.

Поступила в редакцию: 02.09.2025

Принята к публикации: 11.12.2025

Гаяз Исхаки и его сокамерники в чистопольской тюрьме (по материалам повести «Зиндан»)

Ахметова Миляуша Ансаровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук», Россия, г. Казань. ORCID: 0000-0002-1051-5169.
E-mail: ama201289@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется в контексте изучения национальной литературы, истории и культурной идентичности, где особое значение приобретают художественные произведения и исторические источники как носители коллективной памяти и этнической самобытности. Произведение является важным источником для понимания не только историко-литературного и социально-политического процессов региона, но и духовного состояния общества страны в условиях революционных перемен. Цель статьи – раскрыть образы героев, судьбы которых отражены в ранней автобиографической повести классика татарской литературы Гаяза Исхаки «Зиндан». Предметом изучения является документальная повесть «Зиндан», которая воссоздает картины общественно-политической жизни страны, Казанской губернии и ее провинции. При внимательном изучении повести «Зиндан» с целью увидеть и понять особенности общественно-политической жизни того времени, мы убедились в том, что в микромире провинциального города отражаются характерные для всей страны картины. Вклад художника слова в формирование нового мировоззрения современников выявляется с течением времени. Более чем через 100-летие читатель получает возможность внимательно взглянуть в прошлое, дабы, усвоив те уроки, жить более комфортно в современной ему действительности. Опыт своей страны основополагающий, никакие чужеземные модели не приживаются на другой национальной почве, и этот опыт необходимо внимательно изучать, чтобы лучше понять самих себя. Творческое наследие Г. Исхаки в настоящее время разносторонне изучается, и данная статья – это попытка через его раннее произведение увидеть перспективы его дальнейшего творческого пути. Новые знания, полученные путем кропотливых трудов, могут быть использованы как исследователями татарской литературы XX столетия, так и преподавателями вузов, аспирантами и студентами, изучающими наследие Г. Исхаки.

Ключевые слова: Чистополь, чистопольская тюрьма, 1906–1907 гг., Гаяз Исхаки, Гариф Бадамшин, Наджиб Амирханов.

Город на Каме – Чистополь – особая точка на карте России с историко-культурным и литературным ландшафтом, не имеющим аналогов в стране. В разное время «Чистополь был местом рождения, пребывания, творческого вдохновения, упоминания многих писателей», среди которых – классики «русской литературы» А. Радищев, В. Жуковский, Г. Успенский, А. Чехов, В. Немирович-Данченко, В. Короленко, татарской художественной словесности – Г. Утыз-Имяни, Ф. Амирхан, Г. Исхаки, Х. Туфан» [11, с. 7].

Национальное культурное наследие Чистополя, представленное именами Гаяза Исхаки, Фатыха Амирхана, Галиаскара Гафурова-Чыгтая и других, издавна привлекает к себе внимание ученых-исследователей. Чистопольские страницы жизни и начальный период творчества будущего классика татарской литературы Гаяза Исхаки достаточно активно изучаются: в 2024 г. в рамках научно-художественного проекта «Чистополь литературный» [3], автором идеи и руководителем которого является доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан Наиль Мансурович Валеев, опубликована на русском языке нашумевшая повесть Исхаки «Зиндан» с объемной вступительной статьей, в которой и расставлены основные вехи жизни и творчества Исхаки раннего периода его деятельности.

В данной статье мы остановимся на первом тюремном опыте Гаяза Исхаки и его окружения во время двухмесячной отсидки в чистопольской тюрьме в 1906–1907 гг. Освещая чистопольский период жизни и творчества Исхаки, необходимо назвать и тех людей, с кем Исхаки сидел в чистопольской тюрьме, поскольку и через его повесть «Зиндан» («Тюрьма») их имена записаны на скрижали истории.

27 декабря 1906 г. Исхаки был арестован и заключен в Чистопольскую уездную тюрьму. Арест был связан с приближающимися выборами во Вторую Государственную думу Российской Федерации, которые состоялись в феврале-марте 1907 г. Напряженная политическая обстановка в стране и крае привела к тому, что даже полиция, объединившись с представителями «черносотенного движения», с целью не допустить избрания не угодных власти людей, начала производить аресты оппозиционеров. Гаяза Исхаки, как активного и уже популярного у народа участника общественно-политического движения, выражавшего оппозиционные взгляды, необходимо было ограничить в правах. Гаяз Исхаки и Фуад Туктаров не смогли пройти дальше чистопольского этапа выборов и были исключены из списка уполномоченных, выбранных на волостных сходах, для участия в губернском избирательном собрании. Фуад Туктаров был лишен избирательных прав на основании того, что не живет в родной деревне. Сдружился он с Гаязом Исхаки еще во время учебы в Казанской татарской учительской школе, когда Фуад Туктаров увлекся общественной и политической деятельностью. С тех пор Исхаки стал его единомышленником. Необходимо сказать о чистопольских корнях Фуада (Махмуд-Фуада) Туктарова (1880–1938). Он сын известного просвещенного муллы Фасаха-хаджи Туктарова из д. Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда Казанской губернии. Отец Фуада, Фасак-хаджи, «получивший основательное образование, побывавший во многих мусульманских странах арабского Востока», владел «одной из богатейших во всей округе» библиотек, а его гостеприимный дом «часто посещали известные мусульманские ученые и муллы, купцы со всего Волго-Уральского региона» [10, с. 120]. Дедушка Фуада Туктарова по материнской линии – Сиразетдин Бадамшин, отец Гарифа Бадамшина, депутата от Казанской губернии, представлявшего мусульманское население края в Государственной думе первых двух созывов (1906–1907). После смерти отца воспитанием Фуада Туктарова занялся его дедушка Сиразетдин Бадамшин.

Тюремные будни писателя в пенитенциарном заведении Чистополя разделяли чистопольский купец, торговец мануфактурными товарами, общественный деятель, кандидат в депутаты Государственной думы Гариф Бадамшин и дядя классика татарской литературы Фатыха Амирхана, руководитель медресе, талантливый педагог Наджиб Амирханов. Сторонники черносотенного движения для снижения влияния эсеров (социалистов-революционеров), куда входили и чистопольский купец, и руководитель медресе, добились их ареста 13 декабря 1906 г. В чистопольской тюрьме они были недолго, 1,5–2 месяца: Гарифа Бадамшина выпустили 27 января 1907 г., а Наджиб Амирханов вышел на свободу 11 февраля 1907 г. Их арест был необходим черносотенцам, чтобы добиться успехов на выборах, поскольку «во время предыдущих выборов черносотенцы не смогли продвинуть ни одного своего представителя и обвинили в этом блок мусульман и кадетов, а в его организации – дамеллу Наджиба» [3, с. 101].

Один из сокамерников Гаяза Исхаки в чистопольской тюрьме – Мухаммед-Наджиб Амирханов (Наджиб Амирханов) – мударрис, верой и правдой служивший мусульманам Чистополя и обучавший шакирдов на протяжении пятнадцати лет. Указной мулла, имам Первой соборной мечети города Чистополя был арестован на основании доноса местных жителей, которых власть предрешающие настроили против него. Сведения против Наджиба Амирханова, полученные агентурным путем, содержат признаки преступления, предусмотренного статьей 132 Уголовного уложения. Его обвиняют в распространении среди мусульман Чистополя речей противоправительственного характера, призывающих к свержению правительства, в «агитации среди мусульманского населения города Чистополя и внушении таковому преступных мыслей о необходимости замены существующего государственного строя народным управлением страной» [2, л. 28об.].

Повесть Гаяза Исхаки «Зиндан» непосредственно связана с Чистополем не только по времени написания, но и темой, событиями, относящимися к истории прикамского города, и является источником для характеристики чистопольского быта начала XX столетия. Наджиб Амирхан, по словам Г. Исхаки, был «физически здоров, по природе своей спокоен и терпелив, что позволяло ему переносить тюремные невзгоды сравнительно легко» [3, с. 125]. Но его очень беспокоило положение семьи: жены и шестерых детей, которые сильно переживали, а

на свой арест и лишение указа он реагировал сравнительно спокойно. Источником удовлетворения дамеллы, по мнению Г. Исхаки, служил его арест, который «повлиял на воспитание мусульман в протестном духе, на усиление градуса их революционности» [3, с. 125].

Наибольшей проблемой в тюрьме для Наджиба Амирхана было незнание русского разговорного языка, которое сильно огорчало его, и, «когда другие смеялись или весело горланили, он оставался молчалив. Он был не в состоянии поделиться своими душевными переживаниями ни с кем, кроме нас», – пишет Г. Исхаки [3, с. 126].

Освобождение Наджиба Амирхана было праздником для чистопольцев, и каждый со слезами на глазах направлялся в дом хазрата. О подробностях тех дней рассказывает нам газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), где автор отклика М. Богданов отметил, что «в честь освобождения Наджиба Амирханова отменили уроки в медресе и мектебе, а дети вышли на улицы Чистополя, радостными возгласами приветствуя любимого наставника. 13 февраля в честь выхода хазрата из тюрьмы в Чистопольском медресе было проведено застолье, на котором присутствовали известные жители города. На празднике выступили с речами Наджиб эфенди, Гариф Бадамшин, а шакирды читали стихи, исполняли задушевные песни» [4]. Данный материал взят из открытых источников, но в данном номере газеты эта публикация отсутствует, как и в ближайших номерах. Поскольку информация представляет определенный интерес, мы продолжили поиск. Подтверждение мы находим в архивном деле Казанского губернского жандармского управления по обвинению муллы города Чистополя Мухамет-Наджиба Амирханова [2]. Документ, полученный 19 февраля 1907 г. под грифом «секретно» от вахмистра дополнительного штата Казанского губернского жандармского управления в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах Матвея Зотова, сообщает, что «13 сего февраля мусульманское население гор. Чистополя прекращало на два часа времени все торгово-промышленные занятия и совершало торжественное молебствие по случаю освобождения из тюрьмы муллы Мухамет-Назыпа Амирханова и выбора в члены Государственной Думы Гарифа Серазетдинова Бадамшина, причем в пользу Амирханова собрано около тысячи рублей денег и избрана депутация ходатайствовать о возвращении Амирханову указа на звание муллы, отобранного у него при аресте. Бадамшин занят теперь учетом и приведением в порядок своего мануфактурного магазина и намеревается выехать в С.-Петербург 20 или 21 февраля, говоря, что быть там непременно к открытию Думы не обязательно» [2, л. 32].

Архивные документы свидетельствуют и о религиозных обрядах, проводимых в праздничные дни для магометан-арестантов, содержащихся в чистопольской тюрьме. Приведем отрывок из рапорта начальника тюрьмы, адресованного казанскому губернскому тюремному инспектору: «Содержащиеся во вверенной мне тюрьме арестанты православного и магометанского вероисповеданий, по чувству искренней преданности Его Императорскому Величеству Государю императору, заявили мне желание совершить молебствие о ниспослании исцеления Его Величеству от постигшей его болезни. Сего числа в 10 часов утра, согласно изъявленного желания арестантов, в тюрьме отслужили молебствия для православных священник Спасской церкви г. Чистополя Сергей Казанцев, а для магометан указанный мулла Мухамед-Назип Амирханов...» [1, с. 340]

Другой сиделец – Бадамшин Гариф Сиразетдинович (1865–1939), который родился в крестьянской семье в деревне Новые Челны Спасского уезда Казанской губернии. Образование получал в Чистопольском медресе, которое не закончил. Отец Сиразетдин и старший брат Гарифа Зариф занимались торговлей мануфактурными товарами, и сам Гариф «во время самых горячих заседаний Думы уезжал домой и занимался торговлей на ярмарках. Во время разгона первой Думы он был на очередной ярмарке и потому не смог поехать в Выборг» [7, с. 95–96]. Однако торговая деятельность и незначительные размеры оборотного капитала «не позволили причислить Бадамшиных ни к одной из существующих купеческих гильдий» [8, с. 45].

Фуад Туктаров, автор резонансной книги о депутатах-мусульманах в Думе первых трех созывов, в небольшом очерке о Гарифе Бадамшине отмечает, что в Чистополе у него имеется дом и магазин, торгующий фабричными тканями. 1906 год, как пишет Гаяз Исхаки в «Зиндане», был экономически неблагоприятным для Гарифа Бадамшина: отсутствие управляющего в магазине привело к значительному материальному ущербу, неустойчивость и нестабильность в торговых делах сильно угнетали его.

В книге «Члены Государственной Думы (портреты и биографии)», составленной М. М. Боиовичем, обозначена лишь национальность – татарин, сословие – чистопольский купец – и отношение к конституционно-демократической партии [14, с. 110]. В другом источнике о Бадамшине да-

ется следующая информация: «Бадамшин Гариф Серазетдинович, родился в 1865 г., трудовик, татарин Спасского уезда. Грамоте обучался дома. Занимается хлебопашеством и торговлей мануфактурными товарами. Член Государственной Думы 1-го созыва» [13, с. 10].

В брошюре, при составлении которой были использованы сведения, почерпнутые из периодической печати, отзывы лиц, близко знавших народных представителей, информация немного отличается от предыдущих: «Бадамшин Гариф Серазитдинович, чистопольский купец, по национальности чувашин, по происхождению – крестьянин. Беспартийный прогрессист» [12, с. 28]. По всей вероятности, его ошибочно записали в чуваша.

Чистопольский торговец Гариф Бадамшин, владевший бакалейной лавкой, осуществлявший торговлю мануфактурными товарами, «не слишком хорошо знавший русский язык и довольно слабо разбиравшийся в политических хитросплетениях» [9, с. 161], обучался только «в мусульманской школе и разговаривает на ломаном русском языке, может с трудом читать и писать на нем. В период возникновения среди татар в деревнях вдоль Волги и Камы проблемы новаторских джадидистских методов обучения он получил известность благодаря чтению турецких газет и новизне своего мышления», – пишет Фуад Туктаров [7, с. 95].

Думается, представляет немалый интерес для читателей биографический очерк Фуада Туктарова о своем дяде Гарифе Бадамшине, порой отражающий личное отношение автора к нему. Приведем отрывок: «Во время событий 1905 года среди знакомых соратников прославился своими радикальными идеями. Перед общественностью и на собраниях-трапезах мог красиво и увлекательно выступать на татарском языке. Естественно, что на собраниях губернских крестьян, обсуждавших кандидатов в первую государственную Думу, Гариф эфенде выглядел самой привлекательной персоной. Поэтому он без особых проблем был избран в Первую Думу. Прибыв в Думу, он записался в трудовую группу. Однако позднее стало понятно, что сделал он это не по своим внутренним убеждениям, а чтобы не вступать в конфликт с другими мусульманскими депутатами. С трибуны Думы ни разу не выступил, в комиссиях также не работал. Будучи членом двух думских созывов, он не смог произнести с их трибуны ни одного слова. Был избран в бюджетную комиссию, но и там не смог высказаться или что-либо сделать. Даже заседания посещал редко» [7, с. 95–96].

Автором доноса на Гарифа Бадамшина, пишет Исхаки, был «городской голова – октябрист», «негодяй-старовер», который был готов на всякие пакости, лишь бы устранить с пути Бадамшина и занять его место. В декабре 1906 г. Бадамшин был арестован за «распространение антиправительственного Выборгского воззвания среди татарского населения» [6, с. 270]. Нахождение в тюрьме для Гарифа Бадамшина оказалось тяжелым испытанием, и большую часть своего пребывания там он испытывал сильное беспокойство. В «Зиндане» Исхаки описал душевное состояние земляка: «Его нервы поизносились, он стал заметно более раздражительным, часто вспыхивал, как спичка. Даже небольшая простуда практически полностью выводила его из строя. Зубная боль вынуждала его часами лежать на нарах» [3, с. 125]. Двухмесячное пребывание в чистопольской тюрьме создало бывшему депутату «репутацию революционера, выразителя народных интересов и обеспечило его избрание в Думу 2-го созыва» [8, с. 320]. Членом Государственной думы второго созыва он был избран 7 февраля 1907 г. После разгона Второй думы Гариф Бадамшин возвращается в Чистополь и продолжает семейное дело: занимается торговлей мануфактурными товарами и отходит от политической деятельности. Умер он в 1939 г., похоронен на мусульманском кладбище, могила утеряна.

Арест уважаемых чистопольцев произвел сильное впечатление на население, во всех сельских местностях обсуждали это событие. Народ провинциального города, еще более озлобленный на местные власти, стал «свидетелем тому беззаконию, о котором раньше говорили, основываясь на слухах» [3, с. 102]. Отец Исхаки, семидесятилетний мулла, произносил оппозиционные речи на религиозных обрядовых собраниях, мусульмане Чистополя активно агитировали население оказывать сопротивление режиму, в магазинах, лавках, чайных и постоянных дворах Чистополя устраивались митинги, выступая на которых активисты говорили с возмущением о проявлениях деспотизма и тирании, причинах чиновничьего насилия и путях борьбы с ним. Исхаки считал, что арест их «полезен с точки зрения воспитания в народе чувства протеста и духа сопротивления» [3, с. 102], и вместо того, чтобы выразить сочувствие арестантам, он их поздравил. Он радовался неумному действию чиновников, которое настраивало население города против себя, и был благодарен полиции Чистополя за произвол, облегчавший пропаганду, которую вел Исхаки, сделав ее наглядной.

Из других политических заключенных в чистопольской тюрьме сидел крестьянин, землепашец с начальным образованием, член конституционно-демократической партии, член

Государственной думы I созыва от Казанской губернии Марк Нестерович Герасимов (1873– ?) [14, с. 112]. М. Н. Герасимов – крестьянин из деревни Бурнашево Чистопольского уезда Казанской губернии. Начальное образование получил дома. Служил сельским писарем. Проводил беседы с односельчанами на общественные темы, из-за чего находился «на большом подозрении у полиции». У односельчан пользовался авторитетом. 14 апреля 1906 г. избран в Государственную думу I созыва от общего состава выборщиков Казанского губернского избирательного собрания. В вышепротитированном издании М. Н. Герасимова относят к членам конституционно-демократической партии, однако в Думе он был активным членом Трудовой группы, возникшей российской политической организации в апреле 1906 г. в Первой Государственной думе и существовавшей в 1906–1917 гг. Вернулся на родину после роспуска Думы, был под надзором полиции. В результате проведенного обыска у Герасимова были изъяты стенографические отчеты, книги и брошюры, купленные в магазине, и переписка. Привлечен к уголовной ответственности по статье 132 Уложения о наказаниях, но 8 декабря 1906 г. суд полностью оправдал Герасимова. Через четыре дня, ночью 12 декабря 1906 г., у Герасимова опять проведен обыск, были вновь изъяты письма и несколько нелегальных брошюр. Возбуждено новое дело по обвинению бывшего депутата во «вредной в политическом отношении деятельности» (статья 130 Уложения о наказаниях). Герасимов был помещен в чистопольскую тюрьму, в которой сидел вплоть до 18 февраля 1907 г., то есть до окончания выборов во Вторую думу. В «Зиндане» говорится о том, что стало известно о неизбрании бывшего депутата Герасимова в Думу на новый срок «из-за прямого вмешательства земского начальника, стражников и станowego пристава» [3, с. 115]. Решением министра внутренних дел в феврале 1907 г. дело в отношении Герасимова прекращено из-за отсутствия существенных оснований для привлечения его к судебной ответственности. Герасимов был освобожден из заключения, но по-прежнему был оставлен под негласным надзором полиции и несколько раз подвергался обыскам. Чтобы избежать продолжающихся преследований, он был вынужден оставить свою деревню и скитаться два месяца без определенного места жительства. Дальнейшая его судьба и дата смерти неизвестны.

В чистопольской тюрьме Г. Исхаки был десятым политическим узником, об этом он пишет 1 февраля 1907 г., к которым относились три сельских учителя, двое типографских служащих, сельский писарь, два члена Государственной думы (М. Н. Герасимов и Г. С. Бадамшин) и чистопольский мулла (дамелла Наджиб Амирханов). В тюрьме также сидели Иван Кунучев и практикующий врач Н. В. Дерягин, выход последнего на свободу никак не сказался на жизни тюрьмы, и, по описанию Исхаки, «был помещен сюда недавно и не стал пока полноценным членом тюремного «коллектива», да к тому же относился к кадетам и держал себя несколько высокомерно по отношению к другим политическим» [3, с. 120]. Кроме них, в тюрьме содержались задержанные без суда и следствия жители деревень, арестованные по земельному вопросу, и 17 русских крестьян из села Мамыково, которые якобы бунтовали после того, как стражники убили их попа и дьякона, и помещены были они в камеру к уголовникам. 7 февраля 1907 г. Исхаки пишет о содержании «еще около двадцати политических заключенных русской национальности, а также двадцати пяти крестьян, заключенных за участие в земельных беспорядках» [3, с. 127]. В некоторых источниках указывается, что в камере чистопольской тюрьмы Исхаки сидел со своим «другом Рашидом Нигмати» [5, с. 147], однако данная информация не подтверждается ни в его повести «Зиндан», ни в автобиографии Г. Исхаки, ни в архивных документах, изученных нами. Общеизвестно, что в камере с Исхаки сидели чистопольцы Гариф Бадамшин и Наджиб Амирханов, достаточно авторитетные люди в городе.

Сочувственное описание сокамерников, данное Гаязом Исхаки в повести «Зиндан», написанной в чистопольской тюрьме, передает особенности восприятия окружающей жизни начинающим писателем. Чистопольская тюрьма, ее сидельцы, местные политические страсти – об этом рассказано автором вполне реалистично, доступным для читательской аудитории языком и отражает атмосферу той далекой эпохи.

Список литературы

1. ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 2. Оп. 12. Д. 33.
2. ГА РТ. 199. Оп. 1. Д. 348. Л. 28об., 32.
3. Исхаки Г. Зиндан / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Ахметовой. Казань : Заман, 2024.
4. Казан мөхбире (Казанский вестник). 1907. № 88.
5. Карташова Л. Б. Как «враг народа» Гаяз Исхаки стал национальным героем Татарстана // Чистополь и чистопольцы: из прошлого и настоящего. Казань : По городам и весям, 2004.

6. Татарская энциклопедия : в 6 т. Т. 1: А – В / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань : Институт татарской энциклопедии Академия наук Республики Татарстан, 2002.
7. Усал М.-Ф. Беренче, икенче вә өченче Думада депутатлар мәселмәнар һәм аларның кылган эшләре (О депутатах-мусульманах I, II и III созывов Государственной Думы и их деятельности). Казан : Лито-тип. И. Н. Харитонов; Хөсәен Әбүзәров нәшре, 1909.
8. Усманова Д. М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань : Татар. кн. изд-во, 2006.
9. Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте: 1906–1916. Казань : Фән (Академия наук Республики Татарстан), 2005.
10. Усманова Д. М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России: 1906–1907. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002.
11. Чистополь литературный : энцикл. / авт.-сост. Н. М. Валеев. Казань : Заман, 2017.
12. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв: 1907–1912 гг. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907.
13. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв: 1906–1911 гг. / сост. М. М. Бойович. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906.
14. Члены Первой Государственной Думы: с портретами. М. : ПЕЧАТЬ и ГРАВЮРА, 1906.

Gayaz Ishaki and his inmates in Chistopol prison (based on the materials of the story "Zindan")

Akhmetova Milyausha Ansarovna

PhD in Philological Sciences, senior researcher of the Research laboratory of multifactorial humanitarian analysis and cognitive philology, Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences".
Russia, Kazan. ORCID: 0000-0002-1051-5169. E-mail: ama201289@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study is determined in the context of the study of national literature, history and cultural identity, where works of art and historical sources are considered particularly important as carriers of collective memory and ethnic identity. The work is an important source for understanding not only the historical, literary and socio-political processes of the region, but also the spiritual state of the country's society in the context of revolutionary changes. The purpose of the article is to reveal the images of heroes whose fates are reflected in the early autobiographical story of the classic of Tatar literature Gayaz Iskhaki "Zindan." The subject of study is the documentary story "Zindan," which recreates pictures of the socio-political life of the country, the Kazan governorate and its province. With a careful study of the story "Zindan" in order to see and understand the features of the socio-political life of that time, we were convinced that the micro-world of a provincial city reflects the pictures characterizing the whole country. The contribution of the master of the pen to the formation of a new worldview of contemporaries is revealed over time. More than 100 years later, the reader gets the opportunity to carefully look into the past, so that, having learned those lessons, live more comfortably in modern reality. The experience of your country is fundamental, no foreign models take root on other national soil, and this experience must be carefully studied in order to better understand yourself. The creative heritage of G. Ishaki is currently being comprehensively studied, and this article is an attempt through his early work to see the prospects for his further creative path. The field of application of new knowledge obtained through painstaking work can be used both by researchers of Tatar literature of the twentieth century, and by university teachers, graduate students and students studying the heritage of G. Iskhaki. More than 100 years later, the reader gets the opportunity to carefully look into the past, so that, having learned those lessons, live more comfortably in modern reality. The experience of your country is fundamental, no foreign models take root on other national soil, and this experience must be carefully studied in order to better understand ourselves. The creative heritage of G. Ishaki is currently being comprehensively studied, and this article is an attempt through his early work to see the prospects for his further creative path. The new knowledge in this field obtained through painstaking work can be used both by researchers of Tatar literature of the twentieth century, and by university teachers, graduate students and students studying the heritage of G. Iskhaki.

Keywords: Chistopol, Chistopol prison, 1906–1907, Gayaz Iskhaki, Garif Badamshin, Najib Amirkhanov.

References

1. SA RT (State archive of the Republic of Tatarstan). F. 2. Op. 12. D. 33.
2. SA RT. 199. Op. 1. D. 348. L. 28turn., 32.
3. Ishaki G. *Zindan* [Zindan] / comp., intro. art. and commentary by M. A. Akhmetova. Kazan', Zaman, 2024.
4. *Kazan möhbire* (Kazanskij vestnik) [Kazan möhbire (Kazan herald)]. 1907. No. 88.
5. Kartashova L. B. *Kak "vrag naroda" Gajaz Ishaki stal nacional'nym geroem Tatarstana* [How "enemy of the people" Gayaz Iskhaki became a national hero of Tatarstan] // *Chistopol' i chistopol'cy: iz proshlogo i nastojashhego* – Chistopol and its citizens: from the past and present. Kazan', Po gorodam i vesjam, 2004.

6. *Tatarskaja jenciklopedija* : V 6 t. T. 1: A–V. [Tatar Encyclopedia : in 6 vols. Vol. 1: A – V] / chief ed. of M. H. Khasanov. Kazan', Institute of the Tatar Encyclopedia Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2002.
7. Usal M.-F. *Berenche, ikenche va ochenche Dumada deputatlar möselmannar hām alarnuñ kylgan eshläre (O deputatah-musul'manah I, II i III sozyvov Gosudarstvennoj Dumy i ih deyatel'nosti)* [Berenche, ikenche va ochenche Duma deputatlar moselmannar ham alarnin kilgan eshläre (About Muslim deputies of the I, II and III convocations of the State Duma and their activities)]. Kazan, lito-tip. I. N. Haritonova, Hösäen Əbyzərov nəshre. 1909.
8. Usmanova D. M. *Deputaty ot Kazanskoj gubernii v Gosudarstvennoj dume Rossii: 1906–1917* [Deputies from Kazan governorate in Russian State Duma: 1906–1917]. Kazan': Tatar. publishing house, 2006.
9. Usmanova D. M. *Musul'manskie predstaviteli v rossijskom parlamente: 1906–1916* [Muslim representatives in Russian Parliament: 1906–1916]. Kazan': Fən (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan), 2005.
10. Usmanova D. M. *Professora i vypuskniki Kazanskogo universiteta v Dume i Gossoвете Rossii: 1906–1907* [Professors and graduates of Kazan University in Russian Duma and State Council: 1906–1907]. Kazan', Publishing house of Kazan University, 2002.
11. *Chistopol' literaturnyj. Jenciklopedija* [Literary Chistopol. Encyclopedia] / author-comp. N. M. Valeev. Kazan', Zaman, 2017.
12. *Chleny Gosudarstvennoj Dumy (portrety i biografii). Vtoroj sozyv: 1907–1912 gg.* [Members of the State Duma (portraits and biographies). Second session: 1907–1912]. M., Type of Partnership of I. D. Sytin, 1907.
13. *Chleny Gosudarstvennoj Dumy (portrety i biografii). Pervyj sozyv: 1906–1911 gg.* [Members of the State Duma (portraits and biographies). First session: 1906–1911] / comp. M. M. Boiovich. M., Type of Partnership of I. D. Sytin, 1906.
14. *Chleny Pervoj Gosudarstvennoj Dumy: s portretami* [Members of the First State Duma: with portraits] M., PRINTING and ENGRAVING, 1906.

Поступила в редакцию: 02.06.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

Принцип организации поэтического сборника В. Сосноры «Флейта и прозаизмы»

Болнова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: eka332@yandex.ru

Аннотация. Материалом исследования в статье выступает поэтический сборник В. Сосноры «Флейта и прозаизмы», впервые изданный в 2000 г. В процессе анализа применяются биографический, структурно-описательный, описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный, формальный методы. В статье исследуется трансформация поэтического языка автора после шестнадцатилетнего отказа от публикации лирических произведений. Делается вывод о существенном влиянии, которое оказал постмодернистский принцип организации текстов, ему следует В. Соснора при написании прозаических произведений. Анализируются аллюзии и реминисценции, к которым обращается автор в сборнике «Флейта и прозаизмы». Помимо уже выделенных в предшествующих литературоведческих работах – среди них центральное место занимает исследовательская статья Л. Зубовой – обозначены реминисценции из «Песни о Буревестнике» М. Горького и романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. В качестве доказательной базы выдвигаемых гипотез привлекаются, помимо текстов стихотворений исследуемого сборника, архивные записи дневников В. Сосноры. Отдельно анализируется финальное стихотворение сборника «Флейта и прозаизмы» «В ту ночь соловей не будит меня...». Делается вывод о специфике разработки эсхатологической темы как в данном стихотворении, так и во всем сборнике. Большая часть статьи посвящена анализу системы лейтмотивов, сквозных тем и образов, организующих отдельные стихотворения сборника в единое целое. Исследуются приемы связи соседних текстов, к которым прибегает В. Соснора. Выдвигается гипотеза о существовании единого смыслового, образного и мотивного поля; внутри него отдельные стихотворения существуют и адекватно осмысляются не обособленно, а только как составная часть обозначенного поля.

Ключевые слова: В. Соснора, сборник «Флейта и прозаизмы», архивные материалы, постмодернизм.

После шестнадцатилетнего молчания В. Соснора возвращается в поэзию со сборником «Куда пошел? и где окно?» в 1999 г. Через год, в 2000 г., выходит второй сборник «Флейта и прозаизмы», изданный, как и предыдущий, при поддержке издательства «Пушкинский фонд». Данные сборники роднит оформление: минимализм белой обложки и использование автографа автора на форзаце. Если в сборнике «Куда пошел? и где окно?» использована рукопись стихотворения, входящего в сборник, то во «Флейте и прозаизмах» на форзац вынесены строки из стихотворения «Не жди», открывающего следующий, изданный в 2001 г., сборник В. Сосноры «Двери закрываются»:

Мечтать – это, извиняйте, – Меч и Тать,
и ничего больше,
и ничего больше,
и ничего больше, и –
Ничьего! [22]

В сборнике «Двери закрываются» иначе выглядит разбивка на строки: автор отказывается от лесенки, объединяя предложение в три строки, вынося в отдельную лишь последнее слово [24]. В 2016 г. к 80-летию юбилею В. Сосноры было приурочено переиздание сборника «Флейта и прозаизмы» с иллюстрациями А. Бодрова, выполненными в технике «сухая игла», что следует из аннотации книги [23]. При этом фрагмент стихотворения «Не жди» уже не используется при оформлении. Нет его и во всех прочих переизданиях данного сборника, в том числе в трехтомном собрании сочинений В. Сосноры 2018 г. [25] Таким образом, можно говорить, что при первом издании данный фрагмент выполнял орнаментальную функцию и не мыслился автором в качестве эпиграфа.

В сборнике «Флейта и прозаизмы» ощутим заметный сдвиг в поэтическом языке В. Сосноры. Если часть текстов, вошедших в сборник «Куда пошел? и где окно?», была написана еще в начале 1990-х гг. [7] и сохранила некоторые особенности авторской стилистики конца

1970-х – начала 1980-х гг., то тексты, вошедшие в сборники «Флейта и прозаизмы» и «Двери закрываются», явно иллюстрируют сдвиг авторского языка в сторону постмодернизма. Можно предположить, что на подобную трансформацию оказала влияние проза В. Сосноры, активно публикуемая им в период 16-летнего поэтического молчания. За это время написаны «Башня» (1984), «Дом дней» (1986), «Книга пустот» (1988–1990), «Камни Negerer» (1988–1996), «А потом...» (1992–1994), «Диски безнадежностей» (1998–1999). Небезынтересным представляется тот факт, что, вернувшись к поэзии в 1999 г., В. Соснора больше не публикует прозу. Иначе говоря, можно выдвинуть гипотезу о совмещении языковых и стилистических принципов, найденных в прозе, с поэтическим языком. Косвенно данную теорию подтверждают и неоднократно встречающиеся отсылки к последнему опубликованному прозаическому произведению «Диски безнадежностей», обнаруженные в поэтических текстах, входящих в сборник «Флейта и прозаизмы» [25, с. 841, 853].

Аллюзии и реминисценции из фольклора, мифологии и литературы всегда играли заметную роль в поэтическом языке В. Сосноры, но теперь меняются особенности их функционирования в тексте.

Сборник открывается стихотворением «Дар напрасный, дар случайный...». Оно явным образом соотнесено с философским стихотворением А. С. Пушкина с аналогичным названием, на что неоднократно указывали исследователи [4; 11].

Первое стихотворение сборника в композиционном плане является экспозицией, задающей общий тон восприятия всего произведения. Заглавие же «Флейта и прозаизмы» настраивает на повышенное внимание к музыкальной составляющей, к звуку. Уже с первых стихотворений автор активно использует лексику, связанную с обозначением частей тела человека, передающих и воспроизводящих звуки, в том числе музыкальные («...и будет спайка двухдвухных губ // и много пяток моих. // У слов и у музыкальных зон // не тот оттенок, не тот...» [25, с. 824]; «разве считать за “общность” поющую челюсть...» [25, с. 824], «Сигарета как патрон, // вставляю в челюсть и лязгаю затвором, выстрела нет...» [25, с. 831], «...уж ходит юность по губам, // как шифровальные машины...» [25, с. 834]); а также лексику, связанную с обозначением звука или его отсутствия («...и некий мираж // белого безмолвия, но в этом мой импульс ударяется в шкуры...» [25, с. 828], «Пой! Не поется! Живи! Не могу...» [25, с. 833], «...все поэты Шара, собранные в спичечный коробок, // не стоят одной ноты норд-оста...» [25, с. 835], «Я пишу слогом понятных гамм...» [25, с. 842]), и лексику, передающую наличие или отсутствие диалога («...мышки разбудятся, я им собеседник, // найден в цветах и ящерицах общий язык, // дюли ко мне не ходят, наговорился. // Не ходит ко мне человеческая речь...» [25, с. 830]). Таким образом, с одной стороны, можно говорить о наличии в сборнике системы лейтмотивов, строящихся на обращении автора к лексике одного смыслового поля. В этом контексте важным представляется 27-е стихотворение сборника, в котором автор обозначает свою метапозицию как поэта, работающего, в частности, с чужим словом [25, с. 842].

Содержательная сторона данного стихотворения коррелирует с некоторыми дневниковыми записями В. Сосноры, где он рассуждает о влиянии на него творчества других писателей: «Глубокая ошибка – говорить обо мне и Хлебникове. Мир Хлебникова открылся для меня не более, чем мир Блока. Вообще, я чувствовал не влияние, а свое соавторство с Гомером, Катуллом, Гамлетом, героем нашего времени, в какой-то мере с Фаустом и т. д. Соавторство – не влияние. А (возможно, следует читать «И». – Е. Б.) со словом о Полку и фольклором» [26, л. 26]. Дневниковые записи В. Сосноры подтверждают высказанную ранее мысль о диалогических отношениях, в которые вступает автор с каждым художественным произведением, аллюзии и реминисценции на которые встречаются в стихотворениях поэта [8]. Позволим себе поэтому не согласиться со следующим мнением Л. Зубовой: «Текст поэмы “Флейта и прозаизмы” – это тоже система отражений других текстов – Пушкина, Маяковского, Хлебникова, Цветаевой, Заболоцкого. Интертекстуальная насыщенность поэмы такова, что не голоса этих и других поэтов растворены в поэме Сосноры, а голос поэта Сосноры растворен в других голосах» [11, с. 489].

Мотив звучания того или иного объекта находит свое логическое завершение в финальном стихотворении сборника «Флейта и прозаизмы» «В ту ночь соловей не будит меня...» [25, с. 854]. На протяжении всего сборника разрабатывается тема преодоления невозможности речи, музыки, понимания, однако к финальному стихотворению эта тема очевидным образом решается автором в негативном ключе: конец истории связан с образом «Трубы тишины», очевидно отсылающей к семи ангелам с трубами в Апокалипсисе. В Откровении Иоанна Богослова описаны шесть труб, после звучания которых на землю и людей обрушиваются все

более и более разрушительные бедствия, призванные для покаяния людей, а также седьмая труба, которая не приносит бедствий, но возвещает о пришествии Царства Бога. Образ «Трубы тишины» антонимичен трубам Апокалипсиса, так как в самом наименовании трубы заложен отказ от звучания, на котором построены разрушительные последствия, описанные в Откровении Иоанна Богослова. Анализируя данный образ, Л. Зубова отмечает, что «книга Сосноры, в которой флейта предстает апокалиптической трубой, не оставляет надежды ни на реинкарнацию, ни на духовное спасение какой-либо религией или поэзией» [11, с. 502], и далее: «Виктор Соснора максимально усиливает трагедийность флейты как символа всего поэтического в противопоставлении прозе жизни» [11, с. 503]. С другой стороны, немаловажным представляется тот факт, что трубы, упоминаемые в Апокалипсисе, не похожи на современные трубы. Это была прямая, узкая бронзовая трубка с мундштуком из кости и колокольчиком. Таким образом, данный музыкальный инструмент действительно визуально больше напоминает современную флейту. Данный факт снимает подразумеваемое противопоставление между массивным и торжественным музыкальным инструментом (трубой) и более камерным, лиричным (флейтой).

В финальном стихотворении В. Соснора конструирует иной, по сравнению с описанным в Апокалипсисе, конец мира. Появление Бога, милостивого ко всем слабым и немощным, оказавшимся неспособным пройти до конца свой путь, противоречит описанному в Откровении Иоанна Богослова установлению Царства Бога через бедствия и войны, через суд над всеми, кто не записан в книгу жизни [25, с. 854].

Можно предположить, что описанный вариант возник не без влияния финала истории Мастера и Маргариты в одноименном романе М. Булгакова. В разговоре с Воландом Левий Матвей говорит, что Мастер «не заслужил света, он заслужил покой» [9, с. 290]. Формула «щадящего» конца света, возникшая в романе М. Булгакова применительно к Мастеру, была расширена В. Соснорой на всех слабых и сломленных жизнью.

Еще одним возможным претекстом данного стихотворения В. Сосноры может быть «Девушка пела в церковном хоре...» А. Блока. В этих произведениях можно заметить целый ряд существенных переключек: мотив пения, божьей милости, слез самого Иисуса («Он» в стихотворении В. Сосноры и «ребенок» в стихотворении А. Блока), смерть людей как неизбежный финал. Сближает данные произведения и форма: А. Блок использует дольник, В. Соснора также обращается к данному стихотворному размеру, но внося некоторые изменения, что характерно для поэзии автора [21]. Кроме того, нельзя не отметить и прямые лексические и синтаксические переключки стихотворения В. Сосноры с текстом А. Блока. В. Соснора не буквально повторяет строки А. Блока, построенные по принципу синтаксического параллелизма и анафоры, но слегка их изменяет (предлог «за» вместо блоковского «о») и разносит в седьмую, одиннадцатую и пятнадцатую строки. В. Соснора сохраняет и многосоюзие (союз «и» чаще всего в сильной позиции начала строки), организующее стихотворение А. Блока.

Кроме того, структура сборника, состоящего из 45 стихотворений, строится на системе подхвата мотивов и образов. Данное наблюдение также находит подтверждение в дневниковых записях В. Сосноры: «Я бесконечно варьирую они и те же темы, пока не доберусь (или не доберусь) до формул прошедшего времени» [27, л. 18]. Проанализируем данный тезис на нескольких примерах. Так, в финале первого стихотворения возникает образ губ: «Смерть зовется по-другому, // с пеной красится у губ» [25, с. 823]. Второе стихотворение открывается этим образом: «В этой сюите не тот Огонь // и губ какадувный бег...» [25, с. 824]. Присутствующий в приведенном отрывке образ Огня открывает третье стихотворение сборника: «Выпавший, как водопад из Огня, // или же черепаха из мезозоя...» [25, с. 824] Во второй половине третьего стихотворения значимым становится мотив циркового представления и образ лирического героя, выступающего на сцене перед зрителями [25, с. 825].

Четвертое стихотворение открывается описанием образа трагического актера, исполняющего определенную роль не только на сцене, но и в жизни. К таким актерам В. Соснора относит не только непосредственных исполнителей ролей на сцене театров, но и некоторых писателей, прямо или косвенно названных в тексте [25, с. 825].

В приведенном фрагменте легко считываются не только В. Гюго и И. Гете, но и О. Уайльд (автор «Баллады Редингской тюрьмы», вольный полемичный перевод которой сделал В. Соснора в стихотворении «Баллада Оскара Уайльда» [5]), М. Сервантес, Г. Мопассан.

В финале четвертого стихотворения лирический герой встает на позицию отделения себя от мира людей и приобщения к миру животных, артикулирует актуальность для себя

иного пути в мире, отличного от пути людей. Данный мотив подхватывается в пятом стихотворении, где герой сравнивает себя с чижом, с овчиной, снятой с крючков [25, с. 826].

В шестое стихотворение из пятого переходит образ дома: «Дом, даже такой, как мой, // возведенный из досок и обложенный кирпичом от ветра, // в бойницах средних веков для стрельбы (репер!), // гений-баллист (а кто атакует?) чищу оружие» [25, с. 826]; «звериная», в широком понимании, тема развивается за счет введения образов дятла, кукушки, рыбы, щуки, а также за счет подключения «растительной темы»: «пили тела деревьев, чтоб, как в Освенциме, сжечь их...» [25, с. 827]. Обозначенные темы через цепь личных ассоциаций переплетаются с темой искусства, которая была одной из центральных в четвертом стихотворении и, соответственно, продолжается в шестом [25, с. 826–827].

В седьмом стихотворении тема искусства выходит на первый план. Автор рассуждает о «Черном квадрате» К. Малевича, о китайской живописи гохау, о символическом значении цвета не только в искусстве, но и в жизни. Стихотворение построено на антитезе черно-белого и «раскрашенного», цветного. В этом стихотворении появляются важные образы «Белого Клоуна Бога» и «белого безмолвия», кроме того, дается авторская интерпретация символического значения белого цвета: «цвет атеизма и смерти» [25, с. 827]. Именно это символическое значение превалирует в текстах В. Сосноры. Эпитет «белый» чаще всего сопутствует посланникам иного мира («Белый голубь» в стихотворении «Так хорошо: был стол как стол...», «Белая лошадь» в единственном моностихе «Что ты пасешься над телом моим, Белая лошадь?», «белый пудель» в стихотворении «Латвийская баллада», «белая бабочка» в стихотворении «И буду тайно коротать луны...» и др.).

В восьмом стихотворении мотивы, заявленные в предыдущем, поддерживаются дважды повторенным эпитетом «некрашенные»: «двух рук, некрашенных у лампы», «На берегах Луны иной // живут иные дни и рельсы, // они некрашены у ламп...» [25, с. 828]. В нем появляются образы Луны, месяца, серпа (как поэтической общепринятой аллегории убывающей или растущей луны), которые будут повторены и в девятом стихотворении, построенном на описании сада [25, с. 829].

Образ сада сохраняется и в десятом стихотворении, однако там он все более смещается от описания реального земного сада в сторону описания сада эдемского: «Пустоголов; мой сад в круглых щитах, золотых, // разве что память о теле, как тысячелетние вина, // над головою влага, в желтом воле, // да ползут как памятники львы и носороги» [25, с. 829]. По замечанию Л. Зубовой, в этом стихотворении проявлена тема всемирного потопа «как обобщенного эсхатологического символа» [11, с. 490]. В этом же ключе Л. Зубова трактует и появление образа Гильгамеша. Завершается десятое стихотворение обращением к нумерологии: «пиши, пиши, девятка, три плюс шесть, // будущий (этот!) год трехнулевой, а в нули мы гибнем» [25, с. 830]. Рассуждения о символике и значении чисел открывают одиннадцатое стихотворение сборника [25, с. 830].

О значении чисел в творческом мире В. Сосноры, включая роман «Башня», написанный в период шестнадцатилетнего поэтического молчания автора, опубликованы рассуждения К. Ичин («Виктор Соснора о числах») [12].

В этом же одиннадцатом стихотворении автор через рассуждение о человеческом самосознании и человеческой гордыне приходит к вопросу о значении искусства и значении борьбы. В этом контексте возникает мотив «Боя для боя», данный в том числе через узнаваемую отсылку к «Песни о Соколе» М. Горького. Автор вводит в текст прямую речь такого борца, включающую почти точную цитату из «Песни о Соколе» и аллюзии на «Песнь о буреви́стнике» и легенду о Данко из рассказа «Старуха Изергиль»: «В тот миг безнадежный, когда один огонь, // я полон бури и полноценной крови, // гори, догорай, моя Звезда, // я видел Небо! ты не увидишь его так близко!» [25, с. 831]. Авторское отношение выражено в намеренном изменении последней строки. В «Песне о Соколе» М. Горького Сокол обращается к Ужу, называя его «беднягой» [10]. Ужу недоступна красота и трагичность жизни Сокола. В стихотворении В. Сосноры фраза «Эх ты, бедняга!» вынесена за пределы прямой речи героя и является авторской оценкой его самого, то есть «беднягой» в данном случае назван сам условный Сокол. В двенадцатом стихотворении в качестве логичного развития появляется тема войны, образы солдат, что находит отражение и в тринадцатом стихотворении в развернутом сравнении людей с бомбами [25, с. 832].

Необычно выстроена связь четырнадцатого с пятнадцатым стихотворением. В финальной строке четырнадцатого текста выделено слово «этом» («Септимы, помада, – в **этом** тайме – «красота!») [25, с. 833]). Данное выделение есть в первом издании, в трехтомном собра-

нии сочинений, вышедшем в авторской редакции и на официальном сайте поэта. В пятнадцатом стихотворении выделенное слово обыгрывается автором в предложении «У пленочных из Эры Рыб // высокостны фейерверки, // и их морской соленый ром // не соберет те-эти флоты» [25, с. 833].

Пятнадцатое и шестнадцатое стихотворения объединены темой гибели мира, и если в первом она реализована через воспроизведение сюжета о всемирном потопе, то во втором – через угасание Солнца. В следующем, семнадцатом, стихотворении реализуется одна из «мифоролей» [25, с. 834], заявленных в предыдущем. Этот текст соотносится с более ранним стихотворением «Так хорошо: был стол как стол...», входящим в сборник «Знаки» 1972 г. Уже были проанализированы черновые варианты данного произведения [6], позволившие соотнести его не только с «Вороном» Э. По, но и с «Пророком» А. С. Пушкина. Образ Белого Голубя из стихотворения «Так хорошо: был стол как стол...» отчасти антонимичен гусю из семнадцатого стихотворения сборника «Флейта и прозаизмы»: если первый прилетает извне, то второй находится внутри героя; если первый забирает душу героя, равную творческому дару, то второй сам олицетворяет этот дар. Общей является очевидная связь обеих птиц с творчеством, а также мотив физического рассечения тела героя с целью избавиться или избавиться от поэтического дара. Значение образа гуся в данном стихотворении подробно разбирает Л. Зубова [11, с. 495–496], отмечая переключки с орлом из мифа о Прометее, отсылку к «Узнику» А. С. Пушкина, а также возможное влияние набросков В. Маяковского к поэме «Пятый интернационал». Наиболее важным представляется вывод о том, что гусь представляет собой полемически сниженную метафору творческой ипостаси личности, в то время как ребра «оказываются струнами лиры (или гуслей – по законам поэтической этимологии, если там сидит гусь)» [11, с. 496].

Следующее стихотворение открывается повторно возникающей в сборнике реминисценцией на стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный»: «Ни зги, ни ноги, напрасный дар...» [25, с. 835]. Таким образом, вновь утверждается невозможность посредством искусства спасти мир от разрушения или самого творца от гибели. Связующим звеном между восемнадцатым и девятнадцатым стихотворениями выступает образ воздуха («Осень! какая! в моем окне, // ежи по-буддистски по саду лопочут, // будто гений включил перламутр у осин // с пером, и чудесный воздух бокал за бокалом глотая» [25, с. 835]), переходящий в мотив дыхания («...устал, не хожу, сижу в кувшине, // мобилизую для дыхания сероводород // и зачинчиваюсь резьбой, чтоб не видеть» [25, с. 835]). В финале девятнадцатого стихотворения возникают образы существ, символизирующих конец света [25, с. 836].

Двадцатый текст сборника открывается отсылкой к Библии и образом огненной геенны: «В Книге сказано: не говори Рака!*, // а то гореть тебе в огненной геенне» [25, с. 836]. Библейский образ Страшного Суда встречается и в двадцать первом стихотворении сборника. Следующие два стихотворения вновь связаны лексически, через употребление форм одного и того же слова («по морозу летит чайка, как окно, // и моргает крыльями, как ногами!» – последняя строка двадцать первого стихотворения; «Я знаю, я пал, как по левой ноге // спадает чулок у косули, от льва бегущей...» [25, с. 837] – первая строка двадцать второго стихотворения).

Лексическая связь реализуется и через использование однокоренных слов. Так, существительное «огонь» из двадцать второго стихотворения является однокоренным с кратким прилагательным «огненны» в двадцать третьем стихотворении. И вновь в этом стихотворении в третий раз повторяется в измененном виде реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» в строке «Не жаль мне дней и снов напрасных...» [25, с. 838]. В данном случае отсылка к пушкинскому тексту максимально ослаблена по сравнению с предыдущими случаями обращения и работает только в связке с двумя встречавшимися ранее.

Интересной представляется связь двадцать третьего и двадцать четвертого стихотворений. В первом из них задается мотив разъединения человеческого тела на части, мотив распада, расчленения [25, с. 838–839]. В двадцать четвертом стихотворении тело вновь предстает разъятым на составные элементы, разрушенным, но иначе [25, с. 839].

Двадцать пятое стихотворение реализует автобиографический миф, изложенный от первого лица. В. Соснора трактует события собственной жизни в контексте обреченности на творчество. Дар (неслучайно именно эта лексема открывает сборник «Флейта и прозаизмы») воспринимается как проклятие, а сам художник – как заложник высшей воли, зачастую негуманной к нему. Творческая исповедь продолжается любовной исповедью в следующем стихотворении.

Кроме приведенных стратегий связи отдельных стихотворений в единое целое, в рамках сборника важны также сквозные мотивы и образы. К таковым могут быть отнесены образы

природных стихий, интерпретируемых в контексте наступающего на рубеже тысячелетий конца света; образы космических небесных тел, которые также участвуют в глобальной трансформации мироздания; а также термины астрологических концепций. В частности, в сборнике осмысливается концепция смены «эры Рыб» (прошедшей под знаком господства христианской культуры) эрой Водолея, характеризующейся причудливым синтезом различных мировоззрений и вероучений. Даная тема является центральной в пятнадцатом стихотворении сборника, однако находит отражение и в других текстах. Л. Зубова отмечает значимость наличия сквозных библейских и буддийских мотивов и образов в сборнике «Флейта и прозаизмы» [11]. Также необходимо отметить как общий мотив разъединения (примеры приведены ранее), подмены истинного внутреннего внешним, оболочкой, замещающей сам значимый объект, которая и сама затем уступает место лишь памяти о себе: «В окружности рук попадает ню, // трогаю, – не ню, а что-то цветное, // может быть, платье от ню, но не оно // может, охалка листьев из воздуха? и не это. // Это память о ню, о цветном, о листьях и пр. и пр. <...>» [25, с. 846]. На пороге окончательного разрушения мир становится все более иллюзорным, распадающимся.

Приведенные стратегии связи отдельных стихотворений создают общее ощущение перетекания одного текста в другой, что поддерживается единым образом лирического героя, сквозной нумерацией текстов и отсутствием у них вынесенных заглавий. В. Соснора, по собственному признанию, всегда тяготел к созданию не отдельных произведений, а сборников и книг. Эта тенденция усиливается в последних написанных автором поэтических сборниках, начиная с «Куда пошел? и где окно?». Но если структура названного сборника выстраивается от отдельного стихотворения к циклу и лишь затем ко всему сборнику, то, начиная с книги «Флейта и прозаизмы», уместно говорить о создании единого текстового пространства в рамках сборника. Наиболее сильную позицию занимают первый и последний тексты, между ними располагается смысловое, образное, мотивное поле, в котором отдельный текст существует только как часть общего. Проведенное исследование коррелирует с другими исследованиями поэтического наследия В. Сосноры, в частности статьями Т. И. Ковалевой, И. Е. Лощиловой, Т. В. Сосноры, К. М. Балашова-Ескина [1–3; 13–20].

Список литературы

1. Балашов-Ескин К. М. Стихотворные переносы как явление поэтического синтаксиса В. А. Сосноры // Русская речь. 2021. № 2. С. 100–115. DOI: 10.31857/S013161170014713-3.
2. Балашов-Ескин К. М. «О, мания метафор!»: стиливые особенности метафоры в книге В. А. Сосноры «Дева-рыба» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1 (37). С. 147–154. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.37.1.16.
3. Балашов-Ескин К. М. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры // Русская речь. 2020. № 3. С. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.
4. Болнова Е. В. Рецепция творчества А. С. Пушкина в лирике В. Сосноры // Болдинские чтения : междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2022. С. 156–164.
5. Болнова Е. В. В. А. Соснора – переводчик О. Уайльда и Э. По // Русский язык и культура в зеркале перевода : XIII Междунар. науч. конф. : материалы конф. М., 2023. С. 64–73.
6. Болнова Е. В. Стихотворение В. А. Сосноры «Так хорошо: был стол как стол...»: варианты, черновики, анализ // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2023. № 2 (18). С. 44–58.
7. Болнова Е. В. Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? и где окно?» В. А. Сосноры // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3 (35). С. 165–171. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.051
8. Болнова Е. В. Структурные и содержательные особенности сборника В. А. Сосноры «Продолжение» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № S5. С. 6–15. DOI: 10.46726/И.2024.4.1
9. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1987. 447 с.
10. Горький М. Избранные сочинения. М. : Худож. лит., 1986. 1086 с.
11. Зубова Л. В. Подобия в книге Виктора Сосноры «Флейта и прозаизмы» // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 487–502.
12. Ичин К. Виктор Соснора о числах // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 503–511.
13. Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179. DOI: 10.17223/18137083/83/13.
14. Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. Стихотворение Виктора Сосноры «Рогнеда»: источник сюжета, поэтика и контексты // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 266–289.
15. Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 9–21. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-01.

16. Лощилов И. Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101–112. DOI: 10.17223/18137083/78/8.
17. Лощилов И. Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 366–379. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-366-379.
18. Лощилов И. Е. О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: замечания к разбору // Во власти культуры и текста. Барнаул, 2021. С. 378–388.
19. Лощилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131. DOI: 10.22455/2541-8297-2022-24-104-131.
20. Лощилов И. Е., Соснора Т. В. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдиционной истории книги «Январский ливень: стихи» (1962) // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. С. 551–560.
21. Орлицкий Ю. Б. О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 237–257.
22. Соснора В. А. Флейта и прозаизмы. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. 56 с.
23. Соснора В. А. Флейта и прозаизмы. СПб.: Издательство К. Тублина, 2016. 96 с.
24. Соснора В. А. Двери закрываются. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 48 с.
25. Соснора В. А. Стихотворения. СПб.; М.: Пальмира, 2018. 910 с.
26. Соснора В. ЦГАЛИ СПб. Дневниковые записи, рисунки (г. Марсель, Франция). Ф. 824. Оп. 1. Д. 7. 1996. 35 л.
27. Соснора В. ЦГАЛИ СПб. Дневниковые записи на бытовые темы. Ф. 824. Оп. 1. Д. 6. 1989–2003. 218 л.

The principle of organization of V. Sosnora's poetry collection "Flute and prose"

Bolnova Ekaterina Vladimirovna

PhD in Philological Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Russia, Nizhni Novgorod.
E-mail: eka332@yandex.ru

Abstract. The research material in the article is V. Sosnora's poetry collection "Flute and Prose", first published in 2000. Biographical, structural-descriptive, descriptive-functional, comparative-comparative, and formal methods are used in the analysis process. The article explores the transformation of the author's poetic language after a sixteen-year refusal to publish lyrical works. The conclusion is made about the significant influence exerted by the postmodern principle of text organization, which V. Sosnora refers to when writing prose works. The author analyzes the allusions and reminiscences addressed by the author in the collection "Flute and Prose". In addition to those already highlighted in previous literary works, among which the research article by L. Zubova occupies a central place, reminiscences from The Song of the Petrel by M. Gorky and the novel The Master and Margarita by M. Bulgakov are highlighted. In addition to the texts of the poems in the collection under study, archival recordings of V. Sosnora's diaries are used as an evidence base for the hypotheses put forward. The final poem of the collection "Flute and prose" "That night the nightingale does not wake me up ..." is analyzed separately. The conclusion is drawn about the specifics of the development of an eschatological theme both in this poem and in the entire collection. Most of the article is devoted to the analysis of the system of leitmotifs, cross-cutting themes and images that organize the individual poems of the collection into a single whole. The methods of connecting neighboring texts used by V. Sosnora are investigated. The hypothesis is put forward about the existence of a single semantic, figurative and motivic field, within which individual poems exist and are adequately understood not in isolation, but only as an integral part of the designated field.

Keywords: V. Sosnora, collection "Flute and prose", archival materials, postmodernism.

References

1. Balashov-Eskin K. M. *Stikhotvornye perenosy kak yavlenie poeticheskogo sintaksisa V. A. Sosnory* [Verse Transitions as a Phenomenon of V. A. Sosnora's Poetic Syntax] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 2021. No. 2. Pp. 100–115. DOI: 10.31857/S013161170014713-3.
2. Balashov-Eskin K. M. *"O, maniya metafor!": stilevye osobennosti metafory v knige V. A. Sosnory "Deva-ryba"* ["Oh, the mania of metaphors!": Stylistic Features of Metaphor in V. A. Sosnora's Book "The Maiden-Fish"] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* – Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education. 2020. No. 1 (37). Pp. 147–154. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.37.1.16.
3. Balashov-Eskin K. M. *Katakhreza v poeticheskom stile V. A. Sosnory* [Cataphoresis in the Poetic Style of V. A. Sosnora] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 2020. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.
4. Bolnova E. V. *Retseptsiya tvorchestva A. S. Pushkina v lirike V. Sosnory* [Reception of A. S. Pushkin's Creativity in V. Sosnora's Lyrics] // *Boldinskie chteniya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* – Boldinskies Readings. International Scientific Conference. Nizhni Novgorod. 2022. Pp. 156–164.

5. Bolnova E. V. V. A. Sosnora – perevodchik O. Uail'da i E. Po [V. A. Sosnoza – Translator of O. Wilde and E. Poe] // *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: materialy konferentsii* – Russian Language and Culture in the Mirror of Translation. XIII International Scientific Conference: Conference Proceedings. M., 2023. Pp. 64–73.
6. Bolnova E. V. Stikhotvorenie V. A. Sosnory "Tak khorosho: byl stol kak stol...": varianty, chernoviki, analiz [V. A. Sosnora's Poem "It's So Good: There Was a Table Like a Table...": Variants, Drafts, and Analysis] // *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal* – Palimpsest. Literary Review. 2023. No. 2 (18). Pp. 44–58.
7. Bolnova E. V. Tvorcheskaya istoriya tsikla "Ukhodyat zhenshchiny" iz sbornika "Kuda poshel? i gde okno?" V. A. Sosnory [The Creative History of the Cycle "Women Are Leaving" from the Collection "Where Did He Go? and Where Is the Window?" by V. A. Sosnora] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Bulletin of Humanitarian Education. 2024. No. 3 (35). Pp. 165–171.
8. Bolnova E. V. Strukturnye i sodержatel'nye osobennosti sbornika V. A. Sosnory "Prodolzhenie" [Structural and Content Features of V. A. Sosnora's Collection "Continuation"] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. No. S5. Pp. 6–15.
9. Bulgakov M. Master i Margarita. Teatral'nyi roman [The Master and Margarita. A Theatrical Novel]. Gorky, Volga-Vyatka Book Publishing House. 1987. 447 p.
10. Gor'kii M. Izbrannye sochineniya [Selected Works]. M., Khudozhestvennaya Literatura (Fiction). 1986. 1086 p.
11. Zubova L. V. Podobiya v knige Viktora Sosnory "Fleita i prozaizmy" [Similarities in Viktor Sosnora's book "Flute and Prosaicisms"] // *Vosem' velikikh* – Eight Greats. Russian State University for the Humanities. M., 2022. Pp. 487–502.
12. Ichin K. Viktor Sosnora o chislakh [Viktor Sosnora on Numbers] // *Vosem' velikikh* – Eight Greats. Russian State University for the Humanities. M., 2022. Pp. 503–511.
13. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. "Mstislava drevnii poedinok...": rasskaz "Povesti vremennykh let" v stikhotvorenii V. Sosnory "Boi Mstislava s Rededei" (1959) ["Mstislav's Ancient Duel...": The Tale of Bygone Years in V. Sosnora's Poem "Mstislav's Fight with Rededey" (1959)] // *Sibirskii filologicheskii zhurnal* – Siberian Philological Journal. 2023. No. 2. Pp. 166–179.
14. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. Stikhotvorenie Viktora Sosnory "Rogneda": istochnik syuzheta, poetika i konteksty [Viktor Sosnora's Poem "Rogneda": Source of the Plot, Poetics, and Contexts] // *Literatura i istoriya v kontekste arkheografii* – Literature and History in the Context of Archaeography. 2022. Pp. 266–289.
15. Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. Vladimir Mayakovskii kak "zapevshii Il'ya Muromets": "Karacharovo" Viktora Sosnory [Vladimir Mayakovsky as "the Singing Ilya Muromets": Viktor Sosnora's "Karacharovo"] // *Filologicheskii klass* – Philological Class. 2022. Vol. 27. No. 4. Pp. 9–21.
16. Loshchilov I. E. Poeziya i didaktika: o stikhotvorenii Viktora Sosnory "Toska po rodine" [Poetry and Didactics: On Viktor Sosnora's Poem "Longing for the Motherland"] // *Sibirskii filologicheskii zhurnal* – Siberian Philological Journal. 2022. No. 1. Pp. 101–112.
17. Loshchilov I. E. K razboru stikhotvoreniya Viktora Sosnory "Razluka zverinogo laya so strakhom sovinym..." (1966) [Analysis of Viktor Sosnora's Poem "Separation of the Animal's Barking with the Owl's Fear..." (1966)] // *Kritika i semiotika* – Critique and Semiotics. 2022. No. 1. Pp. 366–379.
18. Loshchilov I. E. O stikhotvorenii Viktora Sosnory "Troie": zamechaniya k razboru [On Viktor Sosnora's Poem "Three": Notes on the Analysis] // *Vo vlasti kul'tury i teksta* – In the Power of Culture and Text. Barnaul, 2021. Pp. 378–388.
19. Loshchilov I. E., Sosnora T. V. Sibirskie poeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.) [Viktor Sosnora's Siberian Poetic Tours (1960s)] // *Literaturnyi fakt* – Literary Fact. 2022. No. 2 (24). Pp. 104–131.
20. Loshchilov I. E., Sosnora T. V. Aseev o Sosnora – Sosnora ob Aseeve: k editsionnoi istorii knigi "Yanvarskii liven': stikhi" (1962) [Aseev about Sosnora – Sosnora about Aseev: to the editorial history of the book "January Showers: Poems" (1962)] // *Vosem' velikikh* – Eight Great. Russian State University for the Humanities. M., 2022. Pp. 551–560.
21. Orlitskii Yu. B. O stikhoslozhenii Viktora Sosnory (predvaritel'nye zamechaniya) [On the Poetics of Viktor Sosnora (Preliminary Remarks)] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New Literary Review. 2019. No. 6 (160). Pp. 237–257.
22. Sosnora V. A. Fleita i prozaizmy [Flute and Prosaicisms]. SPb., Pushkin Foundation, 2000. 56 p.
23. Sosnora V. A. Fleita i prozaizmy [Flute and Prosaicisms]. SPb., K. Tublin Publishing House, 2016. 96 p.
24. Sosnora V. A. Dveri zakryvayutsya [Doors are Closing]. SPb., Pushkin Foundation, 2001. 48 p.
25. Sosnora V. A. Stikhotvoreniya [Poems]. SPb.; M., Palmira, 2018. 910 p.
26. Sosnora V. TSGALI SPb. Dnevnikovye zapisi, risunki (g. Marsel', Frantsiya) [Diaries, drawings (Marseille, France)]. TsGALI SPb., F. 824. Op. 1. D. 7. 1996. 35 sh.
27. Sosnora V. TSGALI SPb. Dnevnikovye zapisi na bytovye temy [Diary entries on everyday topics]. TsGALI SPb., F. 824. Op. 1. D. 6. 1989–2003. 218 sh.

Поступила в редакцию: 02.04.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

УДК 821.131.1

EDN: FRSPMN

Национальное своеобразие итальянского гиноцентрического романа второй половины XX века: тематика, поэтика, контекст

Красницкая Алена Евгеньевна

преподаватель, Институт филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: alenakrass@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование национального своеобразия итальянского гиноцентрического романа второй половины XX века как уникального культурного феномена, сформировавшегося в ответ на кардинальные социально-политические трансформации в послевоенной Италии. Его становление и эволюция обладали выраженной национальной спецификой, кардинально отличающей его от развития гиноцентрической прозы в англо-американском и франкоязычном пространстве, где она эволюционировала синхронно и в тесной связи с организованным феминистским движением. В Италии же генезис этого литературного направления был обусловлен сложным переплетением таких уникальных факторов, как глубокий кризис национальной идентичности, тотальное доминирование католических ценностей в общественном дискурсе и исключительно замедленный процесс эмансипации женского сознания. В работе детально анализируются ключевые тематические и нарративные направления итальянского гиноцентрического романа, среди которых центральное место занимают семья как институт патриархального контроля и одновременно пространство женского сопротивления, телесность и сексуальность как поле борьбы за личную автономию, а также острое отражение актуального социально-политического контекста эпохи через призму индивидуального женского опыта. Особое внимание уделяется специфической поэтике жанра, включая широкое использование автобиографизма и документальности, сознательное языковое экспериментирование с интеграцией диалектов и просторечия, а также новаторские нарративные стратегии, такие как фрагментарность композиции, техника потока сознания и полифоническое построение текста. На примере творчества ключевых авторов: Эльзы Моранте, Наталии Гинзбург и Альбы де Сеспедес – наглядно демонстрируется, как итальянская литературная традиция, несмотря на свое запоздалое развитие, сумела синтезировать острую социальную ангажированность с радикальным художественным новаторством, создав тем самым самобытную и до сих пор недостаточно изученную в сравнительном литературоведении гиноцентрическую модель, обогатившую общеевропейский феминистский дискурс.

Ключевые слова: гиноцентрическая литература, гиноцентрический роман, женское письмо, итальянская литература XX века, феминизм.

Гиноцентризм (от греч. *gyno* – «женщина» и лат. *centrum* – «центр») представляет собой концепцию, интерпретирующую женское мировоззрение и модели жизнедеятельности в качестве универсальных дискурсов, альтернативных андроцентрическим.

Гиноцентризм трактуется как идеологическая и практическая ориентация, в рамках которой женская перспектива занимает центральное положение в системе мировоззрения. В данной парадигме приоритет отдается женскому восприятию, потребностям и желаниям, а женский взгляд служит основополагающей точкой референции или аналитической оптикой при рассмотрении социальных и культурных явлений. В противоположность андроцентризму, предполагающему универсальность мужского опыта, гиноцентризм стремится выразить специфику женского существования, зачастую ранее игнорируемую.

Гиноцентризм оказывает существенное влияние на специфику женского авторского дискурса, формируя его гендерно маркированную структуру. В связи с этим художественная рефлексия гендерного опыта на протяжении исторического развития литературы остается одной из ключевых тем в творчестве женщин-писательниц. Ключевыми темами геоцентрической литературы являются тело, материнство, дом, молчание, травма, идентичность и язык.

В задачу данного исследования входит анализ специфики итальянского гиноцентрического романа как основного жанра гиноцентрической литературы, выявление его ключевых тем и стилистических особенностей, а также причин его запоздалого развития в сравнении с литературой других западных стран.

К данной проблеме ранее обращались: Showalter (1977) – в рамках сравнительного анализа женских литературных традиций, M. Lavagetto (1999) – в контексте изучения творчества Э. Моранте, S. Bullaro (2006) в аспекте анализа поэтики Н. Гинзбург.

Термин «гиноцентрическая литература» (или «женское письмо») впервые был введен в рамках феминистской критики для обозначения текстов, где женский опыт становится центральным (Moi, 1985).

Феномен гиноцентрической литературы стал одним из значимых явлений западной культуры второй половины XX века. Под влиянием второй волны феминизма (1960–1980-е годы) в США и Европе сформировался корпус текстов, в которых женский опыт стал центральным объектом художественного осмысления (Showalter, 1977; Cixous, 1975). Во Франции концепция “*écriture féminine*” (С. де Бовуар, Э. Сиксу, Ю. Кристева) подчеркивала необходимость создания особого языка, отражающего женскую субъективность. “*L’écriture féminine doit donner lieu à l’inconscient, ce sujet fondamental qui traverse les siècles, futur et amour...*” (Cixous, 1975, с. 883) / «Женское письмо должно дать место неосознанному, этому фундаментальному субъекту, проходящему сквозь века, будущего и любви...» (пер. В. А. Миловидова. – А. К.). В США Шоуолтер (Showalter, 1977) разработала теорию «гинокритики», исследующую женскую литературу как отдельную традицию.

Однако если в англо- и франкоязычных литературах этот процесс изучался достаточно подробно (Gilbert & Gubar, 1979; Kristeva, 1981), то итальянская гиноцентрическая проза долгое время оставалась на периферии академического дискурса.

В Италии, несмотря на ранние примеры женской прозы (Сибилла Алерамо, Грация Деледда), полноценное развитие гиноцентрического романа началось лишь в 1970-е годы. Связи с политическими и социальными процессами в стране наложили существенный отпечаток на его поэтику и проблематику.

Прежде чем анализировать особенности итальянского гиноцентрического романа, следует рассмотреть контекст его генезиса.

В отличие от других западноевропейских стран, где процессы урбанизации и индустриализации начались значительно раньше, Италия вплоть до середины XX века оставалась преимущественно аграрной страной с сильными патриархальными традициями, что существенно замедляло развитие женского самосознания и, как следствие, тенденции так называемой женской литературы.

Ключевой причиной этой запаздывающей тенденции стало своеобразие итальянского пути модернизации. Если в Англии промышленный переворот завершился уже к середине XIX века, а во Франции и Германии урбанизация активно шла в конце XIX – начале XX века, то Италия переживала эти процессы лишь в послевоенные десятилетия.

Такое отставание было обусловлено несколькими факторами: сохранявшейся региональной раздробленностью (резким различием между индустриальным Севером и аграрным Югом), последствиями фашистского режима с его консервативной гендерной политикой, а также доминированием католической церкви, традиционно поддерживавшей патриархальный уклад семейной жизни.

Массовая урбанизация 1950–1960-х годов создала принципиально новые условия для развития женского творчества. Переход от сельского к городскому образу жизни сопровождался важными социальными изменениями: расширением доступа женщин к образованию (если в 1871 году грамотными были лишь 23 % итальянок, то к 1961 году – уже 80 %), ослаблением традиционного семейного контроля, появлением свободного времени и возможностей для профессиональной самореализации. Именно в городской среде начали формироваться первые женские читательские кружки, литературные салоны и издательские проекты, ориентированные на женскую аудиторию.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на становление итальянской женской литературы и придавшим ей особую социальную остроту и политическую ангажированность, стала достаточно поздняя активизация феминистского движения в 1970-е годы.

В отличие от других западных стран, где феминизм развивался более плавно, итальянское женское движение сформировалось поздно, но бурно, что во многом определило уникальный характер местной гиноцентрической прозы.

Ключевой особенностью итальянского феминизма стал его ярко выраженный практический характер. Если во Франции теоретики вроде Симоны де Бовуар или Элен Сиксу разрабатывали философские основы женской эмансипации, а в Америке феминизм сделал акцент на индивидуальных правах, то итальянские активистки сосредоточились на конкретных социальных проблемах: легализации разводов (1970), праве на аборт (1978), борьбе с домашним насилием.

Такой подход напрямую отразился в литературе: женские романы этого периода часто напоминали публицистические хроники, документирующие повседневный опыт угнетения. Например, Дачиа Мараини в романе «Женщина на войне» (*"Donna in guerra"*, 1975) через историю отдельной женщины показывала системное насилие патриархального общества.

При этом поздний старт феминистского движения привел к интересному парадоксу: итальянские писательницы смогли сразу освоить самые современные литературные техники, минуя этап постепенного развития. В 1970-е годы, когда активистки выходили на улицы с лозунгами «Личное – это политическое», их соратницы в литературе уже использовали сложные модернистские приемы: поток сознания у Орнеллы Вольпи, автобиографический монтаж у Наталии Гинзбург, документальная поэтика у Эльзы Моранте. Это создало уникальный сплав политической ангажированности и художественного новаторства.

Особенно показателен акцент на телесности, ставший ответом на ключевую для итальянского феминизма борьбу за репродуктивные права. Если французские авторы философствовали о «женском письме», итальянские писательницы буквально описывали «женское тело» – его страдания, радости и борьбу за автономию. Романы превращались в манифесты, где сцены домашнего насилия (как у Мараини в «Женщина на войне»/*"Donna in guerra"*, 1975) или описания нелегальных аборт (как у Орнеллы Вольпи в «Девичьей комнате»/*"La stanza della vergine"*, 1984) несли не только художественную, но и явную политическую функцию.

Запоздалое, но бурное развитие феминизма в Италии, таким образом, сформировало особый тип гиноцентрической литературы – эмоционально насыщенной, социально ориентированной, сочетающей художественные поиски с гражданской позицией. Это отличает итальянскую традицию как от более ранних англо-американских образцов, так и от современной ей французской теоретической прозы, придавая ей уникальное место в общеевропейском литературном контексте.

Наконец, третьим фактором, оказавшим влияние на специфику итальянской гиноцентрической литературы, стала парадоксальная особенность ее литературной традиции, где при общем отсутствии развитой женской линии периодически появлялись яркие индивидуальности (например, Maria Grazia Cosima Deledda).

Отсутствие непрерывной женской традиции письма освободило итальянских писательниц от необходимости следовать готовым образцам, но одновременно поставило перед ними сложную задачу создания новых литературных форм буквально «с нуля». В отличие от французских или английских авторов, которые могли опираться на сложившуюся традицию женского романа, итальянкам приходилось изобретать собственные нарративные стратегии. Именно этим объясняется поразительная стилистическая свобода итальянской гиноцентрической прозы – от документальной поэтики Наталии Гинзбург до экспериментальных форм Дачии Мараини.

При этом отдельные выдающиеся фигуры вроде Грации Деледда, первой итальянской женщины – лауреата Нобелевской премии по литературе (1926), создавали своеобразные «точки опоры». Однако их наследие воспринималось новым поколением писательниц амбивалентно. С одной стороны, Деледда доказала саму возможность женского литературного успеха в патриархальном обществе, с другой – ее погруженность в сардинский фольклор и традиционалистские сюжеты не могли удовлетворить запросы феминисток 1970-х. Это противоречивое наследие породило характерную для итальянской гиноцентрической литературы напряженность между региональной идентичностью и универсалистскими устремлениями, между верностью традиции и революционным пафосом.

Отсутствие прочной женской традиции привело и к другой важной особенности – активному заимствованию художественных методов и нарративных техник из других видов искусства и интеллектуальных течений. Итальянские писательницы компенсировали недостаток литературных образцов обращением к кинематографу, особенно неореализму (например, «Рим – открытый город» (1945) Роберто Росселлини, «Умберто Д.» (1952) Витторио Де Сики), театру, визуальным искусствам, а также интенсивным диалогом с европейской философской и феминистской мыслью. Это объясняет синкретический характер многих произведений, где литературный текст вбирает в себя элементы киноязыка, театральной условности или визуальных искусств.

Таким образом, именно эта особенность итальянской литературной традиции – сочетание общего отсутствия линии женского письма с отдельными выдающимися достижениями – сформировала уникальный облик итальянского гиноцентрического романа: радикально но-

ваторского, но при этом глубоко укорененного в национальной культурной почве, политически ангажированного, но не теряющего художественной сложности, открытого мировым влияниям, но сохраняющего свое неповторимое лицо.

Итальянский гиноцентрический роман развивался в уникальном культурном и социальном контексте, что определило его основные тематические направления. В отличие от других национальных традиций, где женская проза часто сосредоточена на индивидуальном опыте героини, итальянские писательницы сделали семью центральным пространством для исследования женской идентичности. Семья здесь предстает не просто ячейкой общества, но институтом угнетения, где формируются и одновременно подавляются женские голоса. В произведениях Наталии Гинзбург, например, семейные хроники «Семейный лексикон» (*“Lessico familiare”*, 1963) превращаются в анализ механизмов патриархального контроля, где даже язык и повседневные ритуалы становятся инструментами подчинения. При этом материнство изображается как амбивалентный опыт – источник любви и боли, что особенно ярко проявляется в романе Эльзы Моранте «История» (1974), где война и социальные катаклизмы обнажают хрупкость женской судьбы. Межпоколенческие конфликты, как у Дачии Мараини («Голос луны», 1987), подчеркивают разрыв между традиционными ролями и новыми представлениями о свободе.

Еще одной важной темой становится тело и сексуальность, которые в итальянской традиции осмысляются не через абстрактные философские категории, как во французской литературе, а как поле повседневной борьбы. Католическая мораль, глубоко укорененная в культуре, создает напряженный конфликт между подавлением женской сексуальности и стремлением к эмансипации. Орнелла Вольпи в «Девичьей комнате» (*“La stanza della vergine”*, 1984) исследует женское тело как объект насилия и одновременно как источник сопротивления, а тексты многих авторов 1970-х годов буквально документируют последствия запретов на аборт и разводы. Эта борьба за физическую автономию находит свое отражение в ранних текстах, таких как роман Сибиллы Алерамо «Женщина»: *“Il mio corpo, che ho odiato, che avrei voluto vedere distrutto, mi è diventato prezioso come non mai, da quando sento fremere in lui un'altra vita”* (Aleramo, 1906, с. 87) / «Мое тело, которое я ненавидела, которое я хотела бы видеть уничтоженным, стало мне дорого, как никогда раньше, с того момента, как я начала чувствовать в нем трепет другой жизни».

Социально-политический контекст также играет ключевую роль, придавая итальянскому гиноцентрическому роману особую остроту. Многие писательницы связывали женские судьбы с рабочим движением и левой идеологией, как, например, в романе Ренаты Вигано «Аньезе идет на смерть» (*“L'Agnese va a morire”*, 1949). Историческая память, особенно травма фашизма и послевоенной реконструкции, становится фоном для женских историй, подчеркивая, как политические потрясения усугубляют гендерное неравенство. Кроме того, региональные различия между индустриальным Севером и аграрным Югом создают контрастные условия для женской жизни, что отражается в литературе – от неаполитанских хроник Элены Ферранте (*“L'amica geniale”*, 2011) до миланских урбанистических повествований Клаудии Пинионери (*“I confini del corpo”*, 2005).

Таким образом, итальянский гиноцентрический роман, сохраняя общеевропейские феминистские ориентиры, выработал свою уникальную тематическую палитру, где семья, тело и политика переплетаются в сложном узле социальных и культурных противоречий.

Одной из ключевых стилистических черт итальянского гиноцентрического романа является его глубокая связь с автобиографизмом и документальностью. Произведения этого направления часто строятся на личном опыте, создавая эффект исповедальности. Например, в романе Сибиллы Алерамо «Женщина» (1906) повествование ведется с пронзительной искренностью, словно героиня раскрывает читателю самые сокровенные переживания.

При этом авторы сознательно смешивают факты и вымысел, стирая границы между реальностью и художественным творчеством. Такой прием позволяет не только усилить эмоциональное воздействие, но и подчеркнуть универсальность женского опыта. Кроме того, многие писательницы обращаются к дневниковой форме, придавая тексту интимность и достоверность. Дневник становится не просто литературным приемом, а способом фиксации женского взгляда на мир. Альба де Сеспедес в «Запретном дневнике» устами своей героини Вальерии формулирует саму суть этого процесса: *“Ho comprato questo quaderno non per scrivere memorie o racconti, ma per essere finalmente sincera... quasi parlando con un'amica”* / «Я купила эту тетрадь не для того, чтобы писать воспоминания или рассказы, а чтобы, наконец,

иметь возможность быть откровенной... словно разговариваю с подругой» (пер. автора. – А. К.) (De Céspedes, 1952, с. 5).

Язык в гиноцентрических романах становится полем для смелых экспериментов, отражающих стремление женщин переосмыслить традиционные литературные нормы. Одно из ярких проявлений этого – активное использование диалектов, как в романе Элены Ферранте «Моя гениальная подруга» (*“L'amica geniale”*, 2011), где неаполитанский диалект соседствует с литературным итальянским, или в произведениях Грации Деледда, насыщенных сардинской языковой палитрой. Включение региональной речи в текст становится формой сопротивления унифицированному литературному языку, который долгое время оставался мужской привилегией.

Еще одной важной особенностью является игра с просторечием, как, например, в романе Дачии Мараини «Мемуары женской лжи» (*“Memorie di una ladra”*, 1972), где уличная лексика римских окраин контрастирует с академическим языком, или у Наталии Гинзбург, мастерски воспроизводящей разговорные интонации в «Семейном лексиконе» (*“Lessico familiare”*, 1963). Авторы сознательно противопоставляют разговорную речь высокому стилю, подчеркивая тем самым разрыв между официальной культурой и повседневным женским опытом. Кроме того, гиноцентрические романы часто строятся на интертекстуальности – они вступают в диалог с классической литературой, переосмысляя или даже оспаривая устоявшиеся каноны.

В построении повествования итальянские писательницы используют новаторские приемы, которые позволяют передать специфику женского восприятия. Одним из таких приемов является фрагментарность композиции. Текст дробится на эпизоды, отражая разорванность женского сознания в патриархальном мире.

Еще одной важной стратегией становится техника потока сознания, заимствованная из модернистской литературы. Этот прием позволяет показать внутренний мир героинь во всей его сложности и противоречивости, как в романе Орнеллы Вольпи «Девичья комната» (*“La stanza della vergine”*, 1984) или в экспериментальной прозе Анны-Марии Ортезе «Морской дневник» (*“Il mare non bagna Napoli”*, 1953). Наконец, многие гиноцентрические романы строятся на полифонии – множественности голосов, которые взаимодействуют или спорят друг с другом. Таким образом, текст превращается в пространство диалога, где звучат разные женские истории.

Среди ключевых авторов итальянского гиноцентрического романа стоит особо выделить Эльзу Моранте, Наталию Гинзбург и Альба де Сеспедес, каждая из которых по-своему переосмыслила женскую субъективность, язык и нарративные стратегии.

Эльза Моранте занимает особое место в итальянской литературе XX века, поскольку ее проза сочетает социальный протест с глубоким психологизмом. Наиболее ярко это проявилось в ее знаменитом романе «История» (1974), где война показана не через масштабные батальные сцены или политические интриги, а через призму материнства. Главная героиня, Ида, – простая учительница, еврейка по происхождению, чья жизнь рушится под натиском исторических катастроф. Ее борьба за выживание сына становится метафорой женского сопротивления в мире, где история пишется мужчинами и для мужчин.

Критики, такие как Марио Лаваджетто (1999), отмечают, что Моранте разрушает каноны исторического романа, смещая фокус с великих событий на интимные, телесные переживания. Женское тело в ее прозе – не пассивный объект, а носитель памяти и боли, а материнство предстает не как сентиментальный идеал, а как форма выживания и протеста. Ее стиль, балансирующий между реализмом и мифологизацией, создает особый гиноцентрический взгляд на историю, где частное становится универсальным.

Наталия Гинзбург в своем творчестве исследует женский опыт через призму семейных отношений, языка и повседневности. Ее автобиографический роман «Семейный лексикон» (*“Lessico familiare”*, 1963) – не просто хроника семьи, а тонкое исследование того, как женская память формирует историю. Гинзбург не описывает события в хронологическом порядке; вместо этого она воссоздает прошлое через фрагменты разговоров, жестов, повторяющихся семейных фраз – тот самый «лексикон», который становится основой идентичности.

Как отмечает исследовательница Стефания Булларио (2006), тексты Гинзбург построены на «поэтике молчания» – важное часто остается невысказанным, угадывается между строк. Ее героини не произносят громких монологов о свободе; их сопротивление заключается в самой манере говорить, помнить, передавать опыт. В отличие от классического романа с его инди-

видуалистическим героем, Гинзбург показывает женскую субъективность как часть коллективного нарратива. Ее проза – это политика интимности, где быт и семейные ритуалы становятся формой сохранения истории, альтернативной официальной.

Альба де Сеспедес – одна из первых итальянских писательниц, которая открыто заговорила о женском одиночестве и подавлении в патриархальном обществе. Ее роман «Отсутствие» (*"L'assenza"*, 1944) стал ранним примером гиноцентрической прозы, где женская внутренняя жизнь исследуется без прикрас. Однако наиболее радикальным ее произведением считается «Запретный дневник» (*"Quaderno proibito"*, 1952), в котором героиня, Вальерия, тайно ведет записи, пытаясь осмыслить свою жизнь вне ролей жены и матери.

Де Сеспедес использует форму дневника как инструмент обретения субъектности – ее героиня постепенно осознаёт, что ее мысли и желания имеют ценность. Этот прием перекликается с идеями *"écriture féminine"* (женского письма), которые позже разработает Элен Сиксу: письмо становится способом выразить то, что было вытеснено из публичного дискурса. В отличие от Моранте и Гинзбург, де Сеспедес сознательно выбирает простой, почти разговорный язык, приближая текст к повседневности обычной женщины. Ее нарратив часто фрагментарен, лишен четкой развязки – это отражает незавершенность женского поиска себя в мире, где традиционные сценарии больше не работают. Эта идея находит отклик в теории Элейн Шоуолтер, которая утверждает, что *"The female literary tradition... grows from the same desire for self-expression. Female subordination and the minority status of women have created a common ground for female culture"* / «Женская литературная традиция... растет из того же самого стремления к самовыражению. Подчинение женщин в обществе и их статус меньшинства формируют общую основу для женской культуры» (пер. автора. – А. К.) (Showalter, 1977, p. 13).

Феномен гиноцентрического романа в итальянской литературе второй половины XX века представляет собой уникальное явление, сформировавшееся под влиянием сложного переплетения социальных, политических и культурных факторов. В отличие от других западных литератур, где женская проза развивалась в тесной связи с феминистским движением, итальянский гиноцентризм возник в условиях своеобразного итальянского пути модернизации страны, сильного влияния католической церкви и фрагментированной национальной идентичности. Тем не менее именно эти особенности придали ему особую художественную и социальную значимость.

Итальянский гиноцентрический роман выработал собственные тематические и стилистические стратегии, сочетая политическую ангажированность с глубоким психологизмом. Ключевыми темами стали семья как пространство угнетения и сопротивления, тело как поле борьбы за автономию, а также историческая память, переосмысленная через женский опыт. В нарративном плане итальянские писательницы активно экспериментировали с автобиографизмом, языковой гибридностью и фрагментарными формами, создавая альтернативу традиционному андроцентрическому канону.

Творчество таких авторов, как Эльза Моранте, Наталия Гинзбург и Альба де Сеспедес, демонстрирует, что итальянская гиноцентрическая проза не просто вписалась в общеевропейский феминистский контекст, но и внесла в него оригинальный вклад. Их произведения, балансирующие между документальностью и художественным вымыслом, между индивидуальным и коллективным опытом, расширили границы женского письма. Однако, несмотря на свою значимость, итальянский гиноцентрический роман до сих пор остается менее изученным по сравнению с французской или англо-американской традициями. Дальнейшие исследования могли бы углубить понимание его места в мировой литературе, а также проследить его влияние на современные женские нарративы.

Список литературы

1. Словарь гендерных терминов. URL: <http://a-zgender.net/ginocentrizm.html>.
2. Bullaro S. *Beyond "Life is Beautiful" : Trauma and Comedy in the Works of Natalia Ginzburg*. Troubador Publishing Ltd., 2006.
3. Cixous H. The Laugh of the Medusa // *Signs*. 1975. 1(4). Pp. 875–893.
4. Gilbert S. M., Gubar S. *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination*. Yale University Press, 1979.
5. Kristeva J. Women's Time // *Signs*. 1981. 7(1). Pp. 13–35.
6. Lavagetto M. *La macchina dell'errore : Lettura del "Menzogna e sortilegio" di Elsa Morante*. Einaudi, 1999.
7. Moi T. *Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory*. Methuen, 1985.

8. Showalter E. A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing. Princeton University Press, 1977.
9. Beauvoir S. de Le Deuxième Sexe. Paris : Éditions Gallimard, 1949.
10. Aleramo S. Una donna. Milano : Fratelli Treves, 1906.
11. Ginzburg N. Lessico familiare. Einaudi, 1963.
12. De Céspedes A. Quaderno proibito. Milano : Arnoldo Mondadori Editore, 1952.
13. Morante E. La Storia. Torino : Giulio Einaudi Editore, 1974.
14. Maraini D. Donna in guerra. 1975.

National originality of the italian gynocentric novel of the second half of the 20th century: themes, poetics, context

Krasnitskaya Alena Evgenievna

lecturer, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Russia,
Nizhny Novgorod. E-mail: alenakrass@gmail.com

Abstract. This article presents a comprehensive interdisciplinary study of the national distinctiveness of the Italian gynocentric novel of the second half of the 20th century as a unique cultural phenomenon that emerged in response to radical socio-political transformations in post-war Italy. Its formation and evolution exhibited pronounced national specificity, fundamentally distinguishing it from the development of gynocentric prose in the Anglo-American and Francophone contexts, where it evolved synchronously and in close connection with organized feminist movements. In Italy, however, the genesis of this literary direction was determined by a complex interplay of unique factors, including a profound crisis of national identity, the total dominance of Catholic values in public discourse, and an exceptionally slow process of female consciousness emancipation. The work provides a detailed analysis of the key thematic and narrative directions of the Italian gynocentric novel, focusing particularly on the family as an institution of patriarchal control and simultaneously a space of female resistance, physicality and sexuality as a field of struggle for personal autonomy, and the acute reflection of the contemporary socio-political context through the prism of individual female experience. Special attention is paid to the specific poetics of the genre, including the extensive use of autobiography and documentary styles, conscious linguistic experimentation with the integration of dialects and colloquial speech, as well as innovative narrative strategies such as compositional fragmentation, stream of consciousness technique, and polyphonic text construction. Through examining works by key authors – Elsa Morante, Natalia Ginzburg, and Alba de Céspedes – the study demonstrates how the Italian literary tradition, despite its belated development, managed to synthesize acute social engagement with radical artistic innovation, thereby creating a distinctive gynocentric model that remains understudied in comparative literary studies and has enriched the broader European feminist discourse.

Keywords: gynocentric literature, gynocentric novel, women's writing, 20th century Italian literature, feminism.

References

1. Slovar' gendernykh terminov [Gender Glossary]. Available at: <http://a-zgender.net/ginocentrizm.html>.
2. Bullaro S. Beyond "Life is Beautiful" : Trauma and Comedy in the Works of Natalia Ginzburg. Troubador Publishing Ltd., 2006.
3. Cixous H. The Laugh of the Medusa // Signs. 1975. 1(4). Pp. 875–893.
4. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination. Yale University Press, 1979.
5. Kristeva J. Women's Time // Signs. 1981. 7(1). Pp. 13–35.
6. Lavagetto M. La macchina dell'errore : Lettura del "Menzogna e sortilegio" di Elsa Morante. Einaudi, 1999.
7. Moi T. Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory. Methuen, 1985.
8. Showalter E. A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing. Princeton University Press, 1977.
9. Beauvoir S. de Le Deuxième Sexe. Paris : Éditions Gallimard, 1949.
10. Aleramo S. Una donna. Milano : Fratelli Treves, 1906.
11. Ginzburg N. Lessico familiare. Einaudi, 1963.
12. De Céspedes A. Quaderno proibito. Milano : Arnoldo Mondadori Editore, 1952.
13. Morante E. La Storia. Torino : Giulio Einaudi Editore, 1974.
14. Maraini D. Donna in guerra. 1975.

Поступила в редакцию: 02.09.2025

Принята к публикации: 29.10.2025

УДК 821.161.1

EDN: CFSQSK

Особенности хронотопа и маршрута в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

Раков Андрей Алексеевич

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, Школа № 79
им. Н. А. Зайцева; соискатель кафедры русской и зарубежной филологии факультета гуманитарных
наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.
Россия, г. Нижний Новгород. SPIN-код: 4212-8723. ORCID: 0009-0000-1488-3332. E-mail: rane496@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации времени и пространства в первом крымском путешествии П. И. Сумарокова, для которого характерно влияние художественного сознания предромантизма и сентиментализма. Актуальность работы обусловлена интересом современных исследователей к локальным (региональным) текстам русской словесности, к жанру травелога; а также отсутствием работ, связанных с полноценным анализом крымских травелогов П. И. Сумарокова в контексте сентиментального путешествия конца XVIII – начала XIX в.

Целью статьи является комплексное изучение особенностей хронотопа и маршрута в травелоге П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году». Методологически исследование демонстрирует имагологический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический и компаративный подходы и опирается на труды, посвященные литературному путешествию и крымскому тексту русской словесности.

В результате проведенного исследования было выявлено, что сопоставление по принципу прошлое – настоящее стало главным средством описания местности в рассматриваемом тексте и основано на трех приемах: аллюзии, ассоциации, ретроспекции. На страницах крымского травелога П. И. Сумарокова нередко путешествие в пространстве превращается в путешествие во времени. Особое внимание в исследовании было обращено на мифопоэтический образ Крыма, поскольку полуостров в представлении П. И. Сумарокова наделен чертами сакрального пространства. Авторское осмысление идеологемы «Москва – Третий Рим», связанной с византийским наследием и концептом возвращения, и актуализация мифологем «райского места» и «города-сада» репрезентировали мировоззренческие установки автора. Исследование также показало, что жанрообразующими категориями травелога являются маршрут, хронотоп, локус.

Ключевые слова: сентиментальное путешествие, П. И. Сумароков, маршрут и хронотоп травелога, крымский текст, мифопоэтика.

Маршрут определяет структуру литературного путешествия: автор заранее намечает путь, по которому он будет двигаться, но в поездке часто происходят незапланированные встречи, происшествя, которые путешественник описывает порой так же подробно, как особенности ландшафта. Однако эта видимая документальность, достоверность бывает обманчивой, поскольку автор намеренно осуществляет выборку событий: чем-то он охотно делится с читателем, а о чем-то решает умолчать. В. А. Шачкова, анализируя маршрут травелога, выделяет важную особенность, состоящую в *синтезе объективного и субъективного начал* [18, с. 280]. В качестве объективного начала выступают факты, «с которыми сталкивается путешественник независимо от своей воли», субъективным же является авторский отбор этих фактов. Из этого следует вывод, что именно маршрут, «развернутый в пространстве и времени и обуславливающий конструкцию, композицию произведения» [4, с. 50], является сюжетообразующим началом в литературе путешествий.

Сам сюжет травелога типичен и представляет собой перемещение героя в пространстве, поскольку литературное путешествие (в особенности сентиментальное) преследует одну главную цель: передать мысли и эмоции самого путешественника. Персонажи, окружающие главного героя, почти всегда являются *эпизодическими* и не участвуют в развитии сюжета – автор вводит их для того, чтобы показать этнические и культурные особенности народа исследуемой местности.

Организация пространства в литературе путешествий тоже чаще всего однотипна и представляет собой два вида пространства:

- 1) закрытое пространство (определенная городская или сельская местность);

2) открытое пространство (дорога до этой местности, которая преодолевается путешественником).

По словам Ю. М. Лотмана, «понятия “верх – низ”, “замкнутый – разомкнутый” организуют пространственную структуру текста, а важнейшим топологическим признаком пространства является граница» [9, с. 318]. События, которые происходят с путешественником во время поездки, излагаются в хронологической последовательности, а читатель движется по следам автора; композиция в травелогах чаще всего линейная. Однако за внешней простотой организации времени и пространства в литературе путешествий скрывается куда более сложный хронотоп, имплицитно выражающий авторскую интенцию. А. Л. Латухина выделяет несколько хронотопических уровней:

– «хронотоп героя» – «бытовое пространство» (конкретное пространство и время путешествия героя);

– «историко-культурный хронотоп» (архитектурные памятники, реминисценции);

– «мифопоэтический хронотоп» («космическое пространство») [8, с. 91].

Опираясь на эту модель, определим особенности хронотопа сентиментального путешествия П. И. Сумарокова.

Павел Иванович Сумароков (1767–1846) отправляется в Крым в 1799 г., во время правления Павла Первого, когда полуостров, «обратившийся в уезд», был причислен к «Екатеринославской губернии, переименованной тогда в Новороссийскую» [12, с. 129]. Несмотря на то что поездку П. И. Сумарокова следует назвать путешествием внутри своей страны, отметим схожесть ситуации, в которой оказались и европейские, и отечественные путешественники, впервые побывавшие на полуострове в это время: только что присоединенная к Российской империи Таврида являлась экзотическим и неизведанным пространством как для русских людей, так и для европейцев и привлекала путешественников своей древнейшей историей [17]. Маршрут Сумарокова мало чем отличался от маршрута его предшественников (Ш. Ж. Ромм, П. С. Паллас) и выглядел следующим образом: Симферополь – Белогорск (Карасубазар) – Феодосия (Кафа) – Керчь (Пантикапеум) – Еникуль – Арабат – Старый Крым – Сулак – Алушта – Партенит – Никита – Ялта – Алушка – Балаклава – Ахтиар (Севастополь) – Бахчисарай – Симферополь (Акмечеть) – Кезлов (Евпатория) – Перекоп. Где-то П. И. Сумароков задержался дольше, чем планировал, другие места посетил проездом.

Если опираться на предложенное в работе А. Л. Латухиной деление пространства на три хронотопических уровня, можно увидеть, что в некоторых местах в травелог Сумарокова наблюдается слияние этих уровней (бытовой сливается с историко-культурным, а оба они перекликаются с мифопоэтическим типом хронотопа, тем самым как бы образуя новый хронотопический уровень). Следовательно, стоит признать, что подобное деление носит условный характер и не может схематизировать хронотоп литературного путешествия в целом. Пространство в травелог постоянно расширяется или сужается, «диапазон его безграничен – от «интимно» близкого пространства собственной мысли до тех сколь угодно дальних пределов, куда может залететь собственное воображение» [3, с. 146].

Организация быта героя, или «*бытового пространства обыденной жизни*» (Ю. М. Лотман), в крымском путешествии П. И. Сумарокова довольно проста: путешественник находится в том пространстве, которое впоследствии будет описывать, иногда происходят отклонения от маршрута, о которых сам путешественник сообщает читателю. Например, находясь в Еникуле, Сумароков пишет о том, что его посетила мысль переплыть на азиатскую сторону в Тамань, осмотреть тот край, «увидеть взорванный в 1794 г. чудесным извержением холм, и коснуться Бугиса». Однако погодные условия не предоставили путешественнику такой возможности, он не осмелился переплыть «18 верст по бунтующей стихии» и «с сожалением поворотил к Арбату» [15, с. 94–95].

В этом отрывке наглядно проявляется «идея свободы» [3, с. 141], которая, согласно В. М. Гуминскому, есть главный признак литературы путешествий. Сумароков мог и вовсе умолчать о своих несбыточных планах посещения Тамани, а рассказывать лишь о тех местах, которые ему удалось посетить. Заметим также, что автор включает в повествование самостоятельно переведенные на русский язык (иногда стихами) выражения крымских татар:

Пригодно завсегда держать в руках жену;

Коль власть же ей дана, так муж тогда в плену [15, с. 91].

Эту пословицу Сумароков записал со слов крымского татарина в разговоре о мусульманских обычаях и изложил ее в стихах. Наблюдательный путешественник, Павел Иванович

сообщает далее читателю, что во время пребывания на полуострове он не увидел на улицах городов ни одной татарки, что объясняется магометанскими правилами. Подмечает автор и то, что горные татары живут лучше степных, поскольку в их домах крышами служат «потолки, на которых наваленная и гладко укатанная земля составляет преизрядные террасы, где они в прохладные часы с семейством своим сидят» [15, с. 103].

К городским локусам, которые вызывают особый интерес П. И. Сумарокова, относятся церкви, мечети, базары, дворцы, городские улицы, жилища местных, куда приглашают в гости путешественника.

Прошлое – настоящее в описании местности. Важной особенностью рассматриваемого травелога является постоянное сопоставление *современного* состояния города с *прошлым*, причем об истории конкретной местности путешественник знает и рассказывает не хуже, чем о том, что видит собственными глазами. Например, при описании Старого Крыма Сумароков сначала повествует о былом величии многолюдного пространства, а затем рисует картину его современного состояния: «Теперь в Старом Крыму считают только до 70 домов, или, лучше сказать, лачужек; церквей нет ни одной, кроме сооруженной в доме епископа Феодосийского и Мариупольского» [15, с. 98].

Сопоставление по принципу прошлое – настоящее является главным средством описания местности у Сумарокова. Это видно и при упоминании об одном из старинных городов полуострова – Феодосии [13], и при описании Белой скалы в Карасубазаре: путешественник вспоминает события 1783 г., когда представители крымских татар давали здесь присягу на верность России. Погружение в историю осуществляется не только прямым путем, но и с помощью большого количества справок и статистических данных, сносок и гравюр.

При этом важную роль играет категория **времени**. Архитектурные сооружения Крыма, местное население и сами древнейшие города (Пантикапей – центр Боспорского царства, Бахчисарай – столица Крымского ханства) вызывают у Сумарокова ассоциации с конкретными историческими эпохами, прошлое сливается с настоящим, а путешествие в пространстве превращается в путешествие во времени. Приведем в пример отрывок, который построен на античных сравнениях, ассоциациях и аллюзиях: «В этом-то густом лесу Диана преследовала зверей и дриады обитали. Там Церера, увенчанная колосьями, предускоряла жатву; Помона вливала вкусные соки в различные плоды, и Пан, играющий на свирели, забавлял полевых нимф» [15, с. 113].

В тексте Сумарокова постоянно происходит наложение динамичного и статичного пространств, поэтому организацию текста можно сравнить с неким арабеском [5, с. 92], в котором соединяются описываемое впечатление и литературная ассоциация – реминисценция; это позволяет автору философски осмыслить наследие прошлого и слить воедино два пространства с помощью памяти. Следовательно, важным сюжетобразующим приемом в путешествии Сумарокова является **ассоциация**. Похожую мысль высказывает и В. М. Гуминский; рассуждая о хронотопе литературного путешествия, он подчеркивает, что подобная организация пространства, когда движущей силой действия является ассоциация, а сюжет строится с помощью перехода от одного впечатления к другому, напоминает жизнь человека: «Путешествие подчиняется, в сущности, той же эпической закономерности, что и течение человеческой жизни» [3, с. 3]. Сумароков, предвидя упреки в излишней сентиментальности и «литературности» описания, также сравнивает жизнь с художественным произведением: «Может быть, скажут, что эти слова романтические представляют изображения; но наша жизнь еще более на роман походит» [15, с. 108].

Обращение к историческому наследию осуществляется в крымском путешествии П. И. Сумарокова не только с помощью аллюзий и ассоциаций, но и с помощью приема **ретроспекции**. Например, прежде чем вступить на крымскую землю, автор дает развернутую историческую справку для читателя: «Прежде нежели вступлю в сию страну, не бесполезным, полагаю я, будет для читателя найти краткое повествование о первобытных в ней народах» [15, с. 62]. Подача материала в виде диалога с читателем была характерна для сентиментальной прозы XVIII в. В ходе повествования Сумароков неоднократно обращается к своим читателям и подобным образом имитирует общение в доверительной манере. Далее в исторической справке, предваряющей основное описание Тавриды, Сумароков пишет о народах, населявших Крым, о завоеваниях и нашествиях «казаров», «готфов», подробно останавливается на походе князя Святослава, взявшего город Фанагорию. Затем путешественник вспоминает крестившегося в Херсонесе князя Владимира, который в 988 г. «отправил в Тавриду свое войско, город Феодосию или Кафу разорил, церковную утварь отослал в Киев» [15, с. 67] и женился на сестре императора Василия.

О присоединении Крыма к России П. И. Сумароков пишет следующее: «Но в 1783 г. Россия обратила взор на древнее *свое завоевание*, и Таврида, претерпевшая столько над собой превратности, *приобщилась, наконец*, под Ее Державу, и составляет ныне прелестную оной областью» [15, с. 69] (курсив наш. – А. Р.). В этом отрывке имплицитно выражен концепт возвращения/«присвоения» Византии, поскольку Крым действительно воспринимался в то время большей частью образованного российского общества «обретенной Византией» [5, с. 90, 93]. Для автора важно, что Таврида *освободилась* от власти Оттоманской Порты и именно *приобщилась*, стала частью России, а не колонией, где руки победителей «больше заняты защитой захваченной земли, нежели обработкой ее» [7, с. 89].

Мысль о том, что Россия является преемницей Византии и потому имеет общую историю и культуру с Европой, идеологическая установка автора и реализуется даже на бытовом уровне. Например, когда Сумароков рассказывает о трапезе, которую совершал вместе с татарами по их правилам, он не только передает обычаи местных жителей, давая им порой отрицательную оценку, но и идентифицирует себя как европейца: «Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился <...>. Я жежевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок и ел вилкой *по-европейски*» [15, с. 78] (курсив наш. – А. Р.). В другом месте Сумароков также подчеркивает, что он обедал по-европейски, поскольку азиатские приправы ему «уже наскучили» [15, с. 81].

Описывая современное состояние полуострова, Сумароков справедливо замечает его опустошение. Вот что говорит автор о Судаке, ныне популярном курортном городе: «Судак был из числа древних городов; но ныне в нем нет ни одного дома, ни обывателя, и, кроме древней разоренной крепости, да пустых казарм, никакого строения не находится» [15, с. 99]. В таком же духе описывает путешественник и состояние Феодосии, упоминая о том, что Каффа из крупного торгового порта превратилась в небольшой городок, в котором насчитывается около ста домов. Однако автору, в отличие, например, от его французского предшественника Ш. Ж. Ромма, не свойственно винить войну в последствиях опустошения и рассуждать о колонизаторской деятельности. Сумароков уверен в возрождении края, хотя уже во время второй своей поездки на полуостров в качестве судьи он признается, что Россия поспешила с выселением из Крыма некоторых народов (армян, греков, татар).

По мнению автора сентиментального путешествия, нынешний упадок Крыма «временный, результат войн и необдуманных миграций населения» [14, с. 17]. Будущее Крымского полуострова видится Сумарокову в объединении народов и культур под флагом Российской империи («приобщилась, наконец, под Ее Державу», «пришла под Российскую державу»); в этом и заключается историософская концепция писателя и государственного деятеля П. И. Сумарокова. Подобные взгляды о закономерностях истории автор высказывает на протяжении всего повествования; приведем еще один отрывок: «Крым до покорения своего Россией был многолюден <...>. Когда же сия *кроткая Держава*, побуждаемая *человеколюбивыми* своими правилами, пожелала лучше иметь *добровольных* себе подданных, нежели пленников в областях своих, то крымцы, получившие *свободу* и оставаться в своем отечестве, и удалиться из оного, вышли из него к своим единоверным великими тысячами» [15, с. 165] (курсив наш. – А. Р.).

Осмысление состояния Крыма через призму истории присуще не только книге П. И. Сумарокова – многие путешественники того времени (Ш. Ж. Ромм, В. В. Измайлов, И. М. Муравьев-Апостол), приступая к описанию Тавриды, упоминали о тысячелетней истории этого края, чтобы подчеркнуть культурный синтез, связанный с множеством этносов, проживающих на полуострове.

Мифопоэтический образ Крыма. Прошлое Крымского полуострова в восприятии Сумарокова тесно связано с мифопоэтикой, где нагляднее всего актуализируется античный миф. Это неслучайно, поскольку Крым воспринимался путешественниками конца XVIII – начала XIX в. как хнотический рай (Эдем в Тавриде), а следовательно, главной типологической характеристикой мифопоэтического образа Крыма является *мифологема «райского места»*. Подобное восприятие пространства было типичным для авторов эпохи предромантизма и сентиментализма: «Идеологема возвращения и мифологема райского места возникают из типичного для последних десятилетий XVIII поэтического восприятия окружающего мира» [5, с. 91].

Развенчать этот миф помогают записки очевидцев. Например, Дмитрий Борисович Мертваго, вступивший в 1803 г. в должность гражданского губернатора Тавриды, в своих мемуарах крайне негативно отзывается о состоянии, в котором находился полуостров в первые десятилетия после присоединения к России. Среди факторов, ухудшивших состояние края, он

особенно выделяет доноительство, расхищение казны, тягу к богатству и связанные с этим должностные преступления, а наплыв европейских и отечественных путешественников и писателей объясняет одобрением Таврического князя Потёмкина и его желанием «прославиться в России услугою, империи оказанной» [12, с. 125]. Довольно резко отзываясь губернатор Тавриды и о населении полуострова тех времен: «Никто из добропорядочных поселян не захотел водвориться в таковые селения», а живут здесь теперь лишь беглые солдаты, желающие записаться «в крестьянство помещика», бродяги, «бездетно умершие» [12, с. 128].

Д. Б. Мертваго подчеркивает, что Крым для русского человека оказался отнюдь не райским местом и что «великое число русских, к крымскому климату не привыкших, погребено в иловато-известковую землю» [12, с. 127]. Возвращавшиеся из Крыма офицеры говорили о тяжести климата, однако во всех травелогах того времени путешественники утверждают обратное, «подстрекая любопытство увеличенными красками» [12, с. 127]. Пишет губернатор и о природном оскудении края, видя главную причину в различии климата, флоры и фауны большинства регионов России и Крыма. По словам Д. Б. Мертваго, «дерево без фруктов и без листьев незнакомо русскому», поэтому солдаты рубили леса для землянок без разбору, оскудели сады, «не пощажены огромные деревья ореховые, грушевые, яблонные и прочие» [12, с. 126].

П. И. Сумароков, наследуя традиции сентиментализма, воспринимает Крым исключительно как райское место и неоднократно называет Тавриду «раем на земле», «эдемским краем», который составляет «лучшую часть России» и является «истинным для нее сокровищем». Вот о чем пишет путешественник, пораженный красотами Крыма: «Не нашел ли бы человек в этом эдемском краю прямых наслаждений в своей жизни? Небольшой его домик, построенный на морском берегу в тени зеленеющих тополей и кипарисов, имел бы вместо пышных убранств спокойствие главным украшением. Появление дневного светила и глас пастушьей свирели, сопровождающей стада на пастбища, возбуждали бы его от безмятежного сна...» [15, с. 107]. В этом отрывке явно заметно влияние эстетики сентиментализма и черты пасторали (пастушья свирель, умиротворение героя и жизнь на лоне природы). Сумароков обращает внимание читателя на реальность описываемого пейзажа, но в то же время возводит его в абсолют: «Все придуманные пейзажи суть ничто в сравнении с сими райскими местами» [15, с. 113].

Стоит отметить, что для мифологического сознания характерна идея *вечного повторения*, движения по кругу в бесконечном пространстве, где нет границ между прошлым и настоящим (либо они размыты), а это значит, что в мифопоэтическом хронотопе «время сгущается и становится формой пространства» [16, с. 232]. Показательны в этом отношении эпизоды, в которых Сумароковым описывается начало пути в новый город: «Поутру рано пустился я с К. В. делать по городу визиты»; «Отправился при восхождении солнечном в свой путь»; «Еще не утихла утренняя заря, как я приближался к Перекопу» [15, с. 51, 57, 69]. Повторяющийся мотив начала пути на заре прослеживается на бытовом уровне и актуализирует древнейший архетип Солнца. Герой начинает свое движение вместе с восходом солнца, исследует местность, перемещается в пространстве, а вечером останавливается у местных жителей или в гостинице, чтобы завтра снова повторить этот маршрут в новом пространстве.

Назовем еще одну особенность мифопоэтического хронотопа – *движение к сакральному центру*. В путешествии Сумарокова сакральным центром является не какой-то конкретный город, поселение, улица, церковь или мечеть, но само пространство крымской земли – колыбель русского православия, где крестился князь Владимир. Для книги отечественного путешественника характерна следующая идеологическая установка: русские – преемники античной цивилизации, а Крым – священное место, непосредственно связанное с Крещением Руси.

Мифологема «райского места» в произведении Сумарокова тесно связана с архетипом *города-сада*: «Чем не одарила природа и чего не производит посреди себя оный *общий сад*, или плодоносная теплица всего государства?» [15, с. 171] (курсив наш. – А. Р.). Чертами этого архетипического образа обладает не какой-то конкретный город на территории Тавриды, но сам Крым является общим садом теперь уже российского государства.

Крымские пейзажи занимают отдельное место в книге П. И. Сумарокова. Описывая море, горы и долины, путешественник подчеркивает первозданность пространства: «О природа! <...> ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую радость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения» [15, с. 76]. Подобные наблюдения (созерцания) путешественника часто сопряжены с его философскими размышлениями, которые наводят автора на мысль о сущности бытия. Окружающий мир «становится для Сумарокова той сферой, которая позволяет ему самоидентифицироваться» [1, с. 11].

Заключение. Маршрут П. И. Сумарокова, с одной стороны, можно назвать типичным, поскольку автор побывал почти во всех городах, в которых останавливались путешественники до и после него (Ш. Ж. Ромм, П. С. Паллас, В. В. Измайлов, И. М. Муравьев-Апостол, А. С. Грибоедов и др.). С другой стороны, именно Сумароков был одним из первых, кто проложил этот *литературный маршрут* и открыл Крым российскому читателю.

Несмотря на то что события в путешествии следуют в хронологическом порядке, категория времени в травелогe Сумарокова нетипична. Было выявлено, что сопоставление по принципу прошлое – настоящее стало главным средством описания местности в рассматриваемом тексте и основано на трех приемах: аллюзии, ассоциации, ретроспекции.

При таком способе организации пространства и времени, когда прошлое сливается с настоящим, одновременно погружая читателя в историю полуострова и знакомя с нынешним состоянием Тавриды, нагляднее всего актуализируется античный миф и путешествие в пространстве условно превращается в путешествие во времени, поскольку авторские размышления об архитектурных сооружениях древности и исторические справки невольно переносят читателя на несколько тысячелетий назад.

В путешествии по Крыму, оказавшемуся одновременно и «своим», и «чужим» пространством для отечественного путешественника, репрезентируются мировоззренческие установки автора. Помимо типичных для сентиментального путешествия особенностей (идеализация природы, диалог с читателем, эмоциональный отклик на увиденное, преобладание чувств при описании и исследовании местности), тексту Сумарокова присущи и индивидуально-авторские черты:

- сакрализация пространства, связанного с фигурой Владимира Крестителя;
- оригинальное осмысление идеологемы «Москва – Третий Рим», сопряженной с византийским наследием и концептом возвращения;
- актуализация мифологем «райского места» и «города-сада».

Все эти черты, объединенные мотивом пути, организуют хронотоп крымского путешествия П. И. Сумарокова.

Список литературы

1. Галушко А. Д. «Свое» – «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского // Филологические науки. Научный журнал. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 3–16.
2. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст русской культуры : материалы междунар. конф. СПб. : ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 2008. С. 7–22.
3. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М. : Современник, 1987. 286 с.
4. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : ИМЛИ РАН, 2017.
5. Дзюба Е. М. Образы национальной идентификации в жанрах русской литературы последних десятилетий XVIII века // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (2). С. 89–95.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. 716 с.
7. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
8. Латухина А. Л. Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Н. Новгород, 2004. 184 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Эксмо, 2023. 448 с.
10. Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра. М. : Знание, 1980. 116 с.
11. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма (Становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике). М. : Изд-во МГУ, 1977. 115 с.
12. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / изд. подгот.: С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. Перепеч. с изд. 1867 г. с испр. и доп. СПб. : Русская симфония, 2006. 368 с.
13. Раков А. А. Образы старинных русских городов в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова (Феодосия) // Genius Loci: образы старинных русских городов в творчестве русских и зарубежных писателей / под ред. Н. М. Ильченко и Ю. А. Марининой. Н. Новгород : Мининский университет, 2023. С. 60–64.
14. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова / предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2022. 280 с.
15. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. 208 с.
16. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.

17. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011б. Вып. XVII. С. 595–630.

18. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.

19. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. Л. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.

20. Шестеркина Н. В. Мифологический хронотоп как связь пространства и времени // LINGUA MOBILIS. 2012. № 39. С. 52–60.

Special features of chronotope and route in the "Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov

Rakov Andrey Alekseevich

teacher of Russian language and literature of the highest qualification category, School No. 79 n. a. N. A. Zaitsev; applicant of the Faculty of Humanities, Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. Kozma Minin. Russia, Nizhny Novgorod. SPIN-code: 4212-8723.
ORCID: 0009-0000-1488-3332. E-mail: rane496@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the organization of time and space in the first Crimean journey of P. I. Sumarokov, which is characterized by the influence of the artistic consciousness of pre-romanticism and sentimentalism. The relevance of the work is due to the interest of modern researchers in local (regional) texts of Russian literature, in the travelogue genre; as well as the lack of work related to a full analysis of the Crimean travelogues of P. I. Sumarokov in the context of a sentimental journey at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

The purpose of the article is a comprehensive study of the features of the chronotope and route in the travelogue P. I. Sumarokov "Travel throughout the Crimea and Bessarabia in 1799". Methodologically the study demonstrates imagological, cultural-historical, biographical, comparative-typological and comparative approaches and is based on works devoted to the literary journey and the Crimean text of Russian literature.

As a result of the study, it was revealed that comparison based on the principle of past – present has become the main means of describing the area in the text under consideration and is based on three techniques: allusion, association, retrospection. On the pages of the Crimean travelogue P. I. Sumarokov often travels in space turns into a journey in time. Particular attention in the study was paid to the mythopoetic image of Crimea, since the peninsula in the view of P. I. Sumarokov is endowed with the features of sacred space. The author's interpretation of the ideologeme "Moscow – the Third Rome", associated with the Byzantine heritage and the concept of return, and the actualization of the mythologemes of "heavenly place" and "garden city" represented the author's worldview. The study also showed that the genre-forming categories of travelogue are route, chronotope, locus.

Keywords: sentimental travel, P. I. Sumarokov, travelogue route and chronotope, Crimean text, mythopoetics.

References

1. Galushko A. D. "Svoe" – "chuzhoe" v opisaniy Tavridy P. I. Sumarokovym ["One's own" – "someone else's" in the description of Tavrida by P. I. Sumarokov] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyy zhurnal*. – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Scientific journal. Vol. 8 (74). 2022. No 1. Pp. 3–16.
2. Goncharova O. M. Krym kak Vizantiya (vtoraya polovina XVIII veka) [Crimea as Byzantium (the second half of the XVIII century)] // *Krymskiy tekst russkoj kul'tury: materialy mezhdunarodnoj konferencii* – The Crimean text of Russian culture: materials of the international conference. SPb., Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences. 2008. Pp. 7–22.
3. Guminskij V. M. *Otkrytie mira, ili Puteshestvija i stranniki* [Discovering the world, or traveling and the country]. M., Sovremennik. 1987. 286 p.
4. Guminskij V. M. *Russkaja literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian Travel Literature in the World Historical and cultural context]. M., IMLI RAN. 2017.
5. Dzjuba E. M. *Obrazy nacional'noj identifikacii v zhanrah russkoj literatury poslednih desjatiletij XVIII veka* [Images of national identification in the genres of Russian literature of the last decades of the XVIII century] // *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. – Herald of the Vyatka State University for the Humanities. 2012. Vol. 4 (2). Pp. 89–95.
6. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. [Letters of a Russian traveler]. L., Nauka (Science), 1984. 716 p.

7. Krymskie puteshestvija: Sharl' Zhil'ber Romm. "Puteshestvie v Krym v 1786 godu" [Crimean travels: Charles Gilbert Romm. "A trip to the Crimea in 1786"] / ed. Je. B. Petrova. Simferopol, Biznes-Inform, 2011. 168 p.
8. Latuhina A. L. *Cikl "putevyh pojem" I. A. Bunina "Ten' pticy": problema zhanra : dis. kand. filol. nauk: 10.01.01* [The cycle of "Travel books" by I. A. Bunin "Ten Birds": the problem of the genre : dis. ... PhD in Philological Sciences]. N. Novgorod. 2004. 184p.
9. Lotman Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. M., Eksmo, 2023. 448 p.
10. Maslova N. M. *Putevoj ocherk: problemy zhanra* [Travel essay: problems of the genre]. M. Znanie (Knowledge), 1980. 116 p.
11. Maslova N. M. *Putevye zapiski kak publicisticheskaja forma: (Stanovlenie i razvitie zhanra "puteshestvija" v publicistike)* [Travel notes as a journalistic form: (The formation and development of the genre of "travel" in journalism)] M., Publ. MGU, 1977. 115 p.
12. Mertvago D. B. *Zapiski (1760–1824)* [Notes (1760–1824)]. SPb., Russian symphony, 2006. 368 p.
13. Rakov A. A. *Obrazy starinnyh russkih gorodov v "Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu" P. I. Sumarokova (Feodosija)* [Images of ancient Russian cities in the "Journey through the whole Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov (Feodosia)] // *Genius Loci: Obrazy starinnyh russkih gorodov v tvorchestve russkih i zarubezhnyh pisatelej: sb. mater. konf – Genius Loci: Images of ancient Russian cities in the works of Russian and foreign writers: coll. materials of conf.* Nizhnij Novgorod, Minin university, 2023. Pp. 60–64.
14. Sumarokov P. I. *Dosugi Krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova* [Leisure of the Crimean judge, or the second journey to Tavrida Pavel Sumarokov]. Simferopol, Biznes-Inform, 2022. 280 p.
15. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [Travel throughout Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol, Biznes-Inform, 2012. 208 p.
16. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text] // *Tekst: semantika i struktura – Text: semantics and structure.* M., Nauka (Science), 1983. Pp. 227–285.
17. Hrapunov N. I. *Hersones v opisaniyah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.* [Chersonesos in the descriptions of European travelers of the late XVIII – early XIX centuries] // *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii – Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria.* 2011b. No. XVII. Pp. 595–630.
18. Shachkova V. A. *"Puteshestvie" kak zhanr hudozhestvennoj literatury: voprosy teorii* ["Journey" as a genre of fiction: questions of theory] // *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo – Herald of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.* 2008. No. 3. Pp. 277–281.
19. Shjonle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij, 1790–1840* [Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature, 1790–1840]. SPb., Academic project, 2004. 271 p.
20. Shesterkina N. V. *Mifologicheskij hronotop kak svjaz' prostranstva i vremeni* [Mythological chronotope as a connection between space and time] // *LINGUA MOBILIS.* 2012. No. 39. Pp. 52–60.

Поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 13.15.2025

Музеефикация театрального пространства в контексте современной визуальной культуры

Бубенщиков Андрей Владимирович

аспирант направления «Теория и история культуры, искусства», Челябинский государственный институт культуры. Россия, г. Челябинск. ORCID: 0009-0002-8468-2944. E-mail: vpandrey@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема актуализации театрального наследия как части современной визуальной культуры через музеефикацию театрального пространства. Традиционно, музейно-выставочные проекты реализуются с использованием исторических артефактов и художественных образов при реконструкции пространства ушедших эпох. Но театр – живой организм, что в контексте музеологических исследований XXI в. характеризуется как нематериальное или «живое» культурное наследие. Многомерность театрального наследия определяет необходимость поиска форм музеефикации театрального пространства в его живой сущности – с момента «рождения» идеи, до реализации представления для зрительской аудитории. Использование традиционных форм музеефикации («консервация» театрального действия в статичной конструкции и представление исторических артефактов) недостаточно. Актуализация выбора технологий для «живой» музеефикации спровоцирована появлением современных визуальных технологий, которые позволяют расширить возможности реализации сохранения культурного наследия театрального пространства. Предмет исследования: констатация уже сложившихся форм музеефикации театрального пространства (в том числе и исторического контекста развития театра) для поиска и/или создания новых, которые раскрываются и дополняются через взаимодействие театрального и музейного институтов. Цель данной статьи: представить примеры музеефикационных практик театральной институции, которые уже применяются при музеефикации театрального пространства. Для реализации цели исследования использовались принципы проблематизации театрального наследия как части нематериального («живого») наследия; социокультурной оценки музеефикационных практик по отношению к театральной институции через представление эмпирического материала (реализованные проекты взаимодействия музеев и театров) и востребованности данной проблематики в научном дискурсе; кросс-культурного анализа театрального и музейного институтов, являющихся частью визуальной культуры современного социокультурного пространства. Основные выводы: Музеефикация театрального пространства должна рассматриваться не как технология сохранения театрального наследия в статике традиций, а как сохранение «живых» элементов социокультурной среды, где при необходимой модернизации не забываются истоки театрального искусства, сохраняются традиционно-этические нормы театрального действия.

Ключевые слова: театр, музей, «живое» наследие, технологии музеефикации, визуальность социокультурного пространства.

Актуальность. Современный театр находится в стадии активного развития, рождения новых форм представления и образного выражения, что является требованием социокультурного пространства, включенного в новый виток развития визуальной культуры (виртуально-визуальный). Живой контекст театральной культуры в его разноплановости и эфемерности существует «здесь и сейчас», что не всегда позволяет понять статусность театральных форм, проанализировать сущностные характеристики инноваций. В помощь социуму в оценке театрального пространства прошлого и современного, определении перспектив развития театральных форм как структурного элемента визуальной культуры выступает музейный институт, который рассматривает театр как нематериальное наследие цивилизации, т. е. «живое» наследие. Музейный институт за тысячелетия своего развития образовал формы традиционной музеефикационной практики. Но она большей частью касается константных (материальных) форм наследия. Только на рубеже XX–XXI вв. музеологи задумались о сохранении живой канвы пространства и визуальных структурных форм этого пространства, включив в процесс музеефикации нематериальное наследие. Разработка музеефикационных технологий

зависит от специфики нематериального наследия. Особенность театральной визуальности в том, что она «пишется» на глазах зрителя, рефлексия восприятия театральной визуальности зависит от особенностей культуры повседневности конкретного социокультурного пространства. Поэтому «музеефикация театрального пространства» – это не только реконструкция и презентация уже утраченных театральных форм, но и понимание исторического контекста времени, сохранение театральных поисков на фоне изменения визуальной культуры социума. Современные музеефикационные процессы, касающиеся театрального пространства, начинают работать на перспективу, т. е. не будущую реконструкцию, а закрепление новаций как части социокультурного пространства в реальном времени. Музеефикация театрального пространства необходима не только для сохранения театра как исторически проверенного института социокультурного пространства, но и для культурологического осмысления современного драматургического и режиссерского материала, который предлагают зрителю и зрелищные, и выставочные учреждения, также использующие сценические достижения в своей работе, для определения его в системе нематериального культурного наследия для дальнейшего практического сосуществования театра и музея как двух разнополярных и одновременно сближающихся (благодаря новому пониманию информационно-коммуникативных процессов) культуuroобразующих форм социума.

Театр и музей в современном прочтении – часть визуальной культуры, в которой музейные и театральные залы представляют визуальное документирование исторического процесса (и прошлого, и настоящего), что дает основание для комплексного развития культурно-исторических форм сохранения и репрезентации традиций сцены. Только взаимодействуя друг с другом, две культурные формы – театр и музей – могут быть полезны для социума, визуализируя драматургию исторической и современной сюжетики, взаимно используя образно-художественные совместно разработанные технологии (в т. ч. и технические).

В последние десятилетия исследования известных музеологов-теоретиков, музеологов-практиков, культурологов, искусствоведов, философов, театроведов представляют (или приближаются) к теме музеефикации театрального пространства. Выставочные проекты музеев, в том числе и на базе театральных пространств, рассматриваются с позиций визуальности плеядой российских ученых: М. Е. Каулен [7], Е. Н. Мастеницы [12], С. С. Соковикова [19], зарубежными авторами П. Пави [14], М. А. Поляковой [15], молодыми учеными О. А. Баратовой [3], Д. С. Бокурадзе [4], В. С. Малеевым [11], Е. В. Орловой [13], М. А. Шолоховым [21] и др. В данной работе автор анализирует материалы, предложенные исследователями, с позиций актуализации темы музеефикационных процессов, коснувшихся института театра.

Введение. Театральное пространство – сложно сконструированная система, где главный элемент – сцена, место актерской игры, воплощенной режиссерским замыслом, заявленным сверхзадачей постановки, в которой может участвовать и зритель. Вариативное поле театрального пространства в связи с запросом зрительской аудитории расширяется, событийная составляющая выходит за рамки привычной сцены и зрительного зала. У организаторов различных культурно-массовых мероприятий возрастает интерес к интерактивным технологиям театра не только на сцене, но и в иных культурных локациях – музейных залах, библиотеках, природных заповедниках, цехах заводов, переоборудованных под выставочные и игровые зоны и даже в городском транспорте. Исследователь из Екатеринбурга К. И. Возгивцева, анализируя понятие «театральное пространство», приводит следующую формулировку: «Театральное пространство является частью пространства культуры» [6, с. 63], что номинально озвучивается в названии докторского исследования Р. Р. Тазетдиновой «Театральность как феномен в бытии культуры». Театральное пространство становится предметом культурологического анализа в работах Ксении Ивановны Возгивцевой «Малая сцена в театральном пространстве России XX – начала XXI веков: культурологический аспект» (2006), Елены Валентиновны Орловой «Театральное пространство и пространство театра: компаративный анализ» (2011); Валентины Петровны Лях и Аллы Владимировны Дечевой «Театр в социокультурном пространстве России (вт. пол. XIX – нач. XX в.)» (2012), Екатерины Валерьевны Мазовой «Ярусное построение композиции как прием структурирования театрального и изобразительного пространства в искусстве Алесандра Тышлера» (2018)» [5, с. 86]. Современные исследователи театрального пространства ссылаются на точку зрения выдающегося отечественного филолога и культуролога Ю. М. Лотмана, изложенную в книге «Семиотика сцены». По мнению ученого, театральная игра выходит за пределы только лишь сцены и зрительного зала, тем самым складывается некое единство между «бытием и реальностью», т. е. художественным образом, воплощаемым актером, и зрителем [9, с. 586–603].

Специфика театрального действия такова, что человек, сидящий в зале, при всей его включенности в эмоционально-драматургический ход постановки так или иначе отделен от играющего актера порталом сцены и линией рампы. В связи с этим современные театральные формы открывают перед всеми участниками сценического и зрительского процесса новые возможности для взаимодействия, т. е. интерактивности. Ближайшая к зрителю от играющего на сцене актера зона называется в современном театре просцениумом, которая по сути является архитектурно-техническим и художественным продолжением сцены. Просцениумом считается часть сцены, на которой также играют актеры, выделяющаяся в зрительный зал, за ее портал. Она располагается ближе всего к зрителям [20, с. 258]. Фактически роль этого элемента сцены в современных постановках, особенно иммерсивных, заменяют естественные городские локации: улица, площадь, подземный переход, вестибюль станции метро и др. «Игровые» технологии иммерсивного театра активно применяются и в музейно-выставочной деятельности (хэппенинг, перформанс, квесты и т. д.), используя принцип активного включения зрителей в процесс действия. В своем исследовании М. В. Селеменова отмечает, что в иммерсивном театре идет сознательное изменение императива драматического спектакля, так как главную роль в нем играют не актеры, а зрители [17, с. 37]. Как уже говорилось выше, начало интерактивности, когда актер выходит за пределы сцены в истории театра, было положено в античную эпоху, и уже в эпоху Возрождения в Италии в XVI в. она продолжает существовать и приобретает новые драматургические и игровые формы (например, площадная и уличная народная комедия масок дель арте).

В современном музейном пространстве (в разных тематико-хронологических проектах) театр приходит на помощь при «живой» визуализации повседневной культуры ушедших эпох. Игровой и зрелищный принципы иммерсивного театра основаны в том числе и на визуальных формах площадного, или уличного, представления: массовости, интерактивности, зрелищности, которые могут быть использованы и в музейном пространстве. Такая форма интерактивного представления предполагает некую стихийность, свободу действий зрителей, участвующих в культурно-массовом мероприятии. Конечно, определенные ограничения музейное пространство диктует. Исследователь П. А. Шолохов считает, что у музейных событий должен быть специалист – актер – и постановщик (организатор) – режиссер. По его мнению, режиссер в музейном представлении играет ведущую роль. Используя свои органические и образные способности, актер в музее, ориентируясь на правила игры и роль, заданную в сценарии, воплощает художественную сущность персонажа, поставленную режиссером [21, с. 78].

Режиссерские основы театрального пространства в европейской и отечественной культуре были заложены еще на рубеже XIX–XX вв. и связаны с творчеством таких великих деятелей театра, как Б. Шоу, М. Райнхард, Г. Крэг, К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, А. Я. Таиров, В. Э. Мейерхольд и др. Театр получил новую ипостась – он стал режиссерским [10, с. 426].

Визуальная культура театра приходит в музей достаточно поздно – во второй половине XX в. Получают распространение новые формы взаимодействия зрителя с артобъектами (перформативность и интерактивность), что фактически реконструирует, а следовательно, сохраняет опытные технологии сценических искусств в ретроспективном плане, переводя театр на музейные площадки, что номинально можно отнести к «живой» музеефикации.

Но процесс музеефикации (без нормативного закрепления) именно театрального пространства в его живой органике начинается еще в начале XX в. В этом контексте стоит отметить значительный вклад в музеефикацию театрального пространства творчества художников, занимавшихся видео-артом. Эксперименты с кино, а затем и любительской видеопленкой были для мастеров-модернистов чем-то вроде документальной фиксации их живописных произведений, но позже в пространство кадра приходит театр, благодаря которому на экране появляется некое представление, действие, не подчиненное какому-либо сюжету. Музейный институт первоначально использует видео-арт с его визуальностью и театральностью как материальный артефакт, не задумываясь о том, что форма музеефикации «живого» наследия (в контексте статьи – театра) начала реализовываться, хотя и использовался другой терминологический норматив – документирование. Музеи с помощью технологий кино (ставшего отправной точкой визуального поворота в первой четверти XX в.) и театра не только актуализировали, но и документировали (музеефицировали) художественный процесс. Исследователь из Китая С. Син констатирует, что современные кинематографические технологии в музеях позволяют воплощать интерактивные арт-объекты [18, с. 472]. Начиная с 60-х гг. XX в. в мировые музеи и другие зрелищные пространства приходит еще одно явление визуальной культуры – перформанс, в кото-

ром используется принцип синтеза искусств. Американский историк искусств Майкл Раш подчеркивает, что перформанс был порождением отнюдь не только живописи, но и синтеза современных синтетических визуальных искусств [16, с. 38]. В данном контексте необходимо обозначить значение понятия «визуальная культура» для культурологии и музееведения через этимологическую составляющую дефиниции. Ю. А. Грибер считает, что визуальная культура – это часть культурного пространства, представленного сочетанием зрительных образов, а также ходом их созидания, передачи и восприятия человеком [1, с. 398]. Точка зрения еще одного исследователя визуальной культуры, Е. А. Кудряшовой, заключается в том, что это явление включает в себя многочисленные формы современных пластических и временно-пространственных искусств: от живописи и графики до театра и видео-арта [8]. Приведенные определения позволяют включить процесс музеефикации, в том числе и театрального пространства, как форму сохранения структурных элементов визуальной культуры в целом. В театральном и музейном пространствах присутствуют сближающие их особенности социокультурной событийности и визуальности.

Следует отметить, что мировое театральное пространство движется по пути интерактивности и перформативности. Театральное пространство своей новейшей интерактивной эстетикой оказывает огромное психологическое и художественное воздействие на зрителя при исполнении на сцене классики и современных произведений, позволяющих зрителям глубже погружаться в историю человеческой жизни [5, с. 87–88]. В этом прослеживается художественный контекст театра как феномена современной визуальной культуры. По мнению А. В. Бубенщикова и А. В. Лушниковой, именно подвижная природа театра позволяет расширить визуальный компонент сценического пространства, а именно его художественные и смысловые границы. Задача музея в этом процессе – зафиксировать и сохранить с помощью специфических профессиональных выставочных и фондовых технологий исторически изменяющиеся формы театрального искусства и представить их в поступательной проекции [5, с. 87].

Практики музеефикации театрального пространства присутствуют как в России, так и за рубежом. В нашей стране первенство в этой области закреплено за двумя крупнейшими городами – Москвой и Санкт-Петербургом прежде всего потому, что там расположены значимые зрелищные и выставочные учреждения, в т. ч. театральные музеи, мемориальные дома и квартиры актеров, режиссеров, художников (например, ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства и др.). Региональные, местные музеи (в т. ч. художественные, краеведческие, литературные и притеатральные), историко-культурные заповедники и архитектурно-ландшафтные парки не менее активны в плане музеефикации театрального пространства. В них ведется, и часто на постоянной основе, работа по театрализации культурно-образовательной деятельности среди различных категорий посетителей, что является частью музеефикационных процессов (через ее презентацию). Практики музеефикации театрального пространства наиболее представлены сегодня через привычную форму реализации музейно-выставочных проектов. Приведем несколько примеров: Свердловский областной историко-краеведческий музей им. О. Е. Клера, музейно-выставочный центр «Дом Поклевских-Козелл» – выставка к 85-летию Свердловского академического театра музыкальной комедии «Фабрика счастья», (2018 г.). Уникален совместный экспозиционный проект музея МХАТ (Москва) и Объединенного музея писателей Урала (Екатеринбург) – выставка «Смертельный роман: за кулисами МХАТ» (2022 г.) в музее «Литературная жизнь Урала XIX века» (ОМПУ) с почти детективной фабулой, разворачивавшейся вокруг Московского Художественного театра, а также трех значимых фигур московского света того времени: мецената Саввы Морозова, миллионера Николая Тарасова и актера немого кино Алексея Стаховича. В качестве экспонатов на выставке были представлены уникальные предметы эпохи серебряного века: сборники поэтов, атрибуты театральных зрителей, аксессуары дамского костюма и т. д. Экспозиция «Молодые железнодорожники: М. Булгаков, В. Катаев, Ю. Олеся в МХАТе», посвященная 95-летию спектакля «Квадратура круга», также проходила в музее «Литературная жизнь Урала XIX века» (ОМПУ) в 2023 году. На выставке были показаны уникальные экспонаты, связанные с жизнью и творчеством великих прозаиков и драматургов, фотографии, эскизы к театральным постановкам («Три толстяка», 1930 г.). Этой эпохе была посвящена и выставка «Мейерхольд: драма в красном квадрате», проходившая в культурном пространстве Камерного театра в Екатеринбурге (2024 г.).

Уникальные маски из личного собрания главного режиссера Свердловского академического театра музыкальной комедии Кирилла Савельевича Стрежнева (1954–2022) экспониро-

вались в Каминной гостиной Екатеринбургского Дома актера в конце 2024 г. В рамках международного фестиваля театров кукол «Петрушка Великий» (Екатеринбург) ежегодно проводятся различные зрелищные мероприятия. В частности, в 2020 г. в галерее современного искусства уральской столицы «Синара Арт» прошла выставка главного художника-постановщика Екатеринбургского театра кукол Юлии Селаври «С куклами по пути» – ретроспектива работ автора. На том же фестивале, но уже в 2024 г. на различных театральных площадках Екатеринбурга свое искусство показали актеры-кукольники из Китая. Одно из представлений китайских артистов для многочисленных уральских зрителей было развернуто в парковом пространстве между двумя театрами: Екатеринбургским театром кукол и «Урал Опера Балет» (Екатеринбургский академический театр оперы и балета). В фойе «Коляда-театра» развернута экспозиция вещей, которые долгие годы собирал художественный руководитель театра и его основатель – драматург и режиссер Николай Владимирович Коляда. Уникальным можно назвать выставочный проект, посвященный жизни и творчеству выдающегося отечественного сказочника и драматурга Е. Шварца, реализованный в 2022 г. в Кировском областном краеведческом музее имени П. В. Алабина. Музейные сотрудники обратились к неизвестным страницам жизни Е. Шварца и как ее неотъемлемой части – творческому наследию великого драматурга, связанному с днями эвакуации. Музейные работники воссоздали интерьер квартиры писателя в Кирове со всей атрибутикой: мемориальными предметами, театральными костюмами, реквизитом, афишами, программками спектаклей.

Вышеперечисленные примеры относятся к формам традиционной музеефикации, сохраняющей художественные, исторические артефакты о деятелях сцены в рамках классической музейной экспозиции. Коллекционные экспонаты в данном случае играют роль проводников в мир творческого наследия театра. Российские региональные театры, ведя работу по музеефикации театрального пространства, используют и иные традиционные формы презентации – экскурсии, презентации, краеведческие лекции и др.

Иная ипостась музеефикации театрального пространства связана с популяризацией самого театра, который в виртуально-визуальном мире требует расшифровки театрального языка и обучения ему. Екатеринбургский театр кукол порадовал своих маленьких зрителей и их родителей премьерой в своем новом арт-пространстве «Под крышей» – спектаклем-променадом «Путешествие с Петрушкой». Авторы спектакля – главный режиссер театра Евгений Сивко (заслуженный артист РФ), главный художник театра Юлия Селаври и руководитель литературно-драматургической части театра Семён Вяткин. С помощью настоящих актеров театра, своеобразных «экскурсоводов» и артистов кинетического театра Петрушки и его друзей, юным зрителям раскрывается прошлое и настоящее театра, его закулисы. Еще один театр Екатеринбурга для юного поколения ведет регулярную музейную работу по сохранению сценического наследия – Екатеринбургский ТЮЗ. 18 ноября 2014 г. здесь в отреставрированном здании театра был открыт филиал музея МХАТ. В музейном пространстве Екатеринбургского ТЮЗа постоянно проводятся выставки, посвященные деятелем уральской сцены. Список можно продолжать.

Заключение. Театральное наследие нашей страны можно назвать многогранным и уникальным. Каждый выставочный проект, посвященный театру, или театрализованная культурная программа вносят свою лепту в музеефикацию театрального пространства. Зарубежный опыт в этом контексте также нельзя недооценивать – мемориальные и притеатральные библиотеки и музеи известных художников, музыкантов, актеров (к примеру, библиотека-музей «Гранд-опера» в Париже, музей «Ла Скала» в Милане, музей при театре «Кабуки» Токио). Их работа по музеефикации мирового театрального наследия, а тем самым и вклад в визуальную культуру уникальны. Но время показывает, что именно симбиоз – музейно-театральное пространство – эмоционально отражает культурный код социума. Оно позволяет раскрывать глубинный смысл и органическую сущность культуры социума, ее уникальность через ретроспективу созданного, сохранение истинно ценного, сохранение традиций в инновациях. Симбиоз двух социокультурных институтов – театра и музея – в мутуализматической форме не просто решает проблему музеефикации собственно театрального пространства, но комплексно представляет сущность и образность цивилизационного пространства в его становлении и развитии. Автор, обращаясь к эталонности языка русского театра, определяет, что музей с помощью современных технологий уже включен в сохранение одного из ярчайших явлений визуальной культуры – театрального искусства, но процесс этот не конечен, он провоцируется поиском новых форм (в современном пространстве – использование информационных технологий и различных технических средств) при сохранении традиционных норм музеефикации.

Список литературы

1. Грибер Ю. А. Визуальная культура // Прикладная культурология : энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М. : Сократ, 2019. С. 398.
2. Грибер Ю. А. Контент-анализ (анализ содержания) // Прикладная культурология : энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М. : Сократ, 2019. С. 161.
3. Баратова О. А. Театр и театральность в английском романе второй половины XX в. начала XXI в.: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)» : дис. ... канд. филол. наук / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Казань, 2018. С. 154.
4. Бокурадзе Д. С. Театр как грань города: хронотоп, поэтика, фестивальное пространство: специальность 24.00.01 «теория и история культуры» : дис. ... канд. культурологии / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Саранск, 2015. С. 176.
5. Бубенчиков А. В., Лушникова А. В. Театральное пространство в контексте историко-культурологического среза // Россия – Узбекистан – Таджикистан. Содружество культур: социально-культурная идентичность в условиях глобальных вызовов : сб. материалов междунар. науч. конф. / под ред. С. Б. Синецкого, Э. У. Шерманова, Ф. Ш. Рузикулова, Б. Б. Мансурова, М. З. Низоми, Ж. Гульназарзода, Ш. М. Тохтасимова ; сост. Б. С. Сафаралиев, О. Г. Усанова, Н. З. Насруллаева, М. Б. Юлдашева, Г. Р. Акрамова. Челябинск : ЧГИК, 2023. С. 87.
6. Возглицева К. И. Театральное пространство: культурологический аспект // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 5. С. 63.
7. Каулен М. Музеефикация историко-культурного наследия России. М. : Этерна, 2012. 310 с.
8. Кудряшова Е. А. Новая визуальная культура в медиапространстве // Век информации (сетевое издание). 2019. Т. 3, № 3(8).
9. Лотман Ю. М. Семиотика сцены // Об искусстве. СПб. : Искусство, 1998. С. 583–603.
10. Любомудров М. Н. Театральное искусство и театральные традиции России как нематериальное культурное наследие // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М. : Институт Наследия, 2022. С. 426.
11. Малеев В. С. Музей и театр на пути к единству: поиск синтетических форм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 113–122.
12. Мастеница Е. Н. Театрализация в литературном музее: принципы и формы // Вестник СПбГИК № 2 (51). СПб., 2022. С. 99–106.
13. Орлова Е. В. Театральное пространство и пространство театра: компаративный анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2011. С. 10.
14. Пави П. Словарь театра : пер. с фр. М. : Прогресс, 1991. 516 с.
15. Полякова М. А. Наследия культурного актуализация, «культурная анимация», «оживление культурного наследия» // Прикладная культурология : энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М. : Согласие, 2019. С. 691.
16. Раш М. Новые медиа в искусстве : пер. с англ. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022. 256 с.
17. Селеменова М. В. Иммерсивный театр как феномен современной городской культуры // Вестник Университета Правительства Москвы. 2019. № 3. С. 37.
18. Син С. Кино в музейном пространстве // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. № 9 (78). Т. 5. С. 472.
19. Соколов С. С. Визуальная культура и визуальность праздника как его имманентное свойство // Искусствознание: теория, история, практика. 2014. № 2 (9). С. 110.
20. Театр. Актер. Режиссер : краткий словарь терминов и понятий / сост. А. Савина. СПб. : Лань ; Планета музыки, 2010. С. 258.
21. Шолохов П. А. Театрализация в музейной сфере // Молодежный вестник СПбГИК. 2017. № 1(7). С. 78.

Museification of theatrical space in the context of modern visual culture

Bubenshchikov Andrej Vladimirovich

postgraduate student in the field of Theory and History of Culture and Art, Chelyabinsk State Institute
of Culture. Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0009-0002-8468-2944. E-mail: vpandrey@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of actualizing the theatrical heritage as part of modern visual culture through the museumification of the theatrical space. Traditionally, museum and exhibition projects are implemented using historical artifacts and artistic images in the reconstruction of the space of bygone eras. However, the theater is a living organism, which in the context of 21st century museum studies is characterized as an intangible or "living" cultural heritage. The multidimensionality of the theatrical heritage necessitates the

search for forms of museumification of the theatrical space in its living essence, from the "birth" of an idea to the presentation for the audience. The use of traditional forms of museumification ("preservation" of theatrical performances in a static structure and presentation of historical artifacts) is insufficient. The relevance of the choice of technologies for "live" museumification is triggered by the emergence of modern visual technologies that expand the possibilities for preserving the cultural heritage of the theatrical space. The subject of this research is the identification of existing forms of museumification of the theatrical space (including the historical context of theater development) in order to find and/or create new ones that are revealed and expanded through the interaction between the theater and museum institutions. The purpose of this article is to present examples of museumification practices in the theater institution that are already being used in the museumification of the theatrical space.

To achieve the research goal, the following principles were used: the problematization of theatrical heritage as part of the intangible ("living") heritage; the sociocultural assessment of museification practices in relation to the theatrical institution through the presentation of empirical material (implemented projects of cooperation between museums and theaters) and the relevance of this issue in scientific discourse; and the cross-cultural analysis of the theatrical and museum institutions as part of the visual culture of the modern sociocultural space. Key findings: The museumification of the theatrical space should be viewed not as a technology for preserving the theatrical heritage in the static traditions, but as the preservation of a "living" element of the socio-cultural environment, where, with the necessary modernization, the origins of theatrical art are not forgotten and the traditional ethical norms of theatrical performance are preserved.

Keywords: theater, museum, "living" heritage, museumification technologies, and the visual nature of sociocultural space.

References

1. Griber Yu. A. *Vizual'naya kul'tura* [Visual culture] // *Prikladnaya kul'turologiya : encikl.* – Applied cultural studies. Encyclopedia / comp. and scient. ed. I. M. Bykhovskaya. M., Socrates, 2019. P. 398.
2. Griber Yu. A. *Kontent-analiz (analiz sodержaniya)* [Content analysis (content analysis)] // *Prikladnaya kul'turologiya : encikl.* – Applied Cultural Studies. Encyclopedia / comp. and scient. ed. I. M. Bykhovskaya. M., Socrates, 2019. P. 161.
3. Baratova O. A. *Teatr i teatral'nost' v anglijskom romane vtoroj poloviny XX v. nachala XXI v.: special'nost' 10.01.03 "Literatura narodov stran zarubezh'ya (s ukazaniem konkretnej literatury)" : dis. ... kand. filol. nauk* [Theater and theatricality in the English novel of the second half of the XX Century – the beginning of the XXI Century: specialty 10.01.03 "Literature of the peoples of foreign countries (with specific literature)" : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) federal University". Kazan, 2018. P. 154.
4. Bokuradze D. S. *Teatr kak gran' goroda: hronotop, poetika, festival'noe prostranstvo: special'nost' 24.00.01 "Teoriya i istoriya kul'tury" : dis. ... kand. kul'turologii* [Theater as a facet of the city: chronotope, poetics, festival space.: specialty 24.00.01 "Theory and history of culture" : diss. ... PhD in Cultural Studies]. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University n. a. N. P. Ogarev". Saransk, 2015. P. 176.
5. Bubenshchikov A. V., Lushnikova A. V. *Teatral'noe prostranstvo v kontekste istoriko-kul'turologicheskogo sreza* [Theatrical space in the context of historical and cultural context] // *Rossiya – Uzbekistan – Tadzhikistan. Sodruzhestvo kul'tur: social'no-kul'turnaya identichnost' v usloviyah global'nyh vyzovov : sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* – Russia – Uzbekistan – Tajikistan. The Commonwealth of cultures: socio-cultural identity in the context of global challenges : collection of materials of the International scientific conference / ed. by S. B. Sinetsky, E. U. Shermanov, F. S. Ruzikulov, B. B. Mansurov, M. Z. Nizomi, J. Gulnazarzoda, S. M. Tokhtasimov; comp. B. S. Safaraliev, O. G. Usanova, N. Z. Nasrullayeva, M. B. Yuldasheva, G. R. Akramova. Chelyabinsk, CHGIK, 2023. Pp. 82–88.
6. Vozgrivtseva K. I. *Teatral'noe prostranstvo: kul'turologicheskij aspekt* [Theatrical space: a cultural aspect] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Proceedings of the Ural State University. 2005. No. 5. P. 63.
7. Kaulen M. *Muzeifikaciya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of the historical and cultural heritage of Russia]. M., Eterna, 2012. 310 p.
8. Kudryashova E. A. *Novaya vizual'naya kul'tura v mediaprostranstve* [New visual culture in the media space] // *Vek informacii (setevoe izdanie)* – Information Age (Digital edition). 2019. Vol. 3. No. 3 (8).
9. Lotman Yu. M. *Semiotika sceny* [Semiotics of the scene] // *Ob iskusstve* – About art. SPb., Iskusstvo (Art), 1998. Pp. 583–603.
10. Lyubomudrov M. N. *Teatral'noe iskusstvo i teatral'nye tradicii Rossii kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie* [Theatrical art and theatrical traditions of Russia as an intangible cultural heritage] // *Enciklopediya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Rossii. Posvyashchaetsya Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii* – Encyclopedia of the intangible Cultural Heritage of Russia. Dedicated to the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia. M., Institute of Heritage, 2022. P. 426.
11. Maleev V. S. *Muzej i teatr na puti k edinstvu: poisk sinteticheskikh form* [Museum and theater on the way to unity: the search for synthetic forms] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2018. No. 4. Pp. 113–122.

12. Mastenitsa E. N. *Teatralizaciya v literaturnom muzee: principy i formy* [Theatricalization in the literary museum: principles and forms] // *Vestnik SPbGIK* – Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. No. 2 (51). SPb., 2022. Pp. 99–106.
13. Orlova E. V. *Teatral'noe prostranstvo i prostranstvo teatra: komparativnyj analiz : avteref. dis. ... kand. filos. nauk* [Theatrical space and theater space: a comparative analysis : abstract of the diss. ... PhD in Philosophical Sciences]. Tambov, 2011. P. 10.
14. Pavi P. *Slovar' teatra : per. s fr.* [Dictionary of theater : transl. from French]. M., Progress, 1991.
15. Polyakova M. A. *Naslediya kul'turnogo aktualizaciya, "kul'turnaya animaciya", "ozhivlenie kul'turnogo naslediya"* [Cultural heritage actualization, "cultural animation", "revival of cultural heritage"] // *Prikladnaya kul'turologiya : encikl.* – Applied cultural studies. Encyclopedia / comp. and scient. ed. I. M. Bykhovskaya. M., Consent, 2019. P. 691.
16. Rush M. *Novye media v iskusstve : per. s angl.* [New Media in Art : transl. from English]. M., Ad Marginem Press : Garage Museum of Modern Art, 2022. 256 p.
17. Selemenova M. V. *Immersivnyj teatr kak fenomen sovremennoj gorodskoj kul'tury* [Immersive theater as a phenomenon of modern urban culture] // *Vestnik Universiteta Pravitel'stva Moskvy* – Bulletin of the University of the Government of M., 2019. No. 3. P. 37.
18. Sin S. *Kino v muzejnom prostranstve* [Cinema in the museum space] // *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal "Vestnik nauki"* – International scientific journal "Bulletin of science". 2024. No. 9 (78). Vol. 5. P. 472.
19. Sokovikov S. S. *Vizual'naya kul'tura i vizual'nost' prazdnika kak ego immanentnoe svojstvo* [Visual culture and the visual character of the holiday as its immanent property] // *Iskusstvoznanie: teoriya, istoriya, praktika* – Art studies: theory, history, practice. 2014. No. 2 (9). P. 110.
20. *Teatr. Akter. Rezhisser : kratkij slovar' terminov i ponyatij* [Theater. Actor. Director : a short dictionary of terms and concepts] / comp. A. Savina. SPb., Lan ; Planet of music, 2010. P. 258.
21. Sholokhov M. A. *Teatralizaciya v muzejnoj sfere* [Theatricalization in the museum sphere] // *Molodezhnyj vestnik SPbGIK* – Youth Bulletin of St. Petersburg State University. 2017. No. 1 (7). P. 78.

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Принята к публикации: 18.09.2025

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (40) (2025)

16+

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 07.01.2026 г.
Дата выхода в свет 19.02.2026 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ № 32.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36